

ISSN 2409-336X

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (45)
2015

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук дацэнт Д.С. Лаўрыновіч (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
д-р гіст. навук дацэнт Д.С. Лаўрыновіч (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Днепрадзяржынск, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

*Научно-методический журнал “Вестник Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова” включен в РИИЦ
(Российский индекс научного цитирования),
лицензионный договор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

БОНДАРЕНКО К. М. Аграрный вопрос в идеологической доктрине и практической деятельности правомонархических партий в России и Беларуси в начале XX в.	4
ЛАВРИНОВИЧ Д. С. Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси в общественно-политической жизни начала XX века	12
ЯНУШЕВИЧ И. И. Постановления ЦК КП(б)Б по вопросу организации антирелигиозной работы 1937–1938 гг.	23
УВАРОВ И. Ю. Кревская уния 1385 года – военно-политический договор ВКЛ и Польши	31
ШУТКОВА Е. П. Золоченые и серебряные стеклянные бусы курганного могильника “Восход”	36
ЕВАРОЎСКИ В. Б. Сярэднявечная Беларусь у інтэлектуальнай гісторыі “экспансіі” Еўропы	43
ПИСАРЕНКО Ю. Г. Дарообмен как модель бытия архаического общества	49
ШАРШНЁВА В. М. Структура дыялагічных адзінстваў у літаратурна-мастацкім тэксце (на матэрыяле твораў У. Караткевіча)	56
ГУРИН И. В. Авторизация как текстообразующий компонент газетного текста	62
БУЕВИЧ А. А. Религиозные концепты: дефиниции, базовые признаки, методики описания	71
ЧЕРНОВА Г. С. Литературная критика гражданского романтизма: в поисках “своей” народности	80
ЗУЕВА-ЗАЛИВКО О. И. Трагичность как доминанта поэтического мира в лирике О. В. Переверзевой	85

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(470+476) “19”

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX в.

К. М. Бондаренко

кандидат исторических наук, доцент,
ректор МГУ имени А. А. Кулешова, г. Могилев, РБ

Статья посвящена анализу программных документов ведущих правых монархических партий и союзов, их требований, направленных на совершенствование аграрных отношений в российской деревне, определению места и роли аграрного вопроса в идеологической доктрине правых в начале XX в.

Введение

Состояние и перспективы развития сельского хозяйства, социально-экономическое положение крестьянства всегда находились в центре внимания правомонархических партий и союзов, так как именно крестьянство рассматривалось идеологами правых сил чуть ли ни единственной верной и надежной опорой самодержавного режима, хранителем православных устоев и традиций. Отдельные стороны рассматриваемой проблемы в той или иной мере находили отражение в исторической литературе прошлых лет. В частности, одним из первых программные документы крупнейших монархических партий исследовал Л.М. Спирин. Он дал общую характеристику понимания аграрного вопроса и путей его предполагаемого решения лидерами Русского Собрания (РС), Союза Русского Народа (СРН), Всероссийского Союза земельных собственников (ВСЗС), Всероссийского национального союза (ВНС) [1]. Более детальное рассмотрение стратегия и тактика общероссийских правомонархических партий получили в работах С.А. Степанова [2] и Ю.И. Кирьянова [3]. В книгах и статьях российских историков А.А. Иванова [4] и И.В. Омелянчука [5] содержится значительный материал, дающий определенное представление об отношении к аграрным преобразованиям в России (прежде всего к столыпинской реформе) со стороны Союза Михаила Архангела (СМА) и его руководителя В.М. Пуришкевича, хотя поднятые ими проблемы и не являлись предметом специального исследования.

Особенностям решения аграрного вопроса правомонархическими партиями в белорусских губерниях начала XX в. посвящены отдельные разделы трудов современных отечественных историков [6]. Вместе с тем, эта проблема по-прежнему остается малоизученной и требует дальнейшего всестороннего исследования.

Основная часть

В конце XIX – начале XX вв. Россия, несмотря на значительные достижения в промышленном развитии, оставалась в целом аграрной страной. По переписи 1897 г. в ней проживало 97 млн. сельскохозяйственного населения из 126

зарегистрированных на территории всей империи. Накануне Первой мировой войны, в результате естественного прироста, население страны увеличилось до 170 млн. чел., среди которых крестьянство составило 69% [7, с. 24–23]. Его социально-классовая дифференциация к этому времени зашла уже достаточно далеко: зажиточных было 19%, середняков и бедняков – по 25% соответственно. Всего к этому времени в России насчитывалось 124 млн. крестьян [7, с. 26]. Общий земельный фонд государства составлял 400 млн. десятин, из которых треть приходилась на крестьянские общинно-наделные, 12% – на частновладельческие, остальное – на удельные, казенные, церковные, помещичьи и т.д. Обрабатываемые земли не превышали 100 млн. десятин, 90% из них являлись крестьянскими посевами. На территории Российской империи насчитывалось 20 млн. крестьянских дворов, количество которых из года в год увеличивалось, приводя к численному росту середняцких и бедняцких хозяйств [7, с. 21], и как результат, к снижению товарности сельскохозяйственного производства в целом. Следовательно, большинство крестьян могли продать на рынке крайне незначительную часть произведенного продукта, т. е. излишки, а на вырученные деньги лишь частично удовлетворить свои производственные и бытовые потребности. Более того, примерно 1/6 часть крестьян, в основном зажиточных, распоряжалась на условиях аренды половиной всех наделных земель бедняцко-средняцких хозяйств, эксплуатируя наемный труд своих же земляков-соседей. Все это крайне негативно сказывалось на уровне жизни большинства сельского населения и вело к нарастанию социального противостояния в деревне между помещиками и кулаками с одной стороны и, середняками и бедняками с другой.

Бедственное положение большинства крестьянства осознавали все политические партии, в различное время действующие в России. Каждая из них по своему трактовала его причины и, исходя из этого, определяла пути решения данной проблемы. Не остались в стороне от необходимости изменения положения в деревне и правые силы. Монархические партии уже в своих первых программных документах уделили этому вопросу первостепенное внимание, предлагая самые разнообразные пути и способы его решения. Так, в программе РС впервые перечислялись возможные меры решения аграрного вопроса: “улучшение сельскохозяйственной культуры, развития кустарных промыслов и увеличения площади крестьянского землевладения” [8, с. 423]. Правда, путей увеличения земельной собственности крестьян правые идеологи монархизма пока еще не конкретизировали. Более детально эти проблемы были изложены в программе Русской монархической партии (РМП). Восьмой и тринадцатый разделы ее основного документа содержали требования добиться улучшения “крестьянского быта” путем поднятия “сельскохозяйственной культуры, правильной организации сельского кредита, учреждением сельских земледельческих школ, а также целесообразным землеустройством и расселением, в особенности же рациональным ведением переселенческого дела” [8, с. 433].

Одной из причин тяжелого экономического положения крестьянства партия считала малоземелье, ликвидировать которое предлагала законными средствами, предостерегая крестьян от каких бы то ни было насильственных действий “в виде захвата чужой собственности” [8, с. 433]. Чтобы даже небольшой земельный надел давал большую прибыль РМП считала необходимым обрабатывать его “усиленным и улучшенным образом”, применяя “общие меры облесения, обводнения, борьбы с оврагами, песками и т.п.” [8, с. 433]. Предложенные меры должны были осуществляться при поддержке государства и местных земств че-

рез кредитование и обучение крестьян улучшенному труду в сельских школах. Кроме этого, в деле борьбы с малоземельем намечалось активнее использовать переселения на добровольной основе крестьян из центральных, густонаселенных губерний, в восточные регионы империи [8, с. 434]. При этом РМП твердо отстаивала принцип частной собственности на землю и выступала за сохранение крупного помещичьего землевладения. По этому поводу в программе заявлялось, что “Монархическая партия ... не допускает мысли” о том, чтобы все мероприятия по улучшению положения крестьян влекли “за собой преступные насилия в виде захвата чужой собственности или принудительного отчуждения крупных владений для удовлетворения мелких собственников” [8, с. 433].

СРН, позиционирующий себя как массовая народная организация, также уделял существенное внимание аграрному вопросу, о чем свидетельствует шестой раздел его программы под названием “Земельный вопрос”, который включал 16 пунктов, не считая льгот для казачества. Декларируя стремление “домогаться всеми силами расширения крестьянского землевладения”, идеологи Союза сразу оговаривались, что “никакие меры, направленные к улучшению быта крестьян, не должны нарушать неприкосновенности земельной собственности” [8, с. 451].

Тем не менее, в программе выдвигался ряд мер, способствующих, с точки зрения СРН, улучшению материального состояния крестьян. Наиболее значительными среди них были: уравнивание имущественных и семейных прав крестьянского и прочих сословий; предоставление в собственность крестьянских наделов, полученных после реформы 1861 г.; наделение малоземельных крестьян землей за счет казенных земель, с этой же целью предлагалось добиваться за счет государства покупки у частных владельцев добровольно продаваемых ими земель; оказание помощи государству крестьянам при покупке земли и в деле переселения [8, с. 451–452].

Кроме того, для улучшения хозяйственного и правового положения крестьян, союзниками выдвигались следующие требования: устранение чересполосицы путем обмена или покупки земли при содействии государства; признание собственности земельных участков за крестьянами в общинах, не проводивших земельные переделы в течение последних 24 лет; предоставление отдельным крестьянам права выхода из общины с сохранением в собственности общинного участка земли; регулирование законом арендных отношений; установление наименьшего размера земельной собственности, не подлежащей принудительной продаже за долги владельца; выкуп сервитутных прав при содействии казны по существующей казенной оценке; учреждение мелкого государственного сельского кредита; организация казенных зернохранилищ для покупки крестьянского хлеба, что позволило бы освободить крестьян от эксплуатации скупщиками и упорядочило заграничный вывоз [8, с. 452].

Другие монархические партии либо полностью были солидарны с этой программой, как например СМА, либо практически повторяли ее основные положения. Например, в § 10 программы центристского Союза имени Михаила Архангела было прямо указано, что она “совершенно совпадает с программой Союза Русского Народа (вопросы: земельный, рабочий, народного образования, суда, печати и проч.), ибо Союз Михаила Архангела возник и растет из того же семени любви и бесконечной преданности: Церкви Православной, неограниченному Самодержавию Царскому и великой Народности Русской” [8, с. 459]. Лидер умеренных правых ВНС, соглашаясь с основными требованиями СРН по аграрному вопросу, все же акцентировал свое внимание на хуторском и отрубном

землевладении и землепользовании, считая их более культурными формами организации крестьянского хозяйства [8, с. 368].

8 июля 1906 г. председателем Совета Министров (а еще раньше – 26 апреля 1906 г. министром внутренних дел – *К. Б.*) был назначен П.А. Столыпин – будущий великий реформатор России. Среди дюжины реформ, затрагивающих практически все стороны жизнедеятельности огромной державы, главной целью его правления стала аграрная реформа, основная задача которой состояла в принципиально новой реорганизации землепользования и землевладения крестьянства. Необходимо было решить две взаимосвязанные проблемы – организационно-правовую и экономическую. Осуществление первой началось с указа от 12 августа 1906 г. о передаче Крестьянскому банку удельных земель (собственность императорской фамилии), а вскоре последовали указы: 27 августа о порядке продажи казенных земель; 19 сентября о порядке продажи крестьянам казенных земель на Алтае (собственность Николая II); 19 октября о разрешении Крестьянскому банку выдавать крестьянам ссуды под залог надельной земли, чем фактически признавалась крестьянская личная собственность на надельную землю. Затем, 5 октября 1906 г. был принят указ об отмене всех сохранившихся (после реформы 1861 г. – *К. Б.*) ограничений для крестьянского сословия, который уравнивал крестьян в правах с гражданами других сословий в отношении государственной и военной службы, обучения в учебных заведениях и т.д. [9, с. 86–89]. И наконец, 9 ноября 1906 г., на основании ст. 87 Основных законов Российской империи (дающей возможность императору лично утверждать предлагаемые правительством законодательные акты без предварительного обсуждения их в ГД – *К. Б.*) увидел свет указ Николая II об “Отмене выкупных платежей за надельные земли и праве выхода крестьян из общины” [10, с. 638]. Указ отменял с 1 января 1907 г. “взимание с крестьян выкупных платежей за надельные земли”. “С этого же срока, – утверждалось далее, – означенные земли освобождаются от лежащих на них в силу выкупного долга ограничений, и крестьяне приобретают права свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению участков из мирского надела” [10, с. 638]. В последующем тексте документа подробно разъяснялись правила и принципы выхода крестьян из общины и закрепления в собственность надельной земли. 14 июня 1910 г. переработанный, измененный и дополненный указ, одобренный Государственной Думой и Государственным Советом стал действовать как закон. Исходя из него, крестьянин, выходя из общины, получал право потребовать сведения всех своих земельных участков в одно место без переноса усадьбы из общинных владений (это называлось отрубом – *К. Б.*) или с переносом усадьбы за границы общинных земель, чаще на окраины, (подобное частное поселение именовалось хутором – *К. Б.*). В случае нехватки земли или нежелания крестьянина оставаться в местах прежнего проживания законодательством предусматривались право и возможность переселения крестьянина с семьей на свободные земли в регионах проживания или в малонаселенные районы Урала, Севера и Сибири. Если сравнить положения новых законодательных актов по аграрному вопросу с программными требованиями монархических партий, то нетрудно заметить, что по многим позициям они практически полностью совпадают, а иногда и почти дословно повторяют друг друга. За 10 лет проведения реформы (1907–1917 гг.) (по свидетельству отечественных историков) из общины вышел каждый четвертый крестьянин, а “каждый десятый стал собственником хутора или отруба”. Число “переселенцев превыси-

ло 3 млн. человек”, однако по разным причинам примерно пол-миллиона крестьян с семьями были вынуждены вернуться в европейские губернии России, тем самым увеличив число малоземельных, а то и безземельных крестьянских дворов [11, с. 28].

Отношение правых к столыпинской аграрной реформе было неоднозначным. Крайне правые во главе с СРН (а с декабря 1911 г. – Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа (ВДСРН)), понимая необходимость существенных перемен в аграрном секторе экономики страны и решения земельного вопроса в пользу крестьянства, безоговорочно поддержали П.А. Столыпина только в плане проведения государственной переселенческой политики. В отношении ликвидации общинного землепользования их позицию нельзя считать вполне простолыпинской. Признавая за крестьянами право выхода из общины на отруб и создания индивидуального хозяйства, ВДСРН требовал запретить власть предрезающим принуждать к этому крестьян силой и обманом и предоставить им свободу выбора. Более того, отдавая предпочтение сохранению общины, ВДСРН уже на своем Учредительном Съезде (21 ноября – 1 декабря 1911 г.) в постановлении “О землеробах” недвусмысленно заявил “признать еще более желательным сохранение общины как основной формы деревенской жизни, потому что общинное хозяйство легче вести, как уже налаженное, привычное. Община сдерживает слабохарактерных влиянием и даже правом воздействия. Община ограждает возможности заработать на прокормление. Община поддерживает храм Божий и школу, а где и больницу, которые при расселении на хутора, зачахнут. Община сохраняет единоплеменные и братскую связь, чем предохраняет от развития хулиганства. В случае разбойных нападений и т.п. община защищается вся вместе, разделяя общую беду общим ответом. Общину легче охранять и спасать даже, пожалуй. Все это делает жизнь легче и спокойнее. Расселенные на хутора совсем беззащитны и беспомощны от лихих людей и грабителей” [12, с. 79]. Как бы ни казались некоторые из этих положений простыми и даже наивными, но они шли из повседневной жизни незажиточного большинства крестьянской массы и были ей понятны и близки, а следовательно пользовались соответствующей поддержкой.

Как уже отмечалось выше, центристы и умеренно правые, за небольшим исключением, поддержали большинство столыпинских нововведений в аграрном переустройстве России. Особенно это касалось отношения к общине и переселенческой политике правительства. Например, в программе СМА провозглашалось, что “Союз поставляет своею обязанностью заботы об увеличении крестьянского землевладения на правах собственности, об улучшении сельскохозяйственной культуры, о снабжении населения усовершенствованными орудиями для обработки земли; вместе с тем Союз будет заботиться о переселенцах, оказывая им духовную и материальную поддержку” [13, с. 379]. На стороне П.А. Столыпина оказался и Союз Русского Народа – обновленческий. Его признанный лидер Н.Е. Марков II принял самое активное участие в думских дебатах по поводу указа 9 ноября 1906 г. и, по утверждению И.В. Омелянчука, “...полностью одобрил курс на разрушение общины, видя в ней не только неэффективный экономический институт, но и крестьянскую организацию, представляющую опасность и для властей, и для помещиков” [5, с. 69]. Умеренно правый Всероссийский национальный союз в своей программе, принятой в январе 1910 г., поставил в качестве главных задач в области переустройства аграрных отношений: а) “уничтожение чересполосицы и переход от существующих форм крестьян-

янского землевладения и землепользования к другим более культурным (хуторское и отрубное хозяйство), для каковой цели должен быть использован имеющийся свободный государственный земельный запас и нужные средства из государственного казначейства; б) упорядочение переселенческого дела и в) организация дешевого и мелкого кредита” [8, с. 368]. Все в духе основных положений указа от 9 ноября 1906 г. Показательным в этом плане является также пример отношения к нему со стороны правых депутатов III Государственной Думы от белорусских губерний, приведенный, в одной из фундаментальных работ известным отечественным историком Н.М. Забавским. В частности, он отмечает: “Ад фракцыі правых дэпутатаў Думы свае меркаванні наконт указа выказаў епіскап Гомельскі Мітрафан, цалкам падтрымаўшы яго... Протаіерэй Ф.І. Нікановіч (Віцебская губернія) выказаў надзею, што ўказ ад 9 лістапада вырашыць зямельнае пытанне” [14, с. 101]. “Выступленні правых дэпутатаў ад Беларусі, – епіскапа Мітрафана, протаіерэя Ф.І. Нікановіча, В.К. Тычыніна, – адзначае далей Н. Забавскі – нічым не адрозніваліся ад агульных пазіцый, якія займалі прадстаўнікі галоўных манархічных партый Расіі. Іх сутнасць зводзілася да таго, што ўказ ад 9 лістапада 1906 г. з’яўляецца адзіным сродкам вырашэння аграрнага пытання і выратаваннем ад рэвалюцыі” [14, с. 102].

Для монархических организаций Беларуси в целом была характерна большая решительность, по сравнению с центральным партийным руководством, в отношении возможных путей решения аграрного вопроса, что обусловлено с одной стороны острым земельным голодом местных крестьян, а с другой – господством крупного, преимущественно польского, помещичьего землевладения. По данным Н.М. Забавского, в начале XX в. в западных губерниях дворянству принадлежало 80,2% всего частного землевладения, из которого на поляков приходилось около 50% крупной земельной собственности [14, с. 4]. Наиболее радикальный способ защиты экономических и политических интересов местного населения от польских помещиков и возможности окатоличивания – по мнению монархистов края – это отчуждение земли от польских землевладельцев, как врагов русской государственности. Так, например, Д.В. Скрынченко предлагал: “...нужно, по примеру Пруссии, отчуждить в государственный фонд земли польских панов...”, но опасаясь критики, оговаривался: “Я вовсе не трудовическую программу провожу, а стою на страже государственных интересов” [15, с. 14].

О необходимости расширения площади крестьянских земель писали и крайне правые местные издания, отрицая однако радикальное игнорирование принципа частной собственности. В серии статей печатного органа Русского Крайнего Общества газете “Окраины России”, посвященной проблемам сельского хозяйства, разъяснялась необходимость “твердо защищать права частной собственности... как залог всякого прогресса, основу общежития...” [16, с. 221–223]. Кроме того, для дальнейшего развития крестьянского хозяйства, по мнению умеренно правых, необходимо было ликвидировать общинное землевладение, для чего разрешить крестьянам свободно выходить из общины; ликвидировать чересполосицу; наладить на должном уровне государственную деятельность по переселению сельского населения в азиатскую часть России, с предоставлением переселенцам различных льгот [17, с. 237–239; 18, с. 269–271].

Газета “Северо-Западная Жизнь”, как орган националистов, дополняла вышеназванные меры требованием предоставления мелкого кредита для приобретения земли не только для крестьян, но и для православного духовенства и интеллигенции. Это преобразование, с точки зрения издания, позволило бы со-

здать в деревне необходимый для деятельности земств “русский культурный элемент”, способствовало бы развитию сельскохозяйственной культуры. Для реализации такой идеи местные националисты предлагали учредить бессловный западно-русский земельный банк [19, с. 1].

Особым подходом к решению аграрного вопроса отличалось белорусское общество “Крестьянин”. На собрании общества в марте 1907 г. обсуждался вопрос “О способах расширения крестьянского землевладения”. В принятом постановлении присутствующие единодушно высказались “против безвозмездного отчуждения частновладельческих земель с целью так называемой национализации земли... Нарушение принципа земельной собственности должно иметь неизбежным следствием отрицание его и относительно других видов имущества, следовательно, приведет к господству социалистических утопий, опасных не только для экономического, но и для политического существования государства...”

Но с другой стороны, исходя из очевидной необходимости расширения площади крестьянского землевладения, нельзя в этом вопросе отступить перед отвлеченным принципом неприкосновенности частной земельной собственности в его чрезмерных проявлениях; нельзя мириться с современным существованием с одной стороны огромных частных земельных владений, а рядом с этим крайней земельной нужды. Самым разумным выходом из этого противоречия было бы, по мнению собрания, установление прогрессивного земельного налога, чтобы удержание в одних руках обширных земельных владений оказалось бы невыгодным...” [20, с. 139].

Заключение

Как свидетельствуют приведенные выше факты, ведущие монархические партии не имели общей точки зрения на пути и способы решения аграрного вопроса, что затрудняло правым выработку общей тактики в борьбе с революцией. Однако программные положения монархистов по совершенствованию землевладения и землепользования во многом были созвучны чаяниям крестьянства, особенно его беднейшей части, и тем самым привлекали ее на сторону защитников традиционных устоев общественного бытия.

Правые и их сторонники в Беларуси занимали собственные позиции в отношении путей решения аграрного вопроса, о чем свидетельствует их оценка указа 9 ноября 1906 г. и обсуждение его положений в III Государственной Думе. Главным требованием большинства правомонархистов белорусских губерний был тезис о необходимости передачи земли крестьянам в частную собственность в форме хуторского или отрубного землевладения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Спирин, Л. М.** Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) / Л. М. Спирин. – М. : Мысль, 1977. – 366 с.
2. **Степанов, С. А.** Черная сотня в России (1905–1914 гг.) / С. А. Степанов. – М. : Изд-во ВЗПИИ/О “Росвузнаука”, 1992. – 330 с.
3. **Кирьянов, Ю. И.** Правые партии в России. 1911–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 464 с.
4. **Иванов, А. А.** Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / А. А. Иванов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 206 с.; Иванов, А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). / А. А. Иванов. – М. : СПб. : Альянс-Архео, 2011. – 448 с.; Иванов, А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / А. А. Иванов. – М. : СПб. : Альянс-Архео, 2013. – 520 с.

5. **Омельянчук, И. В.** Правые партии и П.А. Столыпин / И. В. Омельянчук // Российская история. – 2012. – № 2. – С. 62–76.
6. **Бондаренко, К. М.** Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. – 212 с.; **Бондаренко, К. М.** Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.) : монография / К. М. Бондаренко. – Могилев : УО “МГУ им. А. А. Кулешова”, 2010. – 416 с.
7. **Щетинов, Ю. А.** История России. XX век.: учеб. пособ. / Ю. А. Щетинов – М. : ФАИР-Пресс, 1999. – 352 с.
8. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М. : РОССПЭН, 1995. – 464 с.
9. История России. XX век. / А. Н. Боханов [и др.] – М. : Издательство АСТ, 1997. – 608 с.
10. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.) / под ред. В. Н. Перцева [и др.]. – Минск : Издательство Академии Наук БССР, 1953. – Т. III. – 1020 с.
11. История России. XX век : учеб. пособ. / О. А. Яновский, [С. В. Позняк] [и др.] ; под ред. В. И. Меньковского и О. А. Яновского. – Минск : РИВШ, 2005. – 704 с.
12. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. / сост. Ю. И. Кирьянов. – М. : РОССПЭН, 1998. – Т. 2 : 1911–1917 гг. – 816 с.
13. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы : в 2 т. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – Т. 1 : 1905–1910 гг. – 720 с.
14. **Забаўскі, М. М.** Расійская Дзяржаўная Дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 212 с.
15. **Скрынченко, Д. В.** Трагедия белорусского народа / Д. В. Скрынченко. – Минск : Губ. тип., 1908. – 18 с.
16. “Н. М.” Неустройство крестьянского быта и хозяйства [ч. 1] / “Н. М.” // Окраины России. – 1906. – 28 мая. – С. 221–223.
17. “Н. М.” Неустройство крестьянского быта и хозяйства [ч. 3] / “Н. М.” // Окраины России. – 1906. – 4 июня. – С. 237–239.
18. “Н. М.” Неустройство крестьянского быта и хозяйства [ч. 5] / “Н. М.” // Окраины России. – 1906. – 18 июня. – С. 269–271.
19. Что нам нужно [ч. 4] // Северо-Западная жизнь. – 1912. – 16 сент. – С. 1.
20. К решению земельного вопроса // Крестьянин. – 1907. – № 9. – С. 139.

Поступила в редакцию 18.12.2014 г.

Контакты: (+375 222) 28-40-70 (Бондаренко Константин Михайлович)

Summary

The article highlights the analysis of the declarations of the leading right monarchist parties and unions, their demands to improve the agrarian relations in the Russian villages, the definition of the role and place of the agrarian question in the ideology of the right-wing parties in the early XX century.

УДК 329.12(=161.1)(476)“1905/1907”

КОНСТИТУЦИОННО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЛИТВЫ И БЕЛАРУСИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Д. С. Лавринович

доктор исторических наук, доцент,
первый проректор МГУ имени А. А. Кулешова, г. Могилев, РБ

В статье раскрываются причины и условия создания Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси, дается политическая характеристика ее лидера – виленского католического епископа барона Э. фон Роппа, а также наиболее значимых его сторонников. Автор анализирует структуру, состав и численность партии, ее основные программные положения, показывает их изменение под влиянием царской администрации и консервативных аграриев Северо-Западного края Российской империи. Раскрывается деятельность Э. фон Роппа, направленная на усиление позиций костела и землевладельцев римско-католического вероисповедания в литовско-белорусских губерниях, в т. ч. и в I Государственной думе. Противостояние с правительством закончилось запретом Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси и увольнением епископа от должности.

Введение

Одним из факторов, определившим своеобразие развития политической ситуации в Беларуси начала XX в., была католическая церковь, под покровительством которой образовалась первая краевая партия, претендовавшая на выражение интересов католиков – Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси (ККПЛ и Б). Ее программа и деятельность носили оппозиционный, религиозный и националистический характер, сочетая в себе элементы либеральной и консервативной идеологии.

Основная часть

Лидером ККПЛ и Б, ее идейным вдохновителем был виленский римско-католический епископ барон Эдуард Михаил Ян Мария фон дер Ропп. Он родился 14 декабря 1851 г. в Витебской губернии. Его отец был лютеранином и происходил из старинного курляндского дворянского рода, мать из рода Платер-Зибберг придерживалась римско-католического вероисповедания. Эдуард фон Ропп закончил немецкую гимназию в Риге и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Некоторое время пробыл на государственной службе, затем занимался делами своего имения на Витебщине. После обучения в Самогитской епархиальной семинарии началась его духовная карьера. Занимая последовательно должности от диакона до действительного каноника самогитского капитула, Э. фон Ропп в 1902 г. был назначен тираспольским римско-католическим епископом, а спустя полтора года – виленским [1, с. 110]. Успешный и довольно стремительный должностной рост Роппа свидетельствовал о его полной благонадежности властям в дореволюционный период.

Э. фон Ропп прибыл в Вильно в 1904 г. и был встречен враждебно польским населением, т. к. в нем увидели правительственного чиновника. В донесении в

Особый отдел Департамента полиции МВД в январе 1906 г. начальник Виленского охранного отделения так описывал первоначальные взаимоотношения епископа со своей паствой: “Будучи сторонником правительства, епископ Ропп в проповедях своих в костелах упрекал прихожан за то, что последними храм превращен в место политической арены, чем еще более вооружил их против себя” [2, л. 17]. Власти видели в Роппе своего сторонника, перед ним открывались новые возможности продвижения по служебной лестнице. В октябре 1905 г. министр внутренних дел А.Г. Булыгин обсуждал с управляющим Министерством иностранных дел В.Н. Ламздорфом кандидатуру епископа на пост римско-католического митрополита в Российской империи [1, с. 111]. Но к этому времени в деятельности Э. фон Роппа произошел перелом. Постепенно из-за слабости характера епископ попал под влияние лидеров местного польского общества, которые, по словам начальника Виленского охранного отделения, и подготовили его к роли главы ККПЛБ [2, л. 17]. Виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор К.Ф. Кршвицкий в качестве “совратителей” Роппа называл приближенных к нему ксендзов В. Фронцкевича и И. Садовского – убежденных польских националистов [1, с. 115].

Организаторами и руководителями партии были в основном поляки: директор Виленского земельного банка Юзеф Монтвилл; вице-председатель Витебского сельскохозяйственного общества Станислав Лапоцинский; ксендз Станислав Мацеевич; ксендз Иосиф Миронис; местный обыватель Иван Ляхович; аптекарь К. Стефановский; капеллан училища Осип Змитрович; гласный городской думы доктор Фадей Дембовский; доктор Юлий Суморок; гласный думы Мечислав Малиновский [2, л. 17]. Главным лидером партии являлся виленский католический епископ барон Э. фон Ропп.

Наиболее видными политическими сторонниками епископа были Ю. Монтвилл, С. Лапоцинский и С. Мацеевич. Ю. Монтвилл (1850–1911) окончил Санкт-Петербургский университет, возглавлял Земельный банк в Вильно, оказывал финансовую помощь местным культурным деятелям и организациям, больницам и приютам. На его средства в Вильно был выполнен памятник А. Мицкевичу. Основал польское общество любителей искусства “Лютня” [3, с. 130–131]. При этом известному финансисту и меценату начальник Виленского охранного отделения в донесении в Особый отдел Департамента полиции дал следующую характеристику: “Личность в политическом отношении крайне неблагонадежная, т. к., по имеющимся сведениям, он снабжал боевую дружину ППС (*Польской партии социалистической*. – Д. Л.) деньгами для приобретения оружия” [2, л. 17 об.].

С. Лапоцинский (1851–1933) был дворянином Дрисенского уезда, сыном участника восстания 1863 г. По окончании Варшавского университета Лапоцинский работал адвокатом в Санкт-Петербурге, Бердичеве и Киеве, сблизился с русскими либералами. После смерти отца успешно занимался хозяйством, стал видным общественным деятелем на Витебщине: являлся земским гласным, руководил местными обществами сельского хозяйства и взаимного кредита, участвовал в работе губернского совещания по сельскому хозяйству. Осенью 1905 г. он принимал участие в создании Конституционно-демократической партии, участвуя даже в заседаниях ее ЦК. В феврале 1906 г. он, однако, отходит от кадетов, переключившись на Конституционно-католическую партию Литвы и Беларуси [3, с. 123].

С. Мацеевич (1869–1940) после окончания Санкт-Петербургской духовной академии получил степень магистра теологии. В Вильно он был ректором костела

св. Екатерины, работал в реальном училище, частной гимназии. Разделял политические взгляды польских национал-демократов, участвовал в работе съезда представителей католического духовенства в Варшаве в декабре 1905 г., который принял требования восстановления автономии Царства Польского [3, s. 128].

Деятельность ККПЛ и Б следует отсчитывать с образования в конце 1905 г. организаций, направленных на объединение католиков. В ноябре по инициативе Э. фон Роппа в Вильно было создано католическое общество рабочих и ремесленников “Единство” [4, с. 145]. В конце года образовался Исполнительный комитет краевой обороны в Вильно, выпустившего обращение к местным католикам с призывом объединиться для защиты своих прав [5]. 7 февраля 1906 г. в 7 ч. вечера в зале железнодорожного кружка состоялось первое учредительное собрание Конституционно-католической партии. Собралось 800 лиц разных сословий со всего Северо-Западного края. Председателем избрали Э. фон Роппа, вице-председателями С. Лопацинского и Ю. Монтвилла. В бюро собрания вошли крупный польский общественный деятель М. Ромер, свенцянский декан К. Фалевич, помещик А. Хоминский, профессор филологии М. Здзеховский, С. Мацевич, ксендз И. Миронис, а также около 10 представителей крестьян и рабочих. В секретари избрали редактора газеты “Новины Виленские” Л. Богданович [6].

Вначале епископ ознакомил собрание с историей возникновения платформы партии, затем началось ее обсуждение. По аграрному вопросу выступил О. Дзмитрович, который указал, что единственный путь решения земельных споров – мирные переговоры помещиков с крестьянами, без насильственного отчуждения частных владений. С. Лопацинский прокомментировал аграрную программу партии. Это вызвало ожесточенные дебаты. Споривших помирили С. Мацевич и крестьянин Одынец [6].

С. Мацевич сделал доклад о Манифесте 17 октября 1905 г. и значении Государственной думы.

О необходимости улучшить положение рабочих говорил Соколовский, который предложил поддержать рабочие профсоюзы и требование введения 8-часового рабочего дня. Рабочие Андрушкевич и Клубович настаивали на организации медицинской помощи трудящимся, литейщик из Белостока Трибурский предложил включить в программу ККПЛ и Б положения об обязательном государственном страховании рабочих по старости, из-за травм и развития профессиональных заболеваний [6].

Церковные вопросы освещал О. Дзмитрович.

В конце собрания с комментариями программы выступили Э. фон Ропп и И. Миронис [6].

Выборы членов Центрального комитета были произведены не баллотировкой. Был представлен список кандидатов, который собрание единогласно приняло. В состав временного ЦК вошли: Э. фон Ропп, С. Мацевич, О. Дзмитрович, студент С. Церпинский, помещик Б. Скирмунт, предприниматель И. Парчевский, врач Ч. Боровский, ксендз И. Бурбо и К. Фалевич [6]. ЦК был избран на 1 год.

Заседание окончилось в 2 ч. ночи.

Конституционно-католическая партия поставила своей целью действовать согласно папской энциклике “*Regum novarum*” (1891 г.) в качестве независимого от государства христианско-демократического объединения. Поэтому на первое место в ее программе ставились религиозные вопросы, а национальные и все остальные – на второе. Влиятельный общественный деятель Северо-Западного

края Э. Войнилович писал, что, “прежде всего, епископ Ропп стремился выполнить свою социально-католическую программу” [7, с. 184]. Главной задачей признавалась консолидация всех католиков (поляков, литовцев и белорусов) в единую политическую организацию для совместной борьбы за развитие благосостояния края и восстановление прав католической церкви.

Католическое духовенство требовало возвращения имущества костела, отнятого после подавления восстания 1863 г. в Польше, Литве и Беларуси, независимости церкви от государства. В программе партии значились требования: “свободы сношения с папским престолом, избрания епископов, согласно каноническому праву, организации консисторий без светских чиновников, на основе церковных уставов”, независимости монашеских орденов, братств и т.п. [8, л. 65]. ККПЛ и Б объявила, что она будет добиваться введения свободы вероисповедания и совести. Еще в обращении Исполнительного комитета краевой самозащиты в Вильно от 2 декабря 1905 г. говорилось: “Мы к православным не имеем никакой претензии: кому мила правительственная вера, пусть держится ее”. С другой стороны, там же заявлялось, что католики не позволят, чтобы “попы и полиция насилием, страхом и обманом принуждали народ к православию”. Руководители организации отстаивали право свободного миссионерства католических священников в крае [8, л. 65].

Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси выступала за конституционную монархию, создание полноправного парламента и за представительство в нем национальных меньшинств. В программе ККПЛ и Б, в частности, было записано: “...государство под верховным главенством государя должно быть управляемо на строгих конституционных началах” [8, л. 66 об.]. Лидеры партии декларировали требование создания парламента с введением всеобщего, равного, прямого, тайного и обязательного избирательного права. Они добивались формирования ответственного перед парламентом правительства, свободы слова, собраний, союзов, неприкосновенности личности и жилища, равенства всех граждан перед законом. “Все национальности, населяющие государство, должны иметь равные гражданские и политические права: следовательно полное право употреблять свой язык в публичной жизни, право основывать школы, союзы и заведения для сохранения и развития своего языка, литературы и особой культуры”, – отмечалось в программе ККПЛ и Б [8, л. 66].

Руководители партии требовали воссоздания автономии Царства Польского, а также создания автономий для других народностей. Э. фон Ропп и его сторонники в своей деятельности придерживались краевой идеологии. В ее основе лежал принцип политической нации, согласно которому все сознательные “граждане” края составляли одну нацию независимо от своего национального происхождения и вероисповедания. ККПЛ и Б настаивала на применении в местном делопроизводстве национальных языков и образовании национальных воинских соединений, назначении на чиновничьи и выборные должности в крае только представителей “того исповедания и национальности, которые являются в данной местности преобладающими или имеют важное значение” [8, л. 66 об.]. Э. фон Ропп полагал, что все народности края имеют право развивать свою культуру и родной язык, получать на нем бесплатное начальное, а по возможности и среднее образование. В то же время, касаясь вопроса о языке богослужения, епископ считал, что необходимости в применении белорусского языка не было, т. к., по его мнению, сами верующие предпочитали использование традиционного польского языка [9, с. 49].

Позднее епископ обосновал необходимость преобразования России в федерацию, полагая, что разнородные в культурном плане и экономическом развитии регионы не могут управляться по одним законам. “То, что хорошо для центральной России, не годится для западных окраин, ибо между населением центральных губерний и населением польско-литовских провинций, в культурном отношении, лежит целая пропасть”, – утверждал он. Э. фон Ропп довольно критически отзывался о национальных качествах великорусов, представляя их как народ “страшно темный и умственно крайне неразвитый”, закабаленный помещиками и потому ставший “легкой добычей общественных агитаторов и политических шарлатанов” [т. е. революционеров. – Д. Л.]. Народ же “польско-литовский”, по мнению Роппа, пользовался благами цивилизации, и по характеру своему был очень близок к культуре Средней Европы. “Ясно, таким образом, что из среды таких разнородных по своему духовному укладу элементов”, – делал вывод епископ, – “не может выйти одно равное законодательство, которое отвечало бы потребностям всех общественных групп. Поэтому единственно рациональным способом разрешения кризиса явилось бы федеративное начало, которое обеспечило бы Российской империи политическую свободу и прогресс” [10, с. 65].

В то же время, декларируя приверженность “европейским ценностям” и идее равноправия наций, часть лидеров католиков выступала против “засилья” евреев в финансовой деятельности, торговле и промышленности. “В руках евреев теперь самые большие капиталы, поэтому они возьмут верх над нами и обратят нас в своих рабов”, – указывалось в воззвании Исполнительного Комитета краевой самозащиты. Католическое население Литвы и Беларуси призывалось к вере “ксензовскому слову” направленному на возбуждение народных масс против евреев. “Когда мы сорок лет тому назад и раньше боролись за свободу – евреев с нами не было”, – утверждалось в обращении, затем делался вывод: “Они [т. е. евреи. – Д. Л.] помогли правительству только притеснять нас” [5, с. 2].

Э. фон Ропп представлял Конституционно-католическую партию Литвы и Беларуси как организацию, защищавшую интересы, прежде всего, мелких и средних сельских собственников. В то же время, он отстаивал неприкосновенность частной собственности помещиков на землю и планировал увеличить крестьянские наделы только за счет государственных и удельных земель. Улучшить положение мелких сельскохозяйственных производителей предусматривалось путем предоставления дешевого государственного кредита, в первую очередь, тем, кто выселился на хутора и отруба. Программа ККПЛ и Б предполагала урегулировать права и обязанности арендаторов, добиться государственного обеспечения сельскохозяйственных рабочих по старости и в случае неспособности к труду. Аграрные споры должны были бы решаться примирительными судами, состоявшими из равного количества крестьян и помещиков [8, л. 64].

По рабочему вопросу партия требовала свободы профсоюзов и собраний, права на забастовки, но “с одновременной защитой личной свободы и обязательным примирительным рассмотрением причин стачек судами, члены коих будут избираться совместно рабочими и работодателями” [10, л. 64 об.]. Лидеры ККПЛ и Б заявили о желательности, по мере возможности, введения для рабочих 8-часового рабочего дня и ограничения ночного труда. Предусматривалось также установить государственное обеспечение рабочих по старости и инвалидности, а за счет предпринимателей – компенсации за вредные условия труда, несчастные случаи на производстве, профессиональные заболевания [8, л. 64 об.].

С другой стороны, ККПЛ и Б призывала своих сторонников “не превращать себя в слуг социалистических смутьянов”. Лозунг Конституционно-католической партии воплощался в словах “Бог и отчизна”.

ККПЛ и Б обслуживали газета “Новины Виленские”, еженедельники “Друг народа” и “Товарищ труда”, издателем которых был Э. фон Ропп, а редактором – Л. Богданович [4, с. 146]. В конце февраля 1906 г. епископ стал владельцем ежедневной газеты “Курьер литовский”, редактором которой был известный поэт и публицист Ч. Янковский [9, с. 45]. Отделы ККПЛ и Б были открыты в Белостоке, Витебске, Гродно и Могилеве. Для покрытия партийных расходов был установлен ежегодный 2-х рублевый членский взнос. Предполагается, что в партию вступило несколько тысяч человек [4, с. 152; 11, с. 64].

Неясно, в каких отношениях находилась ККПЛ и Б с Католической партией в Двинске, которая образовалась в начале февраля 1906 г. [12]. Анализ же программы последней позволяет увидеть в ней скорее единомышленников “Союза 17 октября”, чем Э. фон Роппа.

В отличие от Католической партии, нацеленной на мирный диалог с властями, ККПЛ и Б в начале 1906 г., воспользовавшись смутной обстановкой, объявила о том, что она берет управление краем в свои руки. Сторонники партии в Виленской городской думе подняли вопрос о прекращении финансирования полиции [2, л. 18], правда более ничего существенного для реализации своего заявления Конституционно-католическая партия не сделала.

Тем не менее, власти приняли вызов. Виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор К.Ф. Кршивицкий вызвал для объяснений Э. фон Роппа. Епископ оправдывал создание партии необходимостью противодействовать агитации со стороны революционеров. Пропаганде социалистов, по его мнению, успешнее всего могла быть противопоставлена программа, составленная на религиозно-христианской основе [1, с. 113]. Оправдания Роппа, однако, не помогли. Уже в январе 1906 г. Департамент полиции МВД порекомендовал Виленскому охранному отделению ходатайствовать перед генерал-губернатором о запрещении под страхом увольнения государственным служащим состоять членами ККПЛ и Б [2, л. 24 об.].

Не нашел понимания Э. фон Ропп и у помещиков. Видный польский общественный деятель Вильно М. Ромер так описывал реакцию польских землевладельцев на создание партии: “Демократическая часть программы, в особенности же некоторые радикальные положения, как всеобщее избирательное право и ненавистное для аграриев слово “экспроприация”, фигурировавшая в аграрной части программы, вызвали целую бурю негодования; и оно было тем сильнее, что инициатором затеи был епископ, а исполнителем должно было быть все духовенство, пользующееся столь огромным влиянием в народной среде” [13, с. 370–371].

Стремясь сохранить партию Э. фон Ропп и его соратники, организовавшие 20 февраля 1906 г. съезд в Вильно, пошли на переработку первоначального варианта программы, значительно смягчив ее аграрный раздел [1, с. 114]. На это решение повлияла и позиция крупных землевладельцев, недовольных слишком большими уступками крестьянам. Так, против Э. фон Роппа выступил первый издатель газеты “Курьер литовский”, крупный помещик И. Корвин-Милевский. Он обвинил епископа в “кадетстве”, политическом авантюризме, отходе от польской национальной идеи [4, с. 146]. М. Ромер, объясняя причины неприятия польскими землевладельцами кадетского либерализма, писал: “Для многих лиц, в особенности из среды аграриев, кадетская платформа была лишь соломинкой для

утопающего, и с наступлением общей реакции в государстве, когда революционно-аграрная опасность миновала, вожди и инициаторы кадетского движения оказались штабом без рядовых” [13, с. 369]. С мнением Ромера можно согласиться. Действительно многие польские помещики, позиционировавшие ранее себя как либералов и противников правительства, оказались впоследствии в рядах организаций, либо не поднимавших вопроса об отчуждении частновладельческих земель, либо не акцентировавших на нем внимания. С их мнением Э. фон Ропп не мог не считаться, переделывая программу ККПЛ и Б. К тому же, епископ неоднократно публично подчеркивал свое негативное отношение к кадетской партии и критиковал программу конституционных демократов [4, с. 149].

В итоге переработки политической платформы Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси из нее были убраны не только “радикальные” пункты, касавшиеся земельных отношений, но и в область “далеких и едва ли осуществимых платонических пожеланий” переключалось требование всеобщего избирательного права [13, с. 371]. Справедливо замечание А.Ф. Смоленчука, что после изменения программы ККПЛ и Б перешла на позиции “консервативно-либеральных краевцев” [4, с. 150]. Фактически данная организация представляла интересы католического духовенства и консервативно настроенной части польских помещиков.

В свою очередь, уступки крупным аграриям вызвали нападки на ККПЛ и Б слева. Звучали обвинения в клерикализме, реакционности партии [4, с. 147].

Против Э. фон Роппа выступили и местные монархические православные организации как правого, так и октябристского направлений. Особенно часто звучала критика со стороны общества “Северо-Западное Русское Вече” и его печатного органа – газеты “Белая Русь”. Направленную против ККПЛ и Б и Э. фон Роппа кампанию поддержал и влиятельный столичный еженедельник “Окраины России”, издателем которого был П.А. Кулаковский.

26 февраля генерал-губернатор потребовал, чтобы Э. фон Ропп отказался от руководства ККПЛ и Б. Последний пообещал подчиниться [1, с. 114–115]. Спустя несколько дней деятельность партии официально была запрещена. Э. фон Ропп получил 2 марта 1906 г. от виленского генерал-губернатора сообщение следующего содержания: “Ознакомившись ближе со введением в жизнь программы конституционно-католической партии в разных местностях и находя, что проявившаяся деятельность партии не отвечает интересам государственной политики в крае, я дал соответствующие указания гг. губернаторам, чтобы они впредь не разрешали собраний этой партии. О чем считаю долгом уведомить ваше преосвященство” [14, с. 3].

ЦК ККПЛ и Б формально был вынужден прекратить свою деятельность. Но отказываться от борьбы Э. фон Ропп не собирался. Накануне выборов в I Государственную думу появилось его обращение к своей пастве, в котором епископ писал, что “организованная по моей инициативе партия на основах справедливости, любви и сплоченности, под знаменем Креста, всегда должна оставаться в сердцах католиков”. Э. фон Ропп просил поэтому “убежденных” членов партии свято держаться ее заветов, проводить их в жизнь и, когда наступит возможность легальной работы, снова приступить к общей деятельности под католическим знаменем [14, с. 3]. ЦК призвал своих сторонников голосовать на выборах в I Государственную думу за кандидатов ККПЛ и Б.

Победа епископа Э. фон Роппа на выборах в I Государственную думу вызвала атаку на ККПЛ и Б со стороны русских монархистов. Газета “Белая Русь”

писала, что епископ намерен использовать свое представительство в Думе для того, чтобы “связать по рукам и ногам православных белорусов и принять их, как связанных овец, под свое крыло”. Для этого, по мнению “Белой Руси”, достаточно было только добиться разрешения на открытие польских школ в Северо-Западном крае [15].

В I Государственную думу прошли и другие сторонники Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси: от Виленской губернии – Ч. Янковский, от Гродненской губернии – ксендз А. Сонгайло [16, л. 4 об.]. Ч. Янковский (1857–1929) происходил из ошмянской шляхты, прошел обучение в Краковском университете, был известным литератором и редактором газеты “Курьер Литовский” [3, с. 92–93].

А. Сонгайло (1867–1939) окончил духовную семинарию в Вильно, стал священником, был преподавателем религии и деканом в Пружанах, занимался активной общественной деятельностью и пользовался симпатиями местного крестьянского, в т.ч. православного населения [3, с. 195].

В I Государственной думе представители ККПЛ и Б вошли во фракцию под названием “Группа депутатов от западных губерний” (или “Территориальное коло”) [4, с. 157]. Фракция принимала активное участие в думской жизни, в поисках путей решения важнейших проблем, стоявших перед Российской империей. Наиболее важной из них была проблема улучшения положения крестьян, составлявших большую часть населения страны. В обсуждении, предложенных на рассмотрение Думы земельных проектов, принимал участие и Э. фон Ропп. Епископ отстаивал принцип неприкосновенности частной собственности, ратовал за учет региональных особенностей, в т.ч. передачу разработки и реализации проектов решения аграрного вопроса на места. При этом предполагалось создать в Северо-Западном крае выборные органы местного самоуправления [17, с. 140]. Стоит отметить, что хотя Государственная дума и не поддержала предложение Роппа, его позицию разделял А. Сонгайло и другие представители “Территориального кола”, которые в своих выступлениях солидаризировались с епископом [4, с. 159]. Не все они, однако, были искренними. Э. Войнилович, характеризуя положение епископа среди членов кола, писал, что “его должность создавала ту ситуацию, при которой депутаты, среди которых большинство составляли католики, обязаны были ее почитать, что препятствовало свободе споров и оппонирования” [7, с. 185].

В начале июня 1906 г. внимание депутатов Думы привлекли межнациональные столкновения в Белостоке, вылившиеся в еврейский погром. Депутат от Виленской губернии сионист Ш. Левин обвинил в организации погрома и в попустительстве погромщикам царские власти. “Белосток не исключительный случай. Это есть одно звено в длинной цепи еврейских страданий...”, – утверждал Левин [18, с. 953]. Он настаивал на скорейшем предоставлении равноправия еврейскому населению, отмене всевозможных ограничительных законов, низводивших евреев до российских подданных “второго сорта”. Э. фон Ропп также считал главными виновниками произошедших беспорядков полицейские и военные власти, не понимавшие специфику ситуации в крае. “...Пока будут под протекцией правительства управлять краем люди, которые, собственно, с краем не имеют ничего общего, пока будут господствовать люди, хотя бы и с лучшими намерениями, приезжающие из Петербурга, Тифлиса, Тобольска и со всех концов России, которые края не знают и не могут понять его нужд, пока это все будет, всегда кроме многого зла и несправедливости будет и опасность погро-

мов”, – убеждал депутатов епископ [18, с. 1732]. Э. фон Ропп в духе программы ККПЛ И Б высказал идею формирования корпуса чиновников из уроженцев края, что означало, учитывая степень консолидированности местных национальных элит, передачу власти в руки польских аграриев и связанных с ними представителей католической церкви. В то же время, он намекнул, что одной из причин погрома были “бестактные поступки” революционной еврейской молодежи, организовавшей отряды самообороны [18, с. 1730]. Ш. Левин, отвечая Роппу, заявил, что он сам является участником одного из таких отрядов, но признал, что в основе еврейских погромов лежит не религиозная нетерпимость, а экономические противоречия между различными национальными группами [18, с. 1743]. Поддержавший Э. фон Роппа ксендз А. Сонгайло, в свою очередь, обратил внимание депутатов на необходимость снятия законодательных ограничений, наложенных на римско-католическое население Литвы и Беларуси [18, с. 1734].

Опасаясь, что погром может повториться в других городах Северо-Западного края, в т. ч. в Вильно, Э. фон Ропп 17 июня 1906 г. выступил с обращением к католикам с призывом сохранять спокойствие и не нарушать порядок [3, с. 181].

Открытое обсуждение Белостокских событий, прозвучавшие с думской трибуны обвинения против властей стали одной из главных причин роспуска “народного представительства” императором 9 июля 1906 г.

Бывшие депутаты-поляки от Литвы, Беларуси и Правобережной Украины выступили с воззванием к избирателям, в котором разъясняли свою позицию в Государственной думе по земельному вопросу. Отказ от поддержки аграрных проектов, выдвигавшимися думскими фракциями, в т. ч. кадетами, они объясняли тем, что данные проекты были неисполнимы в западных губерниях. “Поэтому мы подвергали их критике, признавая, однако, всегда необходимость поднятия благосостояния всего сельского населения, а в особенности малоземельного, при участии местных самоуправляющихся общественных организаций”, – писали бывшие “народные представители” [19]. Тем самым, в воззвании проводилась идея сепаратного решения аграрного вопроса на территории бывшей Речи Посполитой, позволявшая помещикам сохранить свои земельные владения в Литве и Беларуси. Критику правительства экс-депутаты оправдывали нежеланием властей снять ограничения с католической церкви и землевладения помещиков римско-католического вероисповедания на территории Северо-Западного края Российской империи. В то же время бывшие депутаты призывали население к спокойствию и подготовке к участию в новых выборах [19]. Среди прочих данное воззвание подписал Э. фон Ропп, а также Ч. Янковский и А. Сонгайло [19].

Однако и после роспуска I Государственной думы Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси продолжала действовать нелегально. Так, 22 сентября 1906 г. гродненский губернатор доносил в МВД, что хотя ККПЛ и Б признается официально закрытой, но “фактически и в настоящее время продолжает нелегально существовать, имея свою организацию, в состав которой входят преимущественно местные помещики и католическое духовенство” [8, л. 92 об.]. Губернатор отмечал, что во главе приходских отделов стояли ксендзы, наиболее энергичными агитаторами, среди которых были Соболевский, Михневич, Гродзский и Ярош. Численность сторонников католической партии не была установлена [8, л. 92 об.].

МВД приказало усилить репрессии против ККПЛ и Б, считая ее наиболее опасной оппозиционной партией в крае. Э. фон Ропп вынужден был снять свою кандидатуру в депутаты II Государственной думы из-за разъяснения Сената о

том, что духовные лица, как государственные служащие, не имеют права быть членами законодательных палат [20, с. 96].

Осенью 1906 г. епископ на два месяца выехал в заграничный отпуск. Находясь в Риме Э. фон Ропп дал интервью корреспонденту клерикальной парижской газеты “La Croix”, в котором весьма оптимистически оценивал возможности католического миссионерства в Российской империи. В частности, епископ утверждал: “Если бы католические миссионеры, проникшись запросами русской души, посвятили себя славянскому требнику и понесли в русские народные массы основы христианской жизни, то не прошло бы и 20 лет, как большая часть России сделалась бы католическою” [10, с. 65].

Подписание Э. фон Роппом воззвания к избирателям бывших депутатов I Государственной думы, а также резко клерикальный характер его деятельности вызвали неудовольствие со стороны председателя Совета министров П.А. Столыпина. 22 августа 1907 г. последний принял у себя епископа для объяснений, но Ропп не признал выдвинутых против него обвинений [1, с. 124]. В октябре того же года он, несмотря на протесты Ватикана, был уволен со своей должности. В обстановке политической реакции Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси свертывает свою деятельность, однако некоторые исследователи считают, что нелегально она просуществовала до Первой мировой войны [21, с. 274].

Заключение

Таким образом, Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси образовалась под влиянием развития христианско-социальной доктрины в момент наибольшего ослабления центральной власти в Северо-Западном крае Российской империи на рубеже 1905–1906 гг., когда, даже епископ Э. фон Ропп, ранее верно служивший царскому правительству, посчитал для себя возможным открыто заняться политической деятельностью. Целью созданной им организации было объединение католиков без различия национальной принадлежности для противодействия революционному движению, восстановление прав католической церкви и достижение автономии края. Фактически ККПЛ и Б защищала интересы католического духовенства и консервативной части польских аграриев. Пользовавшаяся значительным влиянием на католическое население и явно оппозиционная партия и ее лидер подвергались резкой критике со стороны местных и столичных монархических изданий и организаций, негативно воспринимались властями. В конечном итоге Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси была запрещена, но Э. фон Ропп и его сторонники продолжили свою деятельность и добились успеха на выборах в I Государственную думу. В “народном представительстве” они выступали в рамках фракции “Территориальное коло”, добиваясь, прежде всего, передачи власти в Северо-Западном крае в руки местных помещиков и связанных с ними представителей католической церкви. Противодействие правительства, считавшего Э. фон Роппа одним из наиболее опасных противников, привело к его увольнению от должности, хотя выдвинутые им политические цели находили сочувствие у католической части населения и после его отставки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Серова, О. В.** Барон фон дер Ропп / О. В. Серова // Вопросы истории. – 2012. – № 11. – С. 110–131.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. Особый отдел. – 1906 г. Оп. 236. Д. 59.
3. **Brzoza C.** Poświę Polscy w parlamencie Rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny / С. Brzoza, K. Stepan. – Warszawa, 2001. – 220 s.
4. **Смалянчук, А. Ф.** Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – СПб. : Неўскі працяг, 2004. – 406 с.
5. Конституционно-католическая партия // Белая Русь. – 1906. – 12 марта. – С. 2–3.
6. Первое учредительное собрание Конституционно-католической партии // Новая заря. – 1906. – 9 февраля. – С. 3.
7. Эдвард Войнилович. Воспоминания / ред. В. Завальнюк. – Минск : Изд. Минской римско-католической парадии св. Симона и Елены, 2007. – 380 с.
8. Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. Оп. 187. – 1906 г. Д. 157.
9. **Смалянчук, А. Ф.** Беларускае пытанне ў польскім друку ў Вільні / А. Ф. Смалянчук // Весці Акадэміі навук Беларусі. – 1994. – № 4. – С. 44–51.
10. Обзор печати // Краины России. – 1907. – 27 января. – С. 64–68.
11. **Мартюхова, М. А.** На переломе революции: Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905 – июль 1906 г.) / М. А. Мартюхова. – Минск : Наука и техника, 1986. – 141 с.
12. Наш край // Витебская жизнь. – 1906. – 10 февраля. – С. 4.
13. Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. – СПб. : Тип. т-ва “Общественная Польза”, 1910. – 824 с.
14. Дневник // Новая заря. 1906. – 10 марта. – С. 3–4.
15. В.О. Голос белоруса / В.О. // Белая Русь. – 1906. – 5 мая. – С. 2.
16. Переписка ЦК “Союза 17 октября” с Гродненским отделом (1906 г.) // ГАРФ. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 63.
17. Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты / под ред. В. Д. Карповича. – М. : Фонд “Правовая культура”, 1995. – Т. 1. – 336 с. – (Серия: Парламентаризм в России).
18. Государственная Дума: Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. – СПб. : Гос. типография, 1906. – 2013 с.
19. Дневник // Свободное слово. – 1906. – 26 июля. – С. 3.
20. Хроника // Краины России. – 1907. – 10 февраля. – С. 95–98.
21. **Постников, Н.** Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси / Н. Постников // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / ред. коллегия: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 1996. – С. 273–274.

Поступила в редакцию 26.09.2014 г.

Контакты: e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru (Лавринович Дмитрий Сергеевич)

Summary

In the article the causes and foundation conditions of the Catholic Constitutional Party of Lithuania and Belarus are described; political characteristics of its leader – Vilna Catholic Bishop Baron E. von Ropp as well as of his most significant supporters are provided. The author analyses the structure, composition and number of the party and its main programme objectives stressing their changes under the influence of the tsarist administration and conservative landowners of the North-Western region of the Russian Empire. The article reveals the activity of E. von Ropp aimed at strengthening the position of the church and the landowners of the Roman Catholic religion in the Lithuanian-Belarusian province and in the State Duma I. The confrontation with the government ended in imposing a veto on the Constitutional Catholic Party of Lithuania and Belarus and the bishop's dismissal.

УДК 947.808.4

**ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КП(б)Б
ПО ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ 1937–1938 гг.**

И. И. Янушевич

кандидат исторических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск, РБ

В статье проводится анализ постановлений бюро ЦК КП(б)Б за 1937 г. и за 1938 г. по организации антирелигиозной агитационно-пропагандистской работы в республике. Исследована эффективность исполнения данных решений партийными, комсомольскими, профсоюзными и советскими структурами. Охарактеризованы основные противоречия в процессе распространения атеизма среди населения Беларуси и возможные пути совершенствования антирелигиозной информационно-разъяснительной работы партийно-государственных органов. Определены основные проблемы на пути создания общереспубликанской организационной структуры Союза воинствующих безбожников. Показана позиция низовых партийных руководителей по вопросу проведения атеистического воспитания в трудовых коллективах. Уточнены определяющие характеристики уровня религиозности населения и формы борьбы с ней. Проводится краткий анализ всей партийной агитационно-пропагандистской системы республики и возможность ее использования в атеистическом перевоспитании.

Введение

Установившаяся в Петрограде в ноябре 1917 г. новая атеистическая власть объявила беспощадную борьбу религии и церкви. Большевики предполагали в достаточно короткие сроки ликвидировать религиозные организации, в следствие чего должны были по их мнению исчезнуть и религиозные верования. Однако на практике резкие антирелигиозные атаки властей вызывали недовольство населения, а религиозность если и не имела количественного роста, то качественные показатели (искренность веры и готовность ее защищать, стремление к участию в жизни религиозных организаций и исполнению традиционных таинств) значительно превосходили дореволюционный уровень. Предпринимаемые в конце 1920-х гг. в нач. 1930-х гг. силовые и пропагандистские усилия имели краткосрочный и незаконченный характер. К 1934 г. наметилось определенное затишье с несколькими вариантами развития событий. Незавершенность процесса формирования социалистической государственности на шестой части суши не позволяла властям встать на путь терпимого отношения к религии и церковным организациям. Во многом это определялось и внешнеполитическими факторами. Рассуждая о международном положении СССР, И. Сталин на февральско-мартовском пленуме ВКП(б) 1937 г. указывал, что у страны Советов нет союзников и друзей. Это касалось в первую очередь сферы политики и экономики, несмотря на конструктивность предложений по выстраиванию системы международных отношений и большую выгоду от сотрудничества с СССР в торговой и производственной сферах. Политика большевиков по отношению к религиозным организациям вызывала однозначно негативную реакцию представителей всех культов и в стране, и за

рубежом. Приостановка антирелигиозной деятельности принесла бы значительный урон формируемой политической системе. Еще не имеющие возможности обеспечить “железный занавес” органы и никак не достигающий каких-либо значительных успехов атеистический фронт не способны были противостоять внешнему агитационно-пропагандистскому или миссионерскому удару. Любое подобие конкуренции в информационно-разъяснительной работе безбожников даже с небольшими организованными группами верующих привело бы к полному их поражению. Власти понимали опасность наличия инакомыслия, а носители религиозного мировоззрения становились в нем ключевыми игроками. Возглавить идеологическую борьбу должна была и возглавила коммунистическая партия, предприняв во второй половине 1930-х гг. целый ряд действий по обеспечению эффективности антирелигиозной деятельности.

В советской историографии анализу различных постановлений и решений высших партийных органов придавалось значительное внимание главным образом в силу весомости данных документов. В них не только определялись задачи текущего момента, но и формулировалось видение данного вопроса всем советским обществом. Это придавало работам ученых особую скрупулезность и глубокую взаимосвязь с проблемами социально-политического развития государства на современном моменте. Среди белорусских авторов необходимо отметить работы А.А. Круглова [1], Р.П. Платонова [2; 3], А.П. Жука [4]. В постсоветской белорусской исторической науке данный вопрос рассмотрен не был. При наличии значительного объема доступных с 1991 г. архивных материалов имеется потребность в исследовании процесса принятия и реализации решений компартии при отсутствии заранее заданных идеологических установок.

Основная часть

Высшее партийное руководство республики знало о ситуации с антирелигиозной работой на местах. Для принятия каких-либо знаковых решений необходим был катализатор которым и стал февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. 03.04.1937 г. бюро ЦК КП(б)Б принимает постановление “О работе Союза воинствующих безбожников БССР”. В документе вина за провал целого направления деятельности, по сути, перекладывается на плечи данной организации, не сумевшей сформировать эффективную систему антирелигиозного воспитания и фактически находящейся на грани исчезновения. Среди основных причин указывалась засоренность организации “классово-чуждыми” элементами и отсутствие должного контроля за деятельностью безбожников со стороны партии, комсомола и профсоюза. Следует отметить, что именно эти структуры и должны были составлять боевой костяк безбожников, а не ограничиваться контролирующей и направляющей функцией. В постановлении указывалось на определенную самоуспокоенность партийных и иных общественных деятелей успехами социалистического строительства и стремлением ослабить внимание по отношению к все еще существующему наиболее опасному и коварному “пережитку капитализма – религиозным верованиям”. Решение бюро указало на персональную ответственность партийных, комсомольских, профсоюзных лидеров и “предложило организовать антирелигиозную работу в соответствии с требованиями партии в условиях победы социализма и действия Сталинской Конституции” [5, л. 93].

Постановлением от 3 апреля 1937 г. был намечен целый ряд обязательных для исполнения мероприятий. Во-первых, стояла задача создания в течение двух месяцев фактически новой структуры организации безбожников. Предстояло не

только создать первичные ячейки СВБ в школах, на предприятиях, в колхозах и совхозах, но сформировать, переформировать руководящие структуры в областях, районах и городах республики. Партийная вертикаль должна была укрепить их подготовленными, политически грамотными сотрудниками, освободив их от другой общественной нагрузки. В крупных городах предполагалось ввести оплачиваемые штатные единицы секретарей окружных и городских организаций. Планировалось так же значительно усилить агит-проп работу, подключив к ней общественные организации, систему образования, издательства, радио и т.д. На партийно-государственные структуры возлагалась обязанность выявлять и предоставлять в центр информацию о формах и методах деятельности “церковников и религиозных сект”. Последним 14 пунктом было указано: “Адззелу Партыійнай прапаганды і Агітацыі ЦК КП(б)Б не пазней мая 1937 г. праверыць ход выканання пастановы і далажыць на бюро ЦК КП(б)Б” [5, л. 95].

Для восстановления наиболее полной картины на места 23.04.1937 г. было направлено письмо за подписью заведующего отделом партийной пропаганды и агитации ЦК Л. Готфрида с просьбой дать характеристику деятельности религиозных организаций. В докладной записке, присланной до 5 мая 1937 г., предлагалось “паведаміць, якую дапамогу вам пажадана атрымаць ад ЦК і другіх менскіх арганізацый па гэтаму пытанню” [6, л. 219]. Предложения с мест были в целом достаточно схожи. Так как и в дальнейшем предполагалось основным видом агит-проп деятельности сохранить лекции, диспуты и беседы, то все просили прислать им докладчика, снабдив его при этом антирелигиозной литературой. Некоторые указывали на необходимость организации курсов для подготовки соответствующих агитаторов. Отмечалась и крайняя необходимость систематизации работы Центрального совета (ЦС) СВБ БССР по оказанию конкретной помощи.

31 мая 1937 г. состоялось Всебелорусское совещание руководителей отделов пропаганды РК, ГК и ОК КП(б)Б, на котором задача активизации антирелигиозной работы тесно увязывалась с усилением антисоветской агитации: “Маючы на ўвазе, што царкоўнікі і сектанты вядуць сваю падрыўную работу не столькі ў мэтах барацьбы за рэлігію, сколькі ў мэтах барацьбы супроць мерапрыемстваў партыі і ўраду і ў прыватнасці рыхтуюць глебу для ўплыва на адпаведныя найбольш адсталыя масы працоўных да выбараў у верхоўны савет і інш. органы савецкай улады, а па гэтаму асноўнай задачай партыйных арганізацый у правядзенні антырэлігійнай работы павінна быць найшырэйшае разгортванне агульнапалітычнай арганізацыі па пытанням міжнароднага і ўнутранага становішча СССР, папулярызацыі рашэнняў і пастаноў партыі і Ураду на кожным прадпрыемстве, у калгасе, саўгасе і сярод аднаасобнікаў. А сярод найбольш фанатычна настроенных асобных груп працоўных асаблівую ўвагу звярнуць на правядзенне глыбокай антырэлігійнай прапаганды, усебакова разаблачаючы кіраўнікоў царкоўных абшчын і сект” [7, л. 76].

Подобную сложную задачу, требующую значительных сил и средств, совещание ставило параллельно, констатируя, что большинство районов постановление бюро от 3 апреля 1937 г. не выполнило в установленные сроки и в минимальном объеме. За летний период ситуация изменилась очень незначительно. В констатирующей части постановления бюро ЦК КП(б)Б “О состоянии антирелигиозной пропаганды в Беларуси” от 7 октября 1937 г. отмечалось, что партийные структуры на местах все еще не проводят работы по изучению “подрывной деятельности церковников и сектантов” и не способны выявлять вредителей, саботирующих

антирелигиозную борьбу. Постановлением был намечен целый ряд мероприятий по данному вопросу. Снова указывалось на необходимость реанимирования структуры СВБ. Создавалось республиканское оргбюро СВБ, на которое возлагалась обязанность в двухмесячный срок провести перерегистрацию имеющихся членов союза и развернуть работу по вовлечению в организацию новых членов. Для этого необходимо было воссоздать ячейки на местах. Предполагалось создание оргбюро СВБ во всех городах и районах, которые должны были подготовить и провести окружные, районные и городские конференции безбожников. Так же предполагалось "...2. Абавязаць акруговыя, гарадскія і раённыя камітэты партыі стварыць там, дзе няма саветаў бязбожнікаў, оргбюро для аднаўлення арганізацый СВБ, вылучыўшы у склад оргбюро найбольш падрыхтаваных кіруючых работнікаў з партактыва і актыва бязбожнікаў... 4. Прапанаваць усім ГК, АК і РК КП(б)Б спецыяльна заслухаць на Пленумах партыйных камітэтаў пытанне аб становішчы антырэлігійнай прапаганды і прыняць меры к рашучаму паляпшэнню справы антырэлігійнай прапаганды. 5. Лічыць найважнейшай задачай усіх партарганізацый – аб'яднаць і сабраць расцэраныя кадры антырэлігійнікаў, выявіць новыя кадры бязбожнікаў з настаўнікаў, аграномаў і сельскай інтэлігенцыі" [8, л. 101].

Следует отметить, антирелигиозная работа после постановлений бюро в республике по сравнению с предыдущими годами активизировалась. Во многих районах и городах под ружье были поставлены старые ударники безбожия, рекрутированы новые активные члены. Создавались лекторские группы и агитбригады. Были проведены конференции. Вопросы антирелигиозной пропаганды заслушивались на пленумах партии. Но это не была системная работа, на разворачивании которой настаивал ЦК КП(б)Б. В подведении итогов за 1937 г. тот же Л. Готфрид констатировал: "На протяжении ряда лет, районные советы Союза Воинствующих безбожников в большинстве районов отсутствовали. Они существовали только в тех районах, где были платные работники, как Гомель, Могилев, Витебск, Полоцк, Мозырь. Вся работа районных советов заключалась в проведении а/р. кампаний. Если до 1937 г. некоторые из них существовали, то с 1937 г. они совершенно перестали существовать, так как на содержание платных единиц в 1937 г. средств по бюджету не дали. В большинстве районных оргбюро СВБ каждый год создавались вновь и только в результате приезда инструкторов ЦС или в результате резкого проявления контрреволюционной деятельности церковников и сектантов. Районные комитеты партии не проверяли свои решения в области антирелигиозной пропаганды, в результате чего выделенные Оргбюро разваливались. За 1937 г. РК КПбБ прислали выписки с составом Оргбюро только из 30 районов. Остальные районы, несмотря на просьбы ЦС, этих сведений не дали, что затрудняет связь и инструктаж со стороны ЦС. По данным, имеющимся в ЦС, Оргбюро СВБ имеется в 70 районах и оформленных райсоветов СВБ – 6. Из этого количества организаций связь с ЦС СВБ имеют только 38 районов. Большинство организаций СВБ в стадии организационного оформления. Агитационно-пропагандистской а/р работой в большинстве районов непосредственно руководит РК КПбБ" [9, л. 387].

На практике получалось, что комсомольские и профсоюзные организации антирелигиозной работой не занимались, а партийные не могли в полном объеме уделить вопросу должного внимания и стремились самоустраниться. СВБ – непосредственный ответственный за данный участок работы – как общественная организация и фактически уже содержащаяся за счет собственных средств была не жизнеспособна. Кроме организационных усилий необходимо было финанси-

рование и проводимых мероприятий, и заработной платы штатных сотрудников. Собранные взносы не могли покрывать фактические расходы. В проекте постановления бюро ЦК КП(б)Б от 27 октября 1937 г. указывались конкретные суммы, необходимые для организации деятельности СВБ. В самом постановлении вопрос был сформулирован расплывчато: “Предложить СНК рассмотреть смету СВБ на 1938 г., предусмотрев там увеличение штатов центрального аппарата, содержание штатных секретарей СВБ по всем окружным, городским и районным пограничным центрам, выделение средств на издательскую работу и проведение курсов антирелигиозников” [8, л. 153]. Наркомат просвещения не выполнил решение о необходимости целевого использования средств, выделенных на антирелигиозную пропаганду.

28 октября 1938 г. бюро ЦК КП(б)Б принимает постановление “Об усилении антирелигиозной пропаганды и агитации в Белоруссии”, в котором вновь отмечается, “что дело антирелигиозной пропаганды в БССР находится в неудовлетворительном состоянии. Партийные, комсомольские, профсоюзные и советские организации самоустранились от руководства антирелигиозной пропагандой, а отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б не руководил этим важнейшим участком агитационной работы” [10, л. 21]. В целом тональность постановления носила сугубо директивный характер, направленный на завершение начатого в апреле 1937 г. процесса формирования эффективной системы антирелигиозной работы. Следует отметить, что предлагаемый план по многим позициям совпадал с подобными документами девяти-десятилетней давности, но в качественно иной ситуации. Несмотря на имеющиеся проблемы в проведении агитационно-пропагандистской работы, партийные структуры уже способны были решать серьезные вопросы на идеологическом фронте. Определенное И. Сталиным задание “поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров” с огромными трудностями, но выполнялось [11, л. 45]. Партпросвещение приобретало систематический характер. Вузы выпускали профессиональных идеологических работников. Были подготовлены адаптированные учебные программы курсов и кружков. Изданы методические материалы. Структурирование позволило ликвидировать дублирование функций. В Минске и Гомеле создавались научно-методические центры. Укрепление школ политграмоты способствовало качественному росту персонала. Подготовку коммунистов начали осуществлять в соответствии с их общим уровнем грамотности, исключив возможность перевода по несколько раз с одного кружка в другой в связи с невозможностью освоения программы. Значительное изменение намечалось в составе пропагандистов. Трудно определить профессиональный потенциал изъятых НКВД и разоблаченных как врагов народа, но замена достаточно образованными малограмотными лекторов-пропагандистов, безусловно, усиливала работу. В систему агитпропа вливались коммунисты, закончившие специальные курсы по переподготовке. В целом система политпросвещения вселяла в партийное руководство республики уверенность в возможность активизации и антирелигиозной работы, которая должна была стать “не только делом Союза Воинствующих Безбожников, но и всех партийных и общественных организаций” [10, л. 24].

Постановлением от 28 октября 1938 г. предполагалось в первую очередь завершить формирование организационной структуры СВБ. Эта задача ложилась на плечи партийной вертикали. Коммунисты, особенно ответственные ра-

ботники, и так были загружены различными вопросами, а, нарезая им еще один участок работы, бюро, как увидим из анализа хода выполнения постановления, переоценило возможности своих отдельных областных, районных и особенно первичных организаций. Основным объектом антирелигиозного воздействия к середине 1930-х гг. являлись низовые руководящие работники и простые граждане (ответственные функционеры уже не могли демонстрировать свое терпимое отношение к религии). Комплектование ячеек СВБ из их рядов и имело бы максимальный эффект. На это указывал и ЦС СВБ в своей инструкции от 02.05.1937 г. о проведении отчетно-выборных конференций: «Значение конференций СВБ в жизни нашей организации огромно. Они должны закрепить успехи проведенной а/р работы в районах, организационно укрепить СВБ, сплотить выявленный безбожный актив и избрать работоспособные, авторитетные райсоветы СВБ и тем самым закончить воссоздание организации. Надо понять, что даже хороший по своей внутренней структуре республиканский, краевой или областной Совет не добьется больших результатов в работе без наличия крепких, работоспособных районных советов СВБ. А избрать такие советы могут только хорошо подготовленные и проведенные конференции СВБ» [7, л. 73]. На местах, где стремились организовать работу СВБ, понимали важность низовых структур, но вынуждены были констатировать как в Речице в 1938 г. на райпартконференции, «что отсутствует систематическая работа с населением» [12, л. 114]. Указывающийся в инструкции ЦС СВБ комплексный подход в подготовке конференций, скорее всего, игнорировался практически во всех районах БССР. Во многих случаях важное для района или города идеологическое мероприятие напоминало сбор секретных уполномоченных. Например, состоявшаяся в августе 1938 г. в Полоцке конференция носила формальный характер и кроме вреда на фронте безбожия ничего другого принести не могла. Районной конференцию можно назвать достаточно условно. Там были представлены делегаты только трех организаций – железной дороги, тюрьмы и техникума. Остальные были назначены парторганами исключительно из городских организаций. Никакой информационно-разъяснительной работы на предприятиях и тем более в колхозах проведено не было. Райкомы партии и комсомола не придали конференции того политического значения, которое обозначалось высшим руководством. Вместо обсуждения стратегии борьбы с «религиозным дурманом», с его «популяризаторами» как «яркими врагами социализма» собравшиеся провели выборы райсовета (РС) СВБ, членов ревизионной комиссии и делегатов на областную конференцию. «Сами выборы проведены с нарушением самых элементарных правил – выбирались не только делегаты конференции, но даже и не члены СВБ, на заданный члену РС тов. Воронину вопрос (избранному на этой конференции), от какой организации вы были делегатом, он ответил: – я не был делегатом, я даже не состою членом СВБ, я шел по улице, узнал, что проходит райконференция СВБ и решил зайти послушать. В это время проходило выдвижение в Райсовет, выдвинули и мою кандидатуру – вот и избрали» [13, л. 80].

Несмотря на имеющиеся недочеты партийно-государственным структурам в 1937–1938 гг. работу по исследуемому направлению удалось значительно усилить. Это касалось в первую очередь роста количества ячеек и членов СВБ. Если в 1935–1936 гг. по очень приблизительным оптимистическим данным имелось около 30000–35000 членов союза, то на 01.01.1939 г. было уже 2098 ячеек и 60206 членов. К 1 января 1940 г. ячеек насчитывалось 2857, а членов – 90913 [14, л. 50]. Фактически цифры эти были занижены. Некоторые районы не подавали

сведений. Многие созданные и функционирующие ячейки не были взяты на учет. В первой половине 1940 г. рост численности продолжился уже, скорее всего, за счет прибавки новых ячеек без контроля за фактическим наличием подсчитанных ранее. Подобная бухгалтерия приводила к определенной самоуспокоенности центральных партийных структур в республике, хотя количество безбожников было в три раза меньшим, чем в 1932 г. Ослабление влияния ярких антирелигиозников в Москве так же не нацеливали на активные действия. Наметилась устойчивая тенденция прекращения антирелигиозной деятельности за исключением прочтения соответствующих лекций и докладов типа “Вред религиозных обрядов”, “Происхождение и контрреволюционная сущность пасхи”. Основная организующая и стимулирующая активную деятельность ячеек СВБ сила – партийные комитеты организаций и предприятий – не ощущала злободневности антирелигиозной работы. На нее выдвигали наименее подготовленных и ответственных сотрудников. Наблюдалась частая смена секретарей ячеек. Например, на Витебской фабрике “Знамя индустриализации” в 1938 г. – первой половине 1939 г. насчитывалось 500 членов союза, но с изменением отношения парткома к значимости антирелигиозного вопроса во второй половине 1939 г. все усилия сошли на нет. Четырежды менялся ответственный партиец, и организация фактически распалась. Секретарь партбюро фабрики Маценко проверяющему призналась, что данное направление деятельности уже “отжило” и “это такая скучная работа, что я прямо не знаю, кого выделить на эту работу” [15, л. 22].

Низовые руководители, производственники не совсем понимали суть антирелигиозной работы. Для них важнее было выполнение народно-хозяйственных планов, а подтверждением атеистического перевоспитания служило элементарное отсутствие нательных крестов и икон в домах и квартирах. На льнопрядильной фабрике им. Когановича в Орше член фабкома Чистобаева заявила, что, встречаясь с работницами Костромской льнопрядильной фабрики, она видела там крестики даже у молодых, а “у нас таких фактов нет” [15, л. 20]. Председатель завкома завода им. Кирова в Витебске явно вполне осознанно утверждал: “У нас верующих нет. Мы объездили все квартиры рабочих и ни у кого не заметили икон” [15, л. 26]. При этом на данных предприятиях фиксировались невыходы на работу в дни религиозных праздников или же их, в том числе коллективное, проведение в нерабочее время. 1940 г. не принес предпосылок для усиления антирелигиозной работы. Укрупнение республики привело к переводу значительной части партийцев в западные области. На воссоединенных территориях религия и церковные организации являлись неотъемлемой частью жизни местного населения и “тлетворно” начали влиять не только на простых граждан восточных регионов, но и на ответственных партийцев и членов их семей. Высшее партийное руководство, И. Сталин понимали, что потенциала для сплошной секуляризации общества нет. Большинство граждан были и верующими, и сознательными строителями нового советского государства. Антирелигиозная деятельность не могла быть свернута, так как резкие атаки на традиционные конфессии привели к появлению значительного количества, в том числе окультно-мистических, групп и течений, но вопрос уже старались не выпячивать на передний план.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает, что к началу Великой Отечественной войны эффективная модель антирелигиозной работы в БССР

сформирована не была. Руководящая и направляющая роль ВКП(б) в области распространения атеизма должного результата не принесла. Партийным структурам не удалось мобилизовать весь свой ресурс на борьбу с религиозностью населения. Исполнительная власть финансово не обеспечила решения партии в области антирелигиозной деятельности. Общественные организации, система образования, выполняя свои профильные задачи, уделять значительного внимания этому вопросу не могли. Партийные структуры не проявили единства в борьбе за мировоззрение граждан. Полностью подконтрольный партии СВБ не смог собрать в свои ряды, а значит, и сделать активными пропагандистами атеизма, и десятой части людей с материалистическим мировоззрением. Достаточно эффективная агитационно-пропагандистская структура позволяла решать в сфере идеологического воздействия на население к 1941 г. весьма серьезные задачи, что и будет доказано в годы ВОВ, но в антирелигиозной работе системность и результативность все еще не просматривалась.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Круглов, А. А.** Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987) / А. А. Круглов. – Минск : Беларусь, 1989. – 367 с.
2. **Платонов, Р. П.** Идеологическая работа КПБ в годы социалистической индустриализации. (1926–1929) / Р. П. Платонов. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 89 с.
3. **Платонов, Р. П.** В. И. Ленин о научных основах атеистической пропаганды / Р. П. Платонов. – Минск : Наука и техника, 1978. – 124 с.
4. **Жук, А. П.** Становление научно-атеистической мысли в Советской Белоруссии / А. П. Жук. – Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1981. – 243 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10990.
6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 451. Оп. 3а. Д. 211.
7. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11853.
8. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1035.
9. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12099.
10. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12475.
11. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13188.
12. ГАООГО. – Ф. 254. Оп. 1. Д. 212.
13. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13189.
14. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13974.
15. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15629.

Поступила в редакцию 06.11.2014 г.

Контакты: e-mail: ivan-jan@yandex.ru (Янушевич Иван Иванович)

Summary

The article analyses the decisions of the Bureau of the Central Committee of the CP(b)B for 1937 and for 1938 on the anti-religious agitation and propaganda work organization in the country. The author examines the efficiency of the implementation of these decisions by the Party, Komsomol, trade unions, and soviet structures. The main contradictions of atheism imposition on the population of Belarus and possible ways to improve the party and government anti-religious outreach are characterized. The key challenges in the creation of the nationwide Union of Militant Atheists are determined. The position of the grassroots party leaders on the issue of atheistic education in the workforce is displayed. The defining characteristics of the population religiosity level and forms of struggle with it are clarified. A brief analysis of the whole Party agitation and propaganda system of the country and the possibility of its use in an atheistic reeducation is carried out.

УДК 943.8.02

КРЕВСКАЯ УНИЯ 1385 ГОДА – ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОГОВОР ВКЛ И ПОЛЬШИ

И. Ю. Уваров, кандидат исторических наук, доцент,
ГГГУ имени П. О. Сухого, г. Гомель, РБ

Данная статья посвящена актуальной теме, которая связана с тем, как развивались политические, социальные и духовные противоречия в среде военно-служилой восточнославянской знати Великого княжества Литовского в связи с подписанием великим князем Ягайло соглашения с католической Польшей, закрепленного в акте Кревской унии 1385 г.

Большинство из представителей служилого сословия ВКЛ выразило общее недовольство условиями кревского соглашения, поскольку видело в нем прямую угрозу самостоятельности своей страны и православной вере.

Осуществляя переустройство ВКЛ, Ягайло ориентировался на польский вариант развития, но в тот период Польша сама находилась под силовым воздействием Рима, представители которого стремились продвигать идеологию католицизма далеко на Восток. Это и многое другое, способствовало росту недовольства в широких слоях населения белорусских, русских и украинских земель ВКЛ.

Введение

Последние два десятилетия XIV в. были наполнены яркими событиями в средневековой истории Европы и именно в этот период времени был заключен союз Великого княжества Литовского и Польши. Это время связано со многими загадками, до сих пор не разгаданными историками, поскольку нет одного из важнейших исторических документов – оригинала акта Кревской унии 1385 г. Следует сказать, что в содержании Островского соглашения и Городельского привилея отсутствует информация об инкорпорации ВКЛ Короной, а положение о сюзеренитете Польши и вассалитете ВКЛ не было четко прописано в документе Кревского соглашения [1, с. 166]. Следует отметить, что существующая на данный момент историография изучаемой проблемы, по мнению автора статьи, не может дать ответов на многие вопросы, поэтому автор попытается проделать это сам.

Основная часть

Период с 1316 по 1385 г. явился периодом расцвета ВКЛ. В это время продолжалось формирование феодального государства, которое проходило в сложных условиях военно-политической борьбы. Однако следует учитывать, что многие из происходивших событий были продиктованы интересами захватнической политики соседней Польши и геополитическими замыслами рыцарей Тевтонского ордена, которые находились под покровительством Ватикана [2, с. 137–138].

Среди главных причин заключения Кревской унии 1385 г. следует назвать несколько. И первой в этом ряду обстоятельств явилась та ситуация, в которой оказалась Польша во второй половине XIV в. В этот период серьезно возросла угроза для поляков со стороны Тевтонского ордена. Крестоносцы усилили натиск своей захватнической политики в отношении соседних государств и в первую очередь, против Польши и ВКЛ. Наиболее пострадавшей стороной в этом противостоянии оказалось Польское королевство. Находясь под сильным уда-

ром крестоносной экспансии и не умея противостоять вооруженному натиску тевтонских рыцарей, польская знать желала восстановить утраченные ею владения за счет военной силы и населения западнорусских земель. Используя противоречия между Ягайло и Витовтом в борьбе за первенство на власть, поляки решили столкнуть интересы этих двух политиков и дальше, спекулируя религиозными и патриотическими чувствами язычников и православных, стараясь тем самым обеспечить безопасность собственного государства [3, с. 66, 67]. Лишившись выхода к жизненно важным центрам в Прибалтике и находясь под натиском превосходящих сил Тевтонского войска, Польша оказалось на грани исчезновения, что побудило польскую магнатию и верхушку католической церкви укрепить свою собственную обороноспособность за счет ВКЛ, которое на тот период было достаточно сильным в военном отношении государством Европы [4, с. 423]. Следует отметить, что захватнические идеи немецких крестоносцев поддерживали монархические режимы Дании и Швеции [5, с. 46]. Логическим завершением всего противостояния между Западом и Востоком явилась победа объединенного славянского войска над военной силой Ордена и европейскими наемниками в битве под Грюнвальдом 15 июля 1410 г. Выступив в едином боевом строю, войны ВКЛ и Польши стали победителями в одном из наиболее знаменитых сражений Средневековья [6, с. 187]. Однако это тема отдельного исследования, касаться которой мы не будем.

Следует помнить, что при создании союза ВКЛ и Польши заметную роль сыграл католический западный мир, именно он был заинтересован в экспорте своей политики на Восток [7, с. 28]. Главным идеологом распространения католической веры в пределы православного мира оставалась Папская курия. Осуществление религиозного натиска против восточных славян папы предприняли с помощью Польши. В начале 20-х гг. XIV в. король Польши Владислав Локеток (1320–1333) осознавал свою политическую несостоятельность в борьбе с Орденом. Он понимал, что даже с помощью Рима, которому поляки платили особый налог, так называемый “денарий святого Петра”, вернуть утраченные земли в Поморье будет очень сложно. Ввиду этого Владислав стал искать союза с великим князем Гедимином (1316–1341), который заявил о своем желании принять католическую веру [8, с. 222]. Таким образом, во времена Гедимины Ватикан начал подготовку новой программы по окатоличиванию населения ВКЛ.

В 1324 г. папа Иоанн XXII направил магистру Тевтонского ордена послание, в котором речь шла о непричинении вреда королю русскому и великому князю Гедимину, если он со своими подданными примет католическую веру. В документе было сказано, что Ордену будет оказана достойная помощь в дальнейшей борьбе с неверными отступниками, которых надо обратить в правильную веру. Папа обещал содействие при обращении в католицизм жителей ВКЛ, а те, кто отказался бы от выполнения папских наставлений, были бы наказаны [9, с. 96]. В обращении к Гедимину в том же 1324 г. папа называл его “великолепным мужем королем литовским и русским”. Однако за всей этой официальной вежливостью стояли совершенно иные цели. Папа предлагал Гедимину начать окатоличивание всех его подданных. Постоянные представители папы римского должны были знакомить людей, обращенных в новую религию, с главными источниками католического вероучения. Всех православных следовало перекрестить, поскольку они неправильно, с точки зрения Ватикана, понимали веру. В данном источнике сказано, “...что православные подданные

Гедимины живут в грехе, поскольку их не переубедили в правильности их религии". Истинно верующим католикам будет предоставлена возможность ходить в костел [9, с. 97]. В 1327 г. папа римский отправил ходатайство польскому королю Владиславу Локетеку, в содержании которого было сказано о необходимости скорейшего соединения православной и католической церквей. Из содержания этого источника видно, что всякое отклонение от догматов господствующей религии надо уничтожить в корне [9, с. 111]. Со временем политика католических иерархов превратилась в наступательную стратегию в землях православной Руси. Так, уже в 1418 г. папа Мартин V дает разрешение Ягайло на захват земель во владениях Великого Новгорода и Пскова, назначая его там своим наместником [9, с. 117–118]. Таким образом, из приведенных фактов видно, что католицизм начал утверждаться на землях ВКЛ задолго до подписания Кревского соглашения 1385 г.

Польская правящая элита стремилась через Ягайло утвердить свое влияние в ВКЛ. После смерти короля Людовика Венгерского в Польше не осталось прямого наследника престола по мужской линии. Единственной претенденткой на польскую корону была малолетняя дочь короля Ядвига, обрученная с австрийским эрцгерцогом Вильгельмом [2, с. 65]. Используя сложную ситуацию в стране, правящая верхушка Польши стала искать пути заключения династического брака, при этом выбор жениха пал на великого князя Ягайло. В октябре 1384 г. польские послы скрытно прибыли в Вильно. После чего в Краков от Ягайло отправилась посольская миссия [1, с. 165]. По мнению Я. Длугоша королеву Ядвигу в 1385 г. знатные особы польского государства пытались убедить, что брачный договор, заключенный во времена ее детства потерял свою силу. Теперь Ядвига должна была дать согласие на брак с князем Ягайло "для расширения и укрепления христианской веры" [10, с. 99–100]. Польская сторона проявила инициативу заключения союзных отношений, завершившихся подписанием обоюдного соглашения. В этой политической игре польские магнаты делали ставку на подчинение ВКЛ интересам своего государства. Подписанный акт свидетельствовал о политическом союзе между ВКЛ и Короной, о чем было заявлено 14 августа 1385 г. в Кревском замке (ныне Сморгонский район) [2, с. 144]. Кревская уния 1385 г., по мнению историков, носила характер династического соглашения между двумя государствами, во главе которых был назначен один верховный правитель, но при сохранении их самостоятельности во внутренней и внешней политике. В государственном делопроизводстве был сохранен старобелорусский, или, как тогда говорили, русский язык [11, с. 111].

В своих исследованиях белорусский медиевист А.И. Груша обратил внимание на то, что Ягайло, став польским королем, проявил чрезмерную щедрость по отношению к своим слугам, награждая их за исполнение гражданской и военной службы [12, с. 162]. Подводя итог последствий Кревской унии, необходимо помнить и то, что с усилением влияния польского католического духовенства в ВКЛ православные восточнославянские феодалы и простое население страны восприняло отрицательно и даже враждебно. Верное православным ценностям население белорусских, русских и украинских земель желало иметь такого монарха, какой бы разделял вместе с ними единые духовные ценности, что являлось вполне естественным в средневековом обществе. С середины 80-х гг. XIV в. центром антикатолической борьбы становится Полоцк, который представлял в то время самостоятельный административный центр удельного князя Андрея

Ольгердовича. Вокруг этого православного лидера стали группироваться антикатолические силы русских феодалов [13, с. 125]. Такая внутренняя политика и правовое положение православных нобилей привели к социальному взрыву в феодальном обществе ВКЛ и гражданской войне [14, с. 110].

Заключение

В завершение следует отметить, что белорусская, польская и литовская историография событий социально-политической истории ВКЛ в последней четверти XIV в. недостаточно, а местами очень тенденциозно, освещает события этой эпохи. Это свидетельствует о том, что в наше время необходимо провести специальное исследование по этой теме. Распространенные среди историков-медиевистов версии нуждаются в широкомасштабной доработке с использованием всех без исключения источников конца XIV – первой половины XV вв. Только на основании сравнительного анализа опубликованных документов и архивных материалов в будущем можно будет снять если не все, то большинство имеющихся вопросов по проблемам отношений ВКЛ и Польского королевства в указанное время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гудавичус, Э.** История Литвы с древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичус. – М. : Изд. фонд им. И. Д. Сытина, 2005. – 679 с.
2. Полное собрание русских летописей / сост. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXII : Хроники: Литовская, Жамайтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – 234 с.
3. Хроника Быховца / предисл., коммент. и пер. Н.У. Улащика ; отв. ред. М. Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1966. – 154 с. : ил.
4. **Пашуто, В. Т.** Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. – М. : Институт истории АН СССР, 1959. – 530 с.
5. **Уваров, И. Ю.** Сословное обособление представителей военно-служилого сословия Великого Княжества Литовского в XIV – начале XVI вв. / И. Ю. Уваров // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – № 2. – 2011. – С. 41–46.
6. **Бохан, Ю. М.** Ваяры Грунвальдскай бітвы / Ю. М. Бохан. – Мінск : Беларусь, 2010. – 222 с. : іл.
7. **Любавский, М. К.** Очерк истории Литовско-русского государства до Любленской унии включительно / М. К. Любавский. – М., 1915. – 401 с.
8. Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. – М. : Ладомир, 1997. – 384 с.
9. Акты, исторические относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек / сост. ст. сов. А. И. Тургеневым). – Т. 1 : Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 гг. – СПб. : Тип. Эд. Праца, 1841. – 612 г.
10. Белоруссия в эпоху феодализма : сборник документов и материалов : в 3 т. / сост.: З. Ю. Копыльский, М. Ф. Залого. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII века. – 516 с.
11. **Свяжынскі, У. М.** Моўная сітуацыя ў ВКЛ пры Ягелонах // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (Гальшаны – Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г.) / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 402 с.
12. **Груша, А. І.** Чалавек, народжаны ў варварскай краіне: Ягайла – яго тыпізаваныя паводзіны // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урок : да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Гродна, 8–9 лін. 2010 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Янкі Купалы ; уклад.: А. І. Груша, С. В. Марозава ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 157–170.

13. **Варонін, В. А.** Арганізацыя гарадской улады ў Полацку ад канца XIV да сярэдзіны XVI ст. // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы* : науч. сб. Вып. 3. – Минск : РИВШ, 2010. – 342 с. – С. 124–134.
14. **Марзалюк, І. А.** Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) : манаграфія. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2002. – 324 с.

Поступила в редакцию 21.10.2014 г.

Контакты: (+375 29) 281-54-09 (Уваров Игорь Юрьевич)

Summary

The article deals with the urgent theme of political, social and spiritual contradictions among the military nobility of the Grand Duchy of Lithuania after the Grand Duke Jogailo had signed an agreement with the catholic Poland codified by the Union of Krewo in 1358. The majority of the service class people expressed their discontent with the conditions of the Union of Krewo as they saw a direct threat to the sovereignty of the country and the Orthodox religion. Reorganizing the Grand Duchy of Lithuania Jogailo followed the Polish way of development. However at that period of time Poland was under the pressure of Rome imposing the ideology of Catholicism. This factor as well as other factors aroused dissatisfaction among the Belarusian, Russian and Ukrainian population of the Grand Duchy of Lithuania.

УДК 903.25

ЗОЛОЧЕННЫЕ И СЕРЕБРЕННЫЕ СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА “ВОСХОД”

Е. П. Шуткова

аспирант, Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, РБ

Статья посвящена репрезентативной коллекции золоченых и серебряных бус, найденных во время археологических раскопок курганного могильника “Восход” в 2006–2010 гг. Данные находки свидетельствуют о высоком уровне культурных, экономических и торговых связях региона. В статье рассмотрены особенности технологии изготовления и хронология бус.

Введение

К настоящему времени достигнуты значительные успехи в изучении вопросов, связанных с разработкой классификаций, изучением технологии изготовления, происхождением, распространением и ролью в древнерусской материальной культуре изделий из стекла. Подробно рассмотрены и проанализированы отдельные коллекции стеклянных изделий, которые были найдены во время археологических работ на древнерусских памятниках, а также проведены химические анализы стекла. Часто в публикациях и отчетах исследователей встречаются упоминания о находках стеклянных бус, которые являются хорошим датированным материалом. Стеклянные бусы были излюбленным украшением сельского населения. В основном они археологически фиксируются при изучении курганов и сельских поселений. В большинстве случаев бусы из стекла использовали в качестве шейного украшения – ожерелья. Они достаточно долго использовались одним владельцем, часто могли передаваться и по наследству, поэтому можно встретить ожерелья, в которых присутствуют бусы разных хронологических периодов.

Основная часть

Изучение стеклянных бус, золоченых и серебряных в том числе, является одной из актуальных тем в современной археологической науке [1, с. 323–333; 2, с. 119; 3, с. 220; 4, с. 236–240; 5, с. 154–156].

В данной работе рассматривается коллекция золоченых и серебряных стеклянных бус (в публикациях эти бусы еще называют стеклянные бусы с металлической, золотой или серебряной прокладкой, золото- и серебростеклянными), найденных в результате археологического изучения курганного могильника “Восход”, который располагается около населенного пункта Восход Могилевской области. Памятник был открыт в 1988 г. В.Ф. Копытиным [6]. В 1995 г. Я.Г. Рьер проводил исследования [7]. На протяжении 2006–2010 гг. археологические работы на данном памятнике продолжал И.А. Марзалюк [8–12]. Рассматриваемый вид бус присутствует в коллекциях за 2006–2010 гг. (202 экземпляра)¹.

¹ Автор данной работы высказывает благодарность профессору, доктору исторических наук И.А. Марзалюку за возможность работы с коллекциями из археологических раскопок 2006–2010 гг. курганного могильника “Восход”.

В данной работе бусы систематизированы по технологическому принципу, предложенному З.А. Львовой [13, с. 64–94; 14].

Группа I – крученые бусы (группа IV по З.А. Львовой). В основу изготовления бус положен принцип накручивания стеклянной массы на твердую основу.

Золоченые и серебряные цилиндрические стеклянные бусы.

В рассматриваемой коллекции они доминируют (89 экз.). Цилиндрические бусы: с серебряной фольгой представлены в 1 экз., 85 экз. (из них 4 экз. сохранились фрагментарно) имеют золотую фольгу, 3 экз. – не определено. Украшения имеют разные размеры, которые определялись по методике М.Д. Полубояриновой: “Учитываются два размера – высота (расстояние между отверстиями) и наибольший диаметр. Бусы, у которых высота или диаметр больше 10 мм, относятся к крупным, от 6 до 10 мм – к средним, до 5 мм – к мелким” [15, с. 152].

При изучении внешних (визуальных) признаков изделий из рассматриваемой коллекции можно отметить, что 85 экземпляров (4 экз. сохранились фрагментарно) имеют золотую фольгу, которая сверху покрыта бесцветным слоем стекла, виден стык краев фольги. На изделиях присутствуют элементы коррозии, сохранность цвета фольги неплохая, достаточна яркая, но она не всегда расположена ровно на поверхности изделия. Золотая фольга покрывает не всю поверхность изделия, характерно наличие каймы из бесцветного стекла, по краям фольги этот признак (по Ю.Л. Щаповой) появляется в конце X – начале XI в. и характерен для византийского производства [16, с. 87–88, 178–180].

Цилиндрические бусы с серебряной фольгой представлены в 1 экз. Цилиндрическая форма для серебряных бус является одной из самых распространенных на территории Древней Руси, бытуют они с конца X в. до начала XII в. [17, с. 297–298]. В Могилевском Поднепровье и Посожье серебряные бусы встречаются реже золоченых [18, с. 21].

Особый интерес представляют 3 бусины, которые не имеют явных признаков наличия металлической прокладки. Они имеют на месте золотой и серебряной фольги полосу из желтого стекла, расположенную между двумя слоями стекла. По направлению неровностей, наличию каймы из прозрачного стекла по краям желтой полосы, можно предположить, что и эти бусы были изготовлены путем навивки. Что касается цвета полосы, то известно, что в стеклоделии для окрашивания изделий в желтый цвет использовали несколько красителей, и серебро в том числе. Ионы серебра при нагревании могли из самой фольги проникать в стекло и придавать ему желтоватый цвет, в то время это получалось непреднамеренно. С XIV в. и до настоящего времени для такого процесса окрашивания используют краску из порошкового серебра (диффундирование или диффузное окрашивание) [19, с. 198–200]. Поэтому можно предположить, что рассматриваемые 3 изделия могли иметь прокладку из серебряной фольги. Аналогичные изделия были обнаружены на Мякининском курганном могильнике (расположен около северо-западной границы Москвы неподалеку от д. Мякинино, на правом берегу Москвы-реки) [1, с. 326, 327].

В XI–XIII вв. золоченые и серебряные бусы изготавливались индивидуально путем навивки. В процессе изготовления на изделиях получалась кайма из стекла по краям фольги, которая покрывала бусину не на всю высоту. На изделиях достаточно часто виден стык краев фольги, сама фольга уложена не всегда ровно. Такие золоченые и серебряные стеклянные бусы по технологической классификации З.А. Львовой относятся к группе IV, подгруппе 4 [2; 13,

с. 79–80]. В Старой Ладоге золоченые и серебряные бусы датируются X–XIII вв. [13, с. 78]. Исследователи отмечают, что для таких бус с металлической, золотой или серебряной прокладкой характерно византийское (использование как серебряной, так и золотой фольги) и древнерусское производство (использование серебряной фольги, которую покрывали сверху желтым стеклом, что придавала им вид золоченых) [1, с. 325; 16, с. 87–88].

Золоченые бочонковидные (или эллипсоидные, усеченные дважды) стеклянные бусы. Присутствуют в коллекции в количестве 64 экз. В рассматриваемой коллекции они занимают второе место по количеству. При визуальном анализе изделий можно отметить, что они имеют золотую фольгу, которая сверху покрыта бесцветным слоем стекла. Золотая фольга покрывает не всю поверхность изделия, есть элементы коррозии, виден стык краев фольги, она достаточно яркая. Украшения имеют разные размеры. Мелкие бусы имеют хорошо выраженное ребро, у крупных бус ребро более сглажено и кайма по краю более широкая. Для мелких бус характерны широкие хронологические рамки (по курганным материалам) – X–XII вв., а в Новгородской земле – X–XI вв. [20, с. 139]. Аналоги крупных бус встречаются в северо-восточной и северо-западной Руси в конце X – начале XII вв., в Новгороде бытуют до XIII в. (основная масса приходится на XI в.) [17, с. 290, прил. III, 5; 21, с. 139]. На территории Восточной Латвии бочонковидная форма бус с металлической фольгой была более распространена, чем цилиндрическая [22, с. 74].

На территории Древней Руси золоченые бочонковидные бусы, также как и цилиндрические, относятся к наиболее распространенным формам стеклянных бус с металлической фольгой. О том, что бочонковидные бусы с металлической прокладкой имеют большую территорию распространения, отмечал еще А.В. Арциховский. Он, используя метод картографирования находок, показал, что бочонковидные золоченые стеклянные бусы характерны для территории кривичей конца X – начала XII вв. [21, с. 111, 137], с этим мнением согласилась и Т.Н. Никольская [23, с. 79–80]. М.В. Фехнер на основе изучения материала северо-восточной и северо-западной Руси отмечает, что данный вид бус в XI в. взаимосвязан с территорией распространения дирхема, а это территория значительно шире территории кривичей. С прекращением притока дирхемов в Древнюю Русь, стеклянные бусы с металлической фольгой могли использоваться как денежные единицы, учитывая, что максимальное распространение этих бус приходится на XI в. [17, с. 166]. Однако, Ю.Л. Щапова считает, что не совсем правильно связывать территорию распространения ближневосточных бус XI в. с территорией распространения дирхемов X в. [24, с. 89]. М.В. Фехнер была проведена значительная работа по картографированию находок бус с металлической фольгой и установлены пути поступления этого типа бус на территорию Древней Руси из стран Ближнего Востока, возможно через Волжскую Булгарию. М.Д. Полубояринова при изучении стеклянных изделий Болгарского городища предполагает, что возможно этот тип бус специально предназначался для Древней Руси, потому что на городище они почти не встречаются [15, с. 157]. Эту особенность (практическое отсутствие золоченых бус для средневолжских памятников начиная с XI в.) отмечает и С.И. Валиулина [25, с. 58–59]. Х. Седлачкова, при изучении изделий из стекла IX – середины XVI вв. с территории Моравии, отмечает, что стеклянные бусы с золотой и серебряной прокладкой импортировались с территории Киевской Руси в Моравию и характерны для раннего средневекового периода (950–1200 гг.) [26, с. 194].

Золоченые битрапецидные и золоченые ребристые с кружковым орнаментом стеклянные бусы представлены в коллекции единичными экземплярами. Такие бусы относятся к самым ранним формам бус с металлической прокладкой, наравне с зонными. На древнерусских памятниках бытуют в X–XI вв. [17, с. 158]. При визуальном (внешнем) анализе битрапецидной бусины из рассматриваемой коллекции можно отметить, что золотая фольга покрыта защитным слоем из бесцветного стекла и покрывает бусину не на всю высоту. Местами фольга имеет плохую сохранность, также на поверхности бусины есть скол верхнего защитного стеклянного слоя и золотой фольги до уровня нижнего основного слоя из бесцветного стекла.

Золоченые и серебряные округлые лимоновидные одночастные и двухчастные стеклянные бусы. Двухчастные серебряные бусы присутствуют в коллекции в количестве 42 экз., одночастные бусы – в 4 экз. При внешнем (визуальном) анализе рассматриваемой коллекции можно судить, что все 42 экз. лимоновидных двухчастных стеклянных бус декорированы серебряной фольгой. Их них 2 экз. сохранились фрагментарно, примерно на 50% (1 экз. имеет поперечный скол; 1 экз. – продольный). Все неровности и прожилки имеют продольное направление (особенно хорошо это заметно на экземпляре, который имеет продольный скол), что дает основание предположить, что они изготовлены из тянутых стеклянных трубочек и что эти изделия относятся к группе VIII, подгруппе 1 (по З.А. Львовой) [13, с. 82]. Для бус, изготовленных из стеклянных трубочек, характерно серийное производство. Процесс изготовления таких бус осуществлялся двумя способами: 1) стеклянную основу с металлической прокладкой покрывали жидким стеклом; 2) на стеклянную основу с металлической прокладкой надевали более широкую трубочку из стекла [1, с. 324, рис. 1]. Для изготовления использовали специальный инструмент (щипцы), с помощью которого из стеклянной трубочки с тремя слоями формировали округлые дольки. Использовали также и специальные каменные формы для изготовления таких бус [1, с. 325, рис. 2].

В коллекции бусы, в зависимости от цвета верхнего защитного слоя стекла, выглядят по-разному. Покрытые бесцветным стеклом – серебряными и выглядят, покрытые желтоватым стеклом – создают эффект золоченых бус. Есть экземпляры, у которых определить цвет покрывного стекла трудно из-за плохой сохранности. Бусы с серебряной фольгой, которые для эффекта золоченых бус покрывали желтым стеклом, часто называют псевдозолочеными или ложнозолочеными. Однако, не все исследователи считают правильным применять такие названия. Е.К. Столярова считает, что технология изготовления этих бус соответствовала технологии изготовления серебряных бус, а покрытие желтым стеклом не было осознанным, так как в Древней Руси для неокрашенного стекла не использовали обесцвечиватели – стекло имело желтоватый цвет [1, с. 325–326, 331].

Вопрос об определении места производства таких бус обозначился уже достаточно давно. Чаще всего относят к предметам импорта из мастерских Ближнего Востока [13, с. 82–85; 27, с. 219]. В.Б. Деопик предполагает, что такие бусы первой половины I тысячелетия н. э. в Восточную Европу поступали из Сирии или Александрии [28, с. 55–56], в VI–IX вв. н. э. расширяется территория их распространения в северном направлении. В это же время ухудшается качество, вместо бус с золотой фольгой, доминируют бусы с серебряной фольгой, которые сверху имели светло-коричневый слой стекла [29, с. 221]. З.А. Львова отмечает, что рассматриваемые бусы бытуют в северных и центральных районах Восточной Европы в X–XI вв., в Западной Европе – VIII–IX вв., расцвет бытования в

южных районах Восточной Европы также приходится на VIII–IX вв. н. э., но в X в. они здесь практически исчезают [13, с. 84]. Такие изделия характерны и для курганов X–XI вв. Минской, Могилёвской, Смоленской, Черниговской, Полтавской и Тверской губерний (по наблюдениям Ю.Л. Щаповой) [30, с. 174].

При изучении наборов бус из древнерусских курганов X – начала XI вв. выделяют 3 типа комбинаций ожерелий (образцовая, общая, сборная) [31, с. 144; 32, с. 238–239; 33, с. 244–259].

Известно, что бусы на территории формирующегося древнерусского государства в X – начале XI вв. являлись в основном женским украшением. Женщины, более знатные по социальному положению, вероятно, носили ожерелья, являющиеся сборными комбинациями, включающими бусы из природных материалов (хрустальных и сердоликовых) и стеклянные бусы. Исследователи отмечают, что такого рода сборные комбинации характерны для скандинавских погребений [32, с. 240; 34]. Находки таких бус есть и на рассматриваемом памятнике, к таким сборным комбинациям можно отнести ожерелье из кургана № 63, в составе которого, кроме стеклянных есть и хрустальная бусина и сердоликовые бусы.

Здесь необходимо отметить различия между образцовой и сборной комбинациями. Образцовая комбинация включает бусы, которые одновременно оказались на рынке, изготовителя и потребителя которых разделяют не более двух посредников. Они существовали недолго, 25–30 лет, то есть срок, который соотносился со средней продолжительностью деловой активности мастера в средние века. Сборная комбинация составлена на месте потребления бус, которые оказались в распоряжении “автора” ожерелья. Такие комбинации складывались на протяжении не всегда определенного времени, и датировать их необходимо по младшей бусине [35, с. 159–160].

Заключение

Рассмотрена репрезентативная коллекция золоченых и серебряных стеклянных бус из курганного могильника “Восход”. В коллекции доминируют золоченые и серебряные стеклянные бусы цилиндрической формы. Цилиндрическая форма для рассматриваемых бус является одной из самых распространенных на территории Древней Руси, бытуют они с конца X в., встречаются и в XIII в. Второе место по количеству занимают бочонковидные бусы. На территории Древней Руси золоченые бочонковидные бусы, также как и цилиндрические, относятся к наиболее распространенным формам стеклянных бус с металлической фольгой. Золоченые битрапецидные и золоченые ребристые с кружковым орнаментом стеклянные бусы представлены в коллекции единичными экземплярами. Такие бусы относятся к самым ранним формам бус с металлической прокладкой, наравне с зонными. На древнерусских памятниках бытуют в X–XI вв. Золоченые и серебряные округлые лимоновидные одночастные и двухчастные стеклянные бусы занимают в коллекции третье место по количеству. Они бытовали в северных и центральных районах Восточной Европы в X–XI вв., в Западной Европе – VIII–IX вв., расцвет бытования в южных районах Восточной Европы также приходится на VIII–IX вв. н. э., но в X в. они здесь практически исчезают. Такие изделия характерны и для курганов X–XI вв. Минской, Могилевской, Смоленской, Черниговской, Полтавской и Тверской областей. При изучении наборов бус, входящих в состав ожерелья, из древнерусских курганов X – начала XI в. выделяют 3 типа комбинаций ожерелий (образцовая, общая, сборная). В рассматриваемой коллекции присутствует образцовая и сборная комби-

нации. Это может свидетельствовать о том, что владелицы этих ожерелий были разного социального положения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Столярова, Е. К.** К вопросу о технологии изготовления стеклянных золоченых бус домонгольского периода / Е. К. Столярова // КСИА 224. – М., 2010. – С. 323–333.
2. **Макаров, Н. А.** О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем / Н. А. Макаров, С. Д. Захаров, С. В. Шполянский // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / отв. редакторы: А. Е. Мусин (ред. сост.), Н. В. Хвощинская. – Санкт-Петербург, 2010. – 512 с. – С. 113–141.
3. **Скрипченко, Т. С.** Бусы Избищенского могильника / Т. С. Скрипченко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск : Інстытут гісторыі, 1957 – Вып. 19 : Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны [рэдкалегія: В. М. Ляўко (галоўны рэдактар і інш.). – 2010 г. – 276 с.]. – С. 217–221.
4. **Тодорова, А. А.** Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предварительное исследование) / А. А. Тодорова // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 дек. 2003 г. – СПб., 2004. – С. 236–240.
5. **Бубенько, Т. С.** Стеклянные украшения средневекового Витебска (по материалам раскопок Нижнего Замка) / Т. С. Бубенько // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск : Інстытут гісторыі, 1957. – № 3: [укладальнікі: А. М. Мядзведзеў, І. М. Язэпенка. – 2001 г. – 280 с.]. – С. 154–164.
6. **Копытин, В. Ф.** Археологические памятники Могилева и окрестностей. – Могилев / В. Ф. Копытин. – Могилев : Издательство МГУ им. А. А. Кулешова, 1993. – 100 с.
7. **Рыер, Я. Р.** Справаздача: аб выратавальным даследванні курганоў каля пас. Усход у 1995 г. / Я. Р. Рыер. – 23 с. (рукапіс).
8. **Марзалюк, І. А.** Справаздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка “Усход” у Магілёўскім раёне ў 2006 г. / І. А. Марзалюк // ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Спр. № 2400. – Магілёў : Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, 2007. – 31 с.
9. **Марзалюк, І. А.** Справаздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка “Усход” у Магілёўскім раёне ў 2007 г. / І. А. Марзалюк // ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Спр. № 2522. – Магілёў : Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, 2008. – 56 с.
10. **Марзалюк, І. А.** Справаздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка “Усход” у Магілёўскім раёне ў 2008 г. / І. А. Марзалюк // ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Спр. № 2594. – Магілёў : Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, 2009. – 77 с.
11. **Марзалюк, І. А.** Справаздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка “Усход” у Магілёўскім раёне ў 2009 г. / І. А. Марзалюк // ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Спр. № 2699. – Магілёў : Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, 2010. – 46 с.
12. **Марзалюк, І. А.** Справаздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка “Усход” у Магілёўскім раёне ў 2010 г. / І. А. Марзалюк. – Магілёў : Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, 2011. – 86 с. (рукапіс).
13. **Львова, З. А.** Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения / З. А. Львова // АСГЭ. – 1968. – Вып. 10. – С. 64–94.
14. **Львова, З. А.** Стеклянные бусы Старой Ладоги как исторический источник / З. А. Львова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chemov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm. – Дата доступа: 24.10.13.
15. **Полубояринова, М. Д.** Стеклянные изделия Болгарского городища / М. Д. Полубояринова // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С. 151–217.
16. **Щапова, Ю. Л.** Стекло Киевской Руси / Ю. Л. Щапова. – М., 1972. – 210 с.

17. **Фехнер, М. В.** К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М. В. Фехнер // Труды ГИМ / Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М., 1959. – Вып. 33. – С. 149–225.
18. **Риер, Я. Г.** Сельское общество Могилевского Поднепровья X–XIII вв. По археологическим данным : монография / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 176 с.
19. **Ланцетти, А. Г.** Изготовление художественного стекла / А. Г. Ланцетти, М. Л. Нестеренко. – М., 1987. – 303 с.
20. **Лесман, Ю. М.** Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) / Ю. М. Лесман // Археологические исследования Новгородской земли. – Л., 1984. – С. 118–153.
21. **Арциховский, А. В.** Курганы вятичей / А. В. Арциховский. – М. : РАНИОН, тип. “Северный печатник” в Вологде, 1930. – 221 с.
22. **Мугуревич, Э. С.** Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. / Э. С. Мугуревич / Акад. наук Латв. ССР. Ин-т истории. – Рига : Зинатне, 1965. – 145 с.
23. **Никольская, Т. Н.** Этнические группы Верхнего Поволжья XI–XIII вв. / Т. Н. Никольская // КСИИМК, вып. XXIV, 1949. – С. 78–83.
24. **Щапова, Ю. Л.** О происхождении некоторых типов древнерусских бус / Ю. Л. Щапова // Советская археология. – 1962. – № 2. – С. 81–96.
25. **Валиулина, С. И.** Стекланные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII – начале XIII вв. / С. И. Валиулина // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары / редкол.: А. Н. Киршичников [и др.]. – СПб. : ИПК “Вести”, 2000. – С. 51–64.
26. **Sedláčková, H.** Ninth- to Mid- 16th- Century Glass Finds in Moravia / H. Sedláčková // Journal of Glass Studies 48. – S. 191–224.
27. **Безбородов, М. А.** Стеклоделие в Древней Руси / М. А. Безбородов – Минск : Изд-во АН БССР, 1956. – 306 с.
28. **Деопик, В. Б.** Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. / В. Б. Деопик // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 137–139.
29. **Деопик, В. Б.** Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. / В. Б. Деопик // Советская археология. – 1961. – № 3. – С. 202–232.
30. **Щапова, Ю. Л.** Стекланные бусы Древнего Новгорода / Ю. Л. Щапова // Материалы и исследования по археологии СССР. – Вып. 55. – 1956. – С. 165–179.
31. **Жиронкина, О. Ю.** Категория археологических находок – бусы (история изучения: основные тенденции и методы). Часть 2 / О. Ю. Жиронкина // Древности 2006–2008. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков : ООО “НТМТ”, 2008. – С. 137–153.
32. **Тодорова, А. А.** Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предварительное исследование) / А. А. Тодорова // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 дек. 2003 г. – СПб., 2004. – С. 236–240.
33. **Лихтер, Ю. А.** Гнездовские бусы. По материалам курганов и поселений / Ю. А. Лихтер, Ю. Л. Щапова // Смоленск и Гнездово. – М., 1991. – С. 244–259.
34. **Тодорова, А. А.** Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предварительное исследование) / А. А. Тодорова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ladogamuseum.ru/litera/pub_171/ – Дата доступа: 03.04.2014.
35. **Щапова, Ю. Л.** Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX–XII вв. (по находкам из стекла) / Ю. Л. Щапова // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С. 155–177.

Поступила в редакцию 14.11.2014 г.

Контакты: shutkova.k@mail.ru (Шуткова Екатерина Петровна)

Summary

The article deals with the representative collection of glass beads with gold and silver foil found during the archeological excavations (2006–2010) in the barrow burial ground “Voshod”. These artifacts demonstrate the high level of cultural, economic and trade relations in the region. The technology and history of beads are displayed in the article.

УДК 2(476)+1(476)

СЯРЭДНЯВЕЧНАЯ БЕЛАРУСЬ У ІНТЭЛЕКТУАЛЬнай ГІСТОРЫІ “ЭКСПАНСІІ” ЕЎРОПЫ

В. Б. Евароўскі, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт,
Інстытут філасофіі НАН Беларусі, г. Мінск, РБ

З пазіцый гісторыка-філасофскай рэканструкцыі разглядаецца дынаміка інтэлектуальнага, геапалітычнага і каштоўнаснага ўплыву ядра Еўрапейскай культуры на філасофскае развіццё Беларусі ў XI–XVI стст. Паслядоўна рэпрэзентуюцца працэс хрысціянскай энкультурацыі і рэнесанснага ўплыву. Асабліва ўвага надаецца тым мадыфікацыям, якія гэтыя каранёвыя еўрапейскія ідэі перажываюць у нетрах беларускай інтэлектуальнай культуры. Робіцца выснова, што нягледзячы на запазненне, Беларусь у цэлым удала адаптавала успрыманыя ідэі і каштоўнасці.

Апісанне “Зямлі І” (апошняя чвэрць XII ст.) ахапляе чатыры гарады – Кіеў, Ноўгарад, Полацк, Смаленск: “Еўропай завецца трэцяя частка зямлі, яна размешчаная ў дзвюх з васьмі частак гарызонту, заходняй і паўночна-заходняй, і цягнецца да паўночнага ўсходу. Ва Усходняй Еўропе знаходзяцца Гардарыкі, там ёсць Кэнугард (Кіеў – В. Е.) і Хольмгард (Ноўгарад Вялікі – В. Е.), Паллескыя і Смалескыя” (фрагмент з сярэднявечнай ісландскай сагі) [1, с. 130].

Адным з сімвалаў старажытнай усходнеславянскай цывілізацыі, тых першых метафарычных кропак, якімі і цяпер пазначаецца беларуская культура, з’яўляўся “шлях з вараг у грэкі”. Спрадвеку першапачатковая дзяржаўнасць, якая ўзнікла на гэтых землях, разглядалася як нейкі шлях, што звязваў сярэднявечную Скандынавію з Візантыяй.

У 1159 г. у вусці Заходняй Дзвіны з’явіліся немцы, пачалася кампанія крыжакоў па засваенні Прыбалтыкі. Дагэтуль спарадычныя кантакты земляў Старажытнай Русі з Рах Романа пачалі перарастаць ва ўстойлівыя сувязі. Так Русь як краіна гарадоў, выцягнутая з паўночнага захаду на поўдзень, пачала ператварацца ў тэрытарыяльную адзінку з устойлівай востраем з усходу на захад.

Такім чынам, у свядомасці старажытнарускай палітычнай эліты пачынае ўкараняцца новая геапалітычная карціна, якая па шматлікіх параметрах падобная да сучаснай. Яе аснова – цвёрды падзел свету на Запад і Усход. У гэтых умовах вектар *Запад – Усход* становіцца дамінуючым, з аднаго боку, у выніку сваёй большай культурнай прыцягальнасці, з іншага – ад немагчымасці выбару, паколькі другой альтэрнатывай станавілася духоўная ізаляцыя, якая ва ўмовах нашага адносна невялікага сярэднявечнага культурнага поля, магла стаць фатальнай.

З перыяду прыняцця Літвой хрысціянства па рымскім абрадзе мы пачалі існаваць ва ўмовах нейкай двухканфесійнай раўнавагі, што падтрымлівалася тымі палітычнымі сродкамі, якія прапаноўвала саслоўна-феадальная структура грамадства, што існавала ў тую эпоху. Аднак, тая памяркоўнасць, што арганізавалася на гэтых землях палітычнымі шляхамі, мела не толькі сацыяльныя наступствы, але і прамыя духоўна-ідэалагічныя імплікацыі. Сітуацыя, у якой дзве веры маглі суіснаваць больш-менш мірна, абумовіла калі не абмен каштоўнасцямі, дык ведамі, у прыватнасці, філасофскімі і метадалагічнымі асновамі пабудовы рацыянальнай канструкцыі свету [2].

З іншага боку, тое ж становішча Вялікага княства Літоўскага і тая палітыка, што праводзілася гэтай дзяржавай, стварала для прадстаўнікоў як праваслаўнай, так і каталіцкай канфесій магчымасць падарожнічаць у краіны Заходняй Еўропы. Такім чынам, культура нашага рэгіёна, нягледзячы на рэлігійную разнастайнасць, атрымлівала адзіны ўзор філасофскага характару, які можа разглядацца як дадатковы фактар для кансалідацыі духоўнай і палітычнай эліты грамадства. Другой важнай умовай стабільнасці была адзіная прававая сістэма.

Аднак, з іншага боку, нягледзячы на тое, што з пункту гледжання ідэалагічнай парадыгмы ўсходні і заходні варыянты хрысціянства ў разглядаемы перыяд сярэднявечча ўжо выступалі пэўнымі антаганістамі, яны ўсё ж былі пабудаваны на адзіных семантычных і філасофскіх прынцыпах. Гэта значыць мае месца тая сітуацыя, калі людзі і пэўныя сістэмы культур, нават адчуваючы ўзаемную непрыязнасць, маглі спрачацца і проста падтрымліваць стасункі ў межах адзінай камунікатыўнай сістэмы [3].

У гэтым дачыненні мы можам казаць пра пэўныя каштоўнасці пазаідэалагічнага характару, якія нават ва ўмовах канфлікту іншых сфер дзейнасці з'яўляюцца аб'яднальнымі для розных тыпаў культур. Тут варта прыгадаць, напрыклад, што ў межах разглядаемай культурнай сітуацыі беларускага сярэднявечча структуры філасофскага парадку могуць аднолькава паспяхова выкарыстоўвацца для абгрунтавання як праваслаўных, так і каталіцкіх ідэалагем. Спатрэбілася яшчэ некалькі стагоддзяў беларускай інтэлектуальнай гісторыі да таго часу, пакуль была дасягнута пэўная сінхранізацыя нашай рэгіянальнай культуры з агульнаеўрапейскай традыцыяй. З іншага боку, прыкладна столькі ж часу спатрэбілася для стварэння адносна аўтаномнай адукацыйнай сістэмы і, нарэшце, гэты працэс стаў магчымым, толькі ў тых умовах, калі беларускія землі паўнаважна ўвайшлі ў камунікатыўнае асяроддзе еўрапейскай культуры.

З'яўляюцца неадменным фактам тое, што цяпер у маштабах усяго чалавецтва пануе тая адукацыйная сістэма, якая склалася на аснове традыцый еўрапейскіх універсітэтаў. З іншага боку, калі мы возьмем усю сучасную навуку, то яна цесна звязана са светапогляднымі асновамі грамадства менавіта заходнееўрапейскага або тэхнагеннага тыпу [4]. Па сутнасці мы можам казаць пра тое, што напрыканцы эпохі сярэднявечча еўрапейская цывілізацыя ў галіне ведаў стварыла гатовы экспертны прадукт, які дзякуючы сваёй сістэматызаванай і таму цэласнай прыродзе мог стаць асновай для фарміравання тэарэтычнай асновы любой лакальнай культуры. І ў гэтым дачыненні як у разглядаемы намі перыяд, так і ў больш познія эпохі менавіта гэта еўрапейская сістэма адукацыі не мела канкурэнцыі. Гэты, гаворачы сучаснай мовай, адукацыйны стандарт станавіўся падасновай той камунікатыўнай асновы адзінай хрысціянскай цывілізацыі.

Аднак натуральна, што ўцлыў еўрапейскай сістэмы ведаў не мог абмяжоўвацца толькі стварэннем нейкай метамоў, якая забяспечвала камунікаванне на шырокай геаграфічнай прасторы. Пранікненне гэтай камунікатыўнай структуры ажыццяўлялася і на змястоўным узроўні. І перш за ўсё асабліва ў дачыненні да духоўнасці Вялікага княства Літоўскага можна гаварыць пра права і тыя колы палітычнага мыслення, што былі звязаныя з яго разуменнем і выкарыстаннем.

Сярэднявечны ўніверсітэт [5; 6] – гэта той стандарт не толькі з боку інтэлектуальнага зместу сістэмы ведаў, што ў ім выкладалася, але і самой арганізацыі гэтага працэсу, а таксама наступстваў праходжання яго для канкрэтнага чалавека. Заканчэнне канкрэтнай навучальнай установы, сярод усяго іншага давала чалавеку пэўны статус. Калі звярнуцца да гэтага працэсу менавіта ў сярэд-

нявечных умовах, то даўно было адзначана, што ў сярэдзіне гэтага перыяду такія ўстановы становяцца своеасаблівай чацвёртай іпастасцю феадальнага грамадства. У якасці нагляднага прыкладу такога стану рэчаў звычайна прыводзяць сярэднявечны Парыж [6], які фарміраваўся як сімбіёз 4 гарадоў, у кожным з якіх нібы дзейнічала своя ўлада, а рэшткі гэтага падзелу захаваліся да гэтага часу. У Парыжы выразна выяўлены чатыры часткі – чыста гарадская, каралеўская, царкоўная і, нарэшце, знакаміты Лацінскі квартал, дзе здаўна размяшчаўся ўніверсітэт. У тую далёкую эпоху ў кожнай з частак была свая ўлада і свой суд.

XII–XVI стст. былі часам распаўсюджвання ўніверсітэтаў на еўрапейскім кантыненте, гэты працэс паступова прыводзіць да таго, што веды і адукаванасць становяцца вечнай каштоўнасцю, іншымі словамі – вучыцца становіцца модным. Калі, напрыклад, у эпоху Кіеўскай Русі, менавіта ў гэтым інтэлектуальным плане ў наяўнасці быў падзел паміж тымі, хто думаў, і тымі, хто фіксаваў гэтыя думкі, то далейшае развіццё адукацыі ў эпоху сярэднявечча прыводзіць да таго, што адукаванасць становіцца такой жа іпастасцю персоны, якая займала высокае становішча ў сацыяльнай іерархіі, як, напрыклад, і ўменне ваяваць. А паломніцтва па веды ператвараецца ў важны напрамак сацыялізацыі. Але не толькі людзі ездзілі па адукацыю. Развіццё сістэмы ўніверсітэтаў прыводзіла да таго, што такая арганізацыя атрымання ведаў паступова заваёўвала новыя арэалы і ў гэтым дачыненні для нас важнымі з’яўляюцца тры даты. У 1579 г. адкрыўся Віленскі ўніверсітэт [7], аднак прыкладна за дзвесце пяцьдзесят гадоў да гэтага ўніверсітэты адкрыліся ў Празе (1347) і Кракаве (1364). І тут мы можам казаць пра рэгіянальны аспект распаўсюджвання гэтага віду адукаванасці на беларускія землі.

Геаграфічнае набліжэнне ў XIV–XV стст. гэтых ачагоў ведаў на фармальным узроўні прыводзіла да таго, што для многіх беларускіх інтэлектуалаў эпохі позняга сярэднявечча Кракаў і Прага становіліся зыходнымі пунктамі на шляху па веды ў Еўропу. Такім чынам, тую парадыгму, што з пэўнай доляй умоўнасці можна назваць еўрапейскай сістэмай ведаў, можна таксама назваць чарговым інкультурацыйным узорам, які з пункту гледжання механізма ўздзеяння быў практычна падобны на хрысціянскую інвазію на беларускія землі. Як і папярэднія мадэлі інвазіі і цэнтравання, адукацыйная парадыгма паўтарала некаторыя агульныя функцыянавання. І найперш тут можна адзначыць акадэмічнасць і запазненне. Вядома, прырода гэтага феномена цяпер ужо мела крыху іншы характар, чым гэта было ў часы ранняга сярэднявечча. Тады ў наяўнасці была нейкая штучная структура ведаў (шмат у чым прымусова прыўнесена звонку), нейкі спецыяльны экспертны варыянт, прызначаны для хрысціянізацыі язычніцкіх народаў. Тут жа на самым пачатку еўрапейскай эпохі мае месца ўжо адкрытая сістэма ведаў, доступ да якой рэгулюецца перш за ўсё эканамічнымі фактарамі. Навучанне ў разглядаемы перыяд становіцца рамяством, а яго распаўсюджванне – спосабам росту дабрабыту. Таму магчымасці вышэйазначанага заходняга вектара, у тым ліку і беларуска-польска-чэшскага славянскага ўзаемадзеяння, сапраўды з’яўляюцца толькі на самым зыходзе сярэднявечча, калі побач з іншымі навацыямі рэнесансны ўплыў стымуляваў цікавасць як да народнай культуры, так і да тых высокіх узораў, што прапаноўваў “лацінскі свет”.

Канец XV – пачатак XVI ст. у гісторыі Беларусі ўяўляе сабой новы рэвалюцыйны скачок, бо менавіта з гэтага часу пасля дзвюх хрысціянскіх інвазіій мы зноў назіраем кардынальную ломку светапоглядных арыенціраў, імклівае назапашванне адукаванасці грамадства, выразнае пазначэнне магчымасцей быць “выбітнымі людзьмі”. З іншага боку, тут мы можам заўважыць і відавочную сінхра-

нізацыю духоўнай культуры ВКЛ з галоўнымі трэндамі еўрапейскага гуманізму. У перыяд Адраджэння Вялікае княства Літоўскае канчаткова замацавала месца на кагнітыўнай мапе Еўропы ў якасці агульнапрызнанай еўрапейскай дзяржавы, у культуры якой знайшлі сваё ўвасабленне ўсе супярэчнасці палітычнага і духоўнага жыцця кантынента тых часоў.

У гэтым кантэксце мы павінны звярнуць увагу на самы важны фактар у пранікненні Рэнесансу на беларускія землі, на той феномен, які мы можам умоўна пазначыць як “сярэднявечны турызм”. Гэта значыць, калі мы кажам, што дух Адраджэння пачаў пранікаць на тэрыторыю Беларусі дзесьці на пачатку 20-х гг. XVI ст., то перш, чым пачаць канкрэтны і змястоўны аналіз тых трансфармацый, якія выклікалі гэтае пранікненне, неабходна раскрыць сам механізм інвазіі, знайсці тыя канкрэтныя геаграфічныя шляхі і прычыну патрэбы людзей перасоўвацца па гэтых шляхах. А гэта значыць, што на кагнітыўнай мапе Еўропы таго перыяду варта пазначыць дзве кропкі (напрыклад, Полацк і Фларэнцыю), паглядзець, што і як іх звязвае ў сферы інтэлектуальнага ўзаемадзеяння ў гэтых геаграфічных каардынатах. У гэтай сувязі мы ўводзім канцэпт “сярэднявечны турызм” і лічым, што, нягледзячы на занадта сучаснае гучанне, ён дазволіць накіраваць гэтую частку дыскусіі пра характар і формы ўплыву *Rinascimento* на беларускую культуру ў патрэбнае рэчышча.

Як відаць на прыкладзе беларускага першадрукара, для “інтэлігенцыі” Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. паездкі ў Італію ўжо не былі чымсьці неардынарным. А людзі з беларускіх земляў перасталі здавацца незвычайнымі і таму варожымі. Больш таго, за гэты адносна кароткі час мяжа дзіўнага свету, той прасторы, наведванне якой здавалася падобным на вандраванне ў замагільны свет, усё больш адсоўваецца на ўсход. Пра гэта сведчыць нават самы павярхоўны аналіз мемуараў вандроўца таго часу (напрыклад, “Запіскі аб Масковіі” 1557 [8]), “родапачынальніка еўрапейскіх баечнікаў пра расійскую айчыну” Жыгімонта (Зігмунда) фон Герберштэйна (ням. *Siegmund Freiherr von Herberstein*), а таксама параўнанне гэтых тэкстаў з раннімі падобнымі тэкстамі.

Турызм усё ж нешта іншае, чым простае перасоўванне. Турыст адпраўляецца ў шлях не дзеля задавальнення сваіх вонкавых патрэб, а дзеля месца, куды ён едзе. Турыст імкнецца дасягнуць месца, пазнаць яго, а таксама павезці назад нешта духоўнае ці матэрыяльнае. Па сутнасці, турыст вязе з сабой культуру. На ўсім працягу свайго развіцця еўрапейская цывілізацыя была цэнтраванай цывілізацыяй. Гэта азначае, што цікавасць і дапытлівасць былі накіраваны да якога-небудзь цэнтра. І калі сучаснай карціне ўласціва так званая поліцэнтрычнасць, а палітычныя, эканамічныя і духоўныя цэнтры канкуруюць паміж сабой, іншае было ў Сярэднявеччы. Тады, з прычыны саркастычнага стаўлення да іншых заняткаў, якія адрозніваліся ад “практыкаванняў духу” і ўзнёслага ўвасаблення духу ў матэрыю, цэнтрам цывілізацыі лічылася тое, куды імкнулася душа, а не цела. Да сярэдзіны XV ст. такім універсальным духоўным цэнтрам хрысціянскай цывілізацыі заставалася Палестына. З канца XV ст., у тым ліку ў сілу палітычных і эканамічных прычын, ролю такога цэнтра ўзяў на сябе Рым. Запусценне Палестыны ў непарыўным сінтэзе з Адраджэннем у Італіі спарадзіла і важныя змены ў сістэме сярэднявечнага турызму, калі маладыя людзі пачалі падарожнічаць не толькі з палітычнымі і рэлігійнымі мэтамі, але і з адукацыйна-культурнымі.

Як адзначаў Эдвард Чэйні, прыняўшы рымскую мадыфікацыю старажытнай грэчаскай цывілізацыі, гэтак жа як і адраджэнне гэтага гібрыда на працягу

Рэнесансу, Італія стала цэнтрам экстраардынарнага абаяння для маладых дзяржаў Паўночнай Еўропы пасля распаду сярэднявечнага хрысціянскага свету [9, с. 11]. Менавіта ў сярэдзіне XV ст. Італія выступіла як эмбрыён будучага Гранд Тура (пра Гранд Тур гл.: [9; 10]), які на працягу яшчэ некалькіх стагоддзяў будзе служыць завяршальным звяном у выхаванні еўрапейскай арыстакратыі, а ў больш шырокім сэнсе – першасным кансалідуючым пачаткам, які навязвае еўрапейскай інтэлігенцыі агульныя каштоўнасці, адзіныя падыходы да пазнання свету. Што да земляў Вялікага княства Літоўскага, то наш прыклад перасоўвання на світанку беларускага Адраджэння на ўсход кагнітыўных межаў той сацыякультурнай прасторы, якую мы цяпер традыцыйна завём Еўропай, ёсць прамое следства далучэння розных пластоў грамадства Вялікага княства Літоўскага да традыцый еўрапейскіх вандраванняў наогул і канонаў Гранд Тура ў прыватнасці.

Адраджэнне азначала для Беларусі, яе культуры і сацыяльнай структуры не толькі якасны, але і рэвалюцыйны скачок, бо менавіта з гэтага часу мы назіраем кардынальную ломку светапоглядных арыенціраў, кумулятыўнае назапашванне як агульнай адукаванасці соцыума, так і патэнцый быць “выбітнімі людзьмі”, якія ў разглядаемы перыяд з’яўляліся галоўнай каштоўнасцю і прызнаваліся пераважнай рухаючай сілай рэнесанснага грамадства. Па сутнасці, гэтая радыкальная сінхранізацыя сацыяльнага і духоўнага жыцця ВКЛ з галоўнымі тэндэмі еўрапейскага гуманізму (пры безумоўнай рэгіянальнай спецыфіцы) можа быць з поўным правам названа трэцяй (пасля праваслаўнай і каталіцкай інвазіі) інкультурацыяй беларускага грамадства.

Калі ж мы будзем тут выкарыстоўваць канцэпцыю Ж. Дзюбі [11], то зможам казаць і пра другую феадальную рэвалюцыю. Такі падыход стане правамерным абагульненнем відавочных працэсаў пераходу ад трохузроўневай структуры феадальнага агульнага Сярэднявечча да рэнесанснай мазайчнасці сацыяльнага жыцця і значных праяў чалавечай волі, змест якіх цяпер з’яўляецца не толькі гісторыяй беларускага Рэнесансу, але і важнай, прызнанай часткай сусветнай культурнай спадчыны.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Джаксон, Т. Н.** Austr Í Gögðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках / Т. Н. Джаксон. – Москва : Яз. славян. культуры, 2001. – 207 с.
2. **Йосипенко, С. Л.** До витоків української модерності: українська ранньомодерна духовна культура в європейському контексті / С. Л. Йосипенко. – Київ : Український Центр духовної культури, 2008. – 392 с.
3. **Симчич, М.** Philosophia rationalis у Києво-Могилянській академії / М. Симчич. – Вінниця : О. Власюк, 2009. – 239 с.
4. **Степин, В. С.** Теоретическое знание: Структура, ист. эволюция / В. С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
5. **Haskins, C. H.** The rise of universities/ Charles Homer Haskins. – New York : Gordon Press, 1976. – p. cm.
6. **Ferruolo, S. C.** The origins of the university: the schools of Paris and their critics, 1100–1215 / St. Ferruolo. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1985. – viii, 380 p.
7. **Bielinski, J.** Uniwersytet Wilenski : 1579–1831 3 / J. Bielinski. – Krakow : [s.n.], 1899. Vol. 1: – [8], 485, [482] s., [488] k. tabl.
8. Sigmund Herberstein Moscouia Sigmunds Freyherms zu Herberstein, Neyperg vnd Guetenhag u. verteutsch: anno 1557 / Sigmund Herberstein. – Wienn : Gedruckt zu Wienn in Osterreich durch Michael Zimmerman in S. Annen Hof, 1557. – n/a.

9. **Chaney, E.** The evolution of the grand tour : Anglo-Italian cultural relations since the Renaissance / E. Chaney. – London ; Portland, OR : Frank Cass, 1998. – xx, 404 p.
10. **Black, J.** Italy and the grand tour / J. Black. – New Haven : Yale University Press, 2003. – xi, 255 p.
11. **Duby, G.** Les trois ordres : ou, L'imaginaire du fеоdоdalismе / G. Duby. – Paris : Gallimard, 1978. – 428 p.

Паступіў у рэдакцыю 08.07.2014 г.

Кантакты: walewr@gmail.com (Еворовский Валерий Борисович)

Summary

From the standpoint of historical and philosophical reconstruction the author considers the dynamics of intellectual, geopolitical and axiological influence of the European cultural core on the philosophical development of Belarus in the XI–XVI centuries. The processes of the Christian enculturation and the Renaissance influences are consistently presented. Special attention is paid to the modifications of the major European ideas in the Belarusian intellectual culture. It is concluded that despite the delay Belarus successfully adapted European ideas and values.

УДК 1: [3+93]

ДАРООБМЕН КАК МОДЕЛЬ БЫТИЯ АРХАИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Ю. Г. Писаренко

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института философии имени Г. С. Сковороды
Национальной Академии Наук Украины, г. Киев, Украина

Дарообмены традиционных обществ моделировались по принципу первичной родовой связи “своих”, причастующих “общему зрению”. Очевидно, эта субъектно-объектная слитность в “едином зрении” и была той изначальной целостностью, которую во взаимном даре предполагали М. Мосс и К. Леви-Стросс.

Введение

Проблематика истоков общественной жизни всегда актуальна. В свою очередь, основополагающий принцип архаической социальности интуитивно ощущается в дарообмене традиционных обществ. Особое внимание этой теме было уделено в известном “Очерке о даре” М. Мосса (1925). Ученый решал вопрос: “Какова юридическая и экономическая норма, заставляющая в обществах отсталого или архаического типа обязательно отвечать подарком на подарок? Какая сила, заключенная в даримой вещи, заставляет одариваемого делать ответный подарок?” [1, с. 85]. Несмотря на то, что антропологом была доказана тотальность обычая обмена в архаике, удовлетворительно ответить на поставленные вопросы ему так и не удалось. Констатируя это, К. Леви-Стросс, в частности, критиковал предшественника за его излишнее доверие к, очевидно, искусственной версии маори о том, что возвращаться к прежнему хозяину подаренную вещь заставляет некий дух хау, всегда стремящийся к месту своего происхождения [1, с. 96–100; 2, с. 427]. Стросс считал, что гораздо больше шансов найти реальность не в сознательных умонастроениях, а в бессознательных ментальных структурах, к которым можно добраться, исследуя общественные институты, а еще скорее – язык. При этом он подчеркивал оставленное без должного внимания М. Моссом его собственное наблюдение, что папуасы и меланезийцы используют одно и то же слово для обозначения покупки и продажи, суживания и заимствования. Если же антитетические операции обозначаются одним словом, то и сами эти операции не антитетичны, а представляют два модуса одной реалии, поэтому и понятие хау в качестве обобщения теряет смысл [2, с. 427]. В связи со сказанным напомним, что, согласно Э. Бенвенисту, слияние значений “брать” и “давать” обнаруживает также индоевропейский глагол *dō-* [3, с. 70–71]. Такая же двойственность отмечается для древнескандинавского глагола *fa* [4, с. 70]. Сам термин предполагает обоюдность акта, с помощью которой, будто бы, восстанавливается некая утраченная целостность. В теории дара искусственно объяснить эту целостность было призвано понятие хау, тогда как в теории магии ее объясняли так называемой *мана* [2, с. 428]. “Мы должны допустить, – писал К. Леви-Стросс, – что подобно хау, *мана* – лишь субъективное отражение некоей целостности, не открытой восприятию...” [2, с. 431].

Основная часть

Что собой представляла эта, восстанавливаемая эквивалентным дарообменом целостность, по видимому, обнаруживаем именно там, где и предполагал К. Леви-Стросс, – в бессознательных ментальных структурах, запечатленных в одном из общественных институтов. Произведение Лукиана Самосатского “*Токсарид, или Дружба*” (II в. н.э.) сохранило ряд ценных сведений об общественной жизни скифов, в том числе – об обычае выкупа пленного под названием “*зирин*”, соответствующем правилам эквивалентного обмена [5, р. 265–302; 6, с. 310–312 (Т. 1)]. Здесь говорится о двух скифах-побратимах, один из которых был пленен во время набега враждебного (также ираноязычного) племени савроматов. Услышав призыв друга о помощи с противоположного берега реки, второй из друзей, переплыв ее, приходит во вражеский стан, выкрикивая при этом слово “*Зирин!*” (*Ζίριν*). “Того, кто произнесет это слово, – поясняется в рассказе, – савроматы не убивают, но задерживают, считая, что он пришел для выкупа” [*Toxaris. 40*]. Не имея с собой никакого имущества, в качестве выкупа за друга скиф предлагает начальнику савроматов себя. Но тот возражает: “Невозможно задерживать тебя всего, раз ты пришел, говоря: “*Зирин*”; оставь нам часть того, чем обладаешь, и уведи своего друга”. Он затребовал у пришельца глаза, что и послужило выкупом [*Toxaris. 40*]. Позже, выкупленный таким образом друг, также себя ослепил, “и они стали кормиться на общественный счет скифского племени, пользуясь чрезвычайным почетом” [*Toxaris. 41*].

Несмотря на то, что скептики считают этот рассказ, всего лишь, анекдотом, тем не менее, не только оригинальный термин “*зирин*”¹, но и ряд подробностей вызывают доверие к излагаемому Лукианом. Об этом, например, свидетельствует такая деталь, как требование савроматом только *части* имущества. Мы видим, что, согласно М. Моссу, в ритуальных обменах присутствовали две тенденции. Первая предполагала равенство подарка и ответного дара, вторая же, – проследившаяся в индийских потлечах, – отражала стремление сделать настолько большой подарок или оказать услугу, чтобы получивший не был в состоянии их возместить, в силу чего попадал в своеобразную завистимость от дарителя [1, с. 91]. По существу, вторая тенденция, будучи производной первой, в то же время, ее отрицает или же на ней паразитирует, провоцируя ситуацию невозврата. Думаем, она может быть признана позднейшей. Очевидно, с точки зрения договора “*зирин*”, понимавшегося как равноправный, сдача скифа в плен вместо друга сделала бы невозможной обратную связь, поскольку савромату, просто, некому было бы вернуть выкупаемого. Диалог был бы нарушен. Значит, в договоре “*зирин*” важно было сохранение той части “сдвоенной личности” дарящего, которая, расставаясь со своей “половиной” (частью–“другом”), могла бы затем принять в качестве возмещения аналогичную часть контрагента, образовав, таким образом, новую межличностную связь, а вернее – сделав их половинами друг друга.

Приведенный случай договора “*зирин*” для практики подобных контрактов был нетипичен, поскольку вышедший из реки человек требуемого для выкупа

¹ Нельзя согласиться с В.И. Абаевым, считавшим *ζίριν* – ‘выкуп’ Лукиана, испорченным *ζόριν* – ‘золото’ [7, с. 303], хотя бы, потому, что в “*Токсариде*” речь не идет о качественной характеристике выкупа (золото, рабы, скот и т. п.), но лишь об условной “части” тела-имущества скифа: “Невозможно задержать тебя всего, раз ты пришел, говоря: “*Зирин*”; оставь нам часть того, чем обладаешь...” [*Toxaris. 40*]. Более логичным нам представляется сопоставление термина “*зирин*” с осетинским *zyrun: zyryd | zurun: zurd* ‘кружить(ся)’, ‘вертеть(ся)’ [7, с. 324].

богатства не имел. Если в древних дарообменах вещи, имущество признаются, как бы, частицей “тела-сущности” человека [1, с. 98; 4, с. 64], то, в данном примере само богатство заменили глаза. Существуют ли какие-либо другие подтверждения того, что “глаза” человека в древности могли символически приравниваться к его “имуществу”?

Согласно этнографическим данным XIX – начала XX в., в традиции скотоводов (к которым также относились скифы и савроматы) сохранилось представление о том, что “обладать богатством (скотом)” – это значит его “видеть”. Например, путешественник А.И. Левшин о своем разговоре с киргизским (казахским) владельцем табунов рассказывал следующее: “Однажды спросил я одного владельца восемь тысяч лошадей, почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: “Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны: я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, всякий говорит, что я богат” [8, с. 7]. Автор, несколько упрощенно, считал, что “народ сей не извлекает из богатства другой пользы, кроме тщеславия” [8, с.7], хотя скотовод совершенно четко говорил и об удовольствии от самого созерцания лошадей. Восхищенное отношение этого народа к лошадям подтверждается и другими данными [8, с. 7–8]. Практически, тождественен диалог между оленеводом-юраком и путешественником, предлагающим ему продать одного из нескольких тысяч своих оленей. Пастух аргументирует свой отказ следующим образом: “Олени ходят, я на них смотрю, а деньги спрячешь, – не видно...” [8, с. 5]. Для нас чем-либо владеть, скорее, означает это “упрясть”, проявив над собственностью власть, выступив по отношению к ней субъектом. В приведенных же случаях видящий (владеющий), фактически, приравнивается видимому и потому боится видимую картину нарушить. Его условное “Я” совершенно отлично от нашего. Эта, пережиточная невыделенность субъекта, – если вспомнить Э. Фромма, – противостоит “обладанию” в качестве “бытия” [9].

А.Н. Максимов подытожил подобные этнографические факты в своей статье “Скотоводство малокультурных народов”. В частности, подобный ответ был получен и от африканца мкамба, разводящего крупный рогатый скот [8, с. 9]. Туземцы избегают убийства животных своего стада для собственной еды или их продажи, подчеркивая, что высшим благом являются не спрятанные деньги, а любованье массами пасущихся животных, которые, к тому же, согласно признанию их хозяев, вызывают уважение и зависть к ним соседей. Последнее в особенности четко говорит о том, что эти стада представляют собой некую общезначимую, социальную ценность. Это подтверждают неоднократно упоминаемые в тех же материалах “особые” случаи, когда скотовод не боится расстаться со своим скотом. Так, юрак-самоед, который не желал продавать оленя, без колебаний, закалывал его для почетного гостя [8, с. 5]. Африканские бари закалывают скот только в торжественных случаях – свадьбы или смерти вождя, заключения мира и т.п. У акамба исключительными легальными способами перехода крупного рогатого скота от одного хозяина к другому являются наследование, уплата калыма за невесту, компенсация за убийство или другое тяжкое преступление [8, с. 9]. У нуэров скот также забивается, в основном, в честь церемоний. Он выступает как плата при заключении брака, а каждый из этапов брачного ритуала отмечается передачей или убийством скота. Вообще же, здесь скот олицетворяет все узы социальных связей [10, с. 27, 28, 34]. Очевидно, отличие при-

веденных случаев убийства или передачи скота другим от обычного потребления собственной семьей или продажи состоит в том, что в последних примерах “уничтожение видимости” является ценой за изменение одного социального статуса на другой. Поскольку “видимость” (скота) явно приравнивалась телесной принадлежности, то передача своей “видимой-телесной” частицы кому-либо, которая, как предполагаем, требовала дара в ответ, означала установление новых отношений сопричастности – родства.

С точки зрения замещения богатства глазами в договоре “зирин”, интересна и следующая параллель из индийской “*Брихадараньяка Упанишад*” (VIII–VI вв. до н.э.), которая, перечисляя качества мужчины, полноправного члена общества, отмечает: “глаз – его мирское богатство, ибо глазом он добывает его” [11, с. 77]. То есть, “приобретать” богатство – это значит его “видеть”, а то, чем “видят (-приобретают)”, само превращается в “видимое (-приобретаемое)”. Субъект сливается с объектом.

Примеры из практики скотоводов, в которых “владеть” стадами означает их “видеть”, а также фрагмент из “*Брихадараньяка Упанишад*”, согласно которому, “глаз” приравнивается “богатству”, стоят в одном ряду с договором “зирин”, в котором богатство скифа “заменили” его глаза.

Нижеследующие же примеры дополняют и поясняют тот факт из рассказа Лукиана, что глаза стали платой за друга.

Так, А. Ван-Геннеп об арабском племени шаммар писал, что, наряду с представлением о том, что единство между людьми может быть установлено с помощью прямых контактов (прикосновения к шатру, хватания зубами вещи другого человека и т.д.), указал и на следующий: “Шаммар никогда не грабят караваны, которые находятся в видимости их лагеря, поскольку, пока чужеземец может видеть их шатры, они считают его своим подзащитным” [12, с. 35]. “Даже взгляд, – констатирует ученый, – является в этом случае контактом” [12, с. 35]. Кроме того, обращает на себя внимание идея “взаимности”, поскольку покровительство со стороны шаммар вызывается именно предположением, что их лагерь также видим со стороны каравана. Общность, идея “своего” рождается не просто одно-сторонней, а взаимной видимостью.

В.Я. Пропп в книге “Исторические корни волшебной сказки” рассмотрел ситуацию столкновения героя, попавшего в “тридцатое царство” (образ загробного мира) и его владычицы – Яги. Они некоторое время не могут друг друга увидеть – теряют зрение. И это, как отмечает ученый, вполне естественно, ведь в обычной ситуации каждый из них видит только представителей своего мира, например, “живые не видят мертвых точно также, как мертвые не видят живых” [13, с. 72]. Значит “свой” – прежде всего, принадлежащий родовой территории – представляется “видимым” и “видящим”, тогда как “чужой” – “невидимым” и “незрячим” (слепым) [13, с. 72]. Еще А.А. Потебня отмечал, что в разных языках соседние народы иногда именовались “слепыми” (например, польское “*ślepy Mazur*”, русское “вятичи-слепороды”, прозвание “слепыми” в Германии гессенцев и швабов) [14, с. 170–173]. В особенности, важно отмеченное В.Я. Проппом, очевидно древнее, представление о том, что термин “слепой” обозначал не только “активную” слепоту, но и, так сказать, пассивную – невидимость. Так, латинское *caeca nox* – “слепая ночь” – собственно, “непроглядная темнота” или немецкое *ein blindes Fenster* – “слепое окно”, то есть – “ложное”, “невидимое” [13, с. 72]. Из наблюдения В.Я. Проппа о смысловом единстве “слепоты” и “невидимости” должно следовать аналогичное слияние “видимости” и “зрения”. Очевидно, согласно архаическому мировосприятию, зрение понималось не как нечто одностороннее, а как, непре-

менно, взаимное, всегда обоюдное. В связи с этим вновь напомним замечание Э. Бенвениста об индоевропейском глаголе *dō-*, который, в зависимости от грамматической конструкции предложения, мог приобретать значение или “брать” или “давать”. Из этого можно сделать вывод, что неотъемлемым признаком изначального представления о даре, также, как и первичного понимания “зрения”, была его взаимность. И, очевидно, это тождество обоюдного “дара” и “зрения” на символическом уровне отразилось в договоре “зирин” по Лукиану.

Итак, благодаря приведенному варианту договора “зирин” – явно форс-мажорному (поскольку одной из его сторон выступал лишенный всего, человек) – очевидно, раскрывается истинная семантика договора-обмена, связанная со смысловой нагрузкой образа глаз, “зрения”. В дарообмене наблюдаются такие моменты: 1) вещь связана с владельцем через его зрение, она – слепок зрения владельца, его глаза (ср. “*Брихадараньяка Упанишада*”); 2) вещь отдаваемая = вещи возвращаемой; 3) если, с одной стороны, каждая из двух вещей = зрению своего владельца, а с другой – эти вещи “тождественны” между собой, то взаимный дар есть не что иное, как “единое зрение”, в котором сливаются участники обмена, как нерасчлененные “субъект” и “объект”. Значит, при всей своей сложности процедура “зирин” есть “зрение”.

Представляется, что исследователи обратимой природы архаического дара, начиная с М. Мосса, очевидно, не предполагали, что корни этого института могут происходить из настолько глубоких слоев архаики, в которых субъект и объект еще не различались, и “Я” человека из окружающего мира не выделялось [15, с. 125, 126, 128–129; 16, с. 30; 17, с. 32]. Эта несубъективность, прежде всего, основывалась на соответствующем понимании зрения. Согласно предположению О. Шпенглера, поначалу “Я” было идентично бодрствованию вообще [18, с. 16]. Возможно, в пределе, это то, что говорится о глазе шизосубъекта, который беспрепятственно “впускает” внутрь окружающие силы, сам ландшафт, “давящие” на человека изнутри [19, с. 29]. Таким образом, из-за слитности субъекта и объекта, в архаической традиции сопричастность (родство, дружба, “владение”) должна была пониматься как “видимость-видение”. Следовательно, и глаза (как это в “Токсариде” Лукиана) могли выступать символом “родства”, “договора”, “владения” – органом социальности в человеке, как бы, заведомо принадлежащим всему обществу. В этом смысле, примечательна адыгская поговорка: “И глаз, и душа взяты в долг” [20, с. 53].

Такой “объединяющий” потенциал образа “зрения” ощущал и Мейстер Экхарт (XIII–XIV в.), который в своем “Единстве вещей” писал: “Предположим, что мой глаз покоится в себе, как нечто единое, само в себе заключенное, и только при зрении открывается и устремляется на дерево. И дерево, и глаз остаются тем, чем они были, и все же в действии зрения они становятся настолько одно, что можно было бы сказать: глаз есть дерево, а дерево – глаз” [21, с. 37]. Если же я вижу не дерево, а человека, то мой глаз также “сливается” с видимым. Но и этот человек аналогично “действует” в отношении меня – его глаз “наполняется” мной, сливается со мной. Я не задаюсь вопросом, каким конкретно он меня видит, но понимаю, что видим им. Создается впечатление, что нас объединяет некое общее зрение². В этом смысле совершенно архаичным оказывается

² С учетом вывода о “едином зрении” “своих”, интересно, что в “Токсариде” выкупленный ценой зрения друга скиф также себя ослепил. Причастие обоих слепоте выводит зрение (как и саму их дружбу) на некий трансцендентный уровень.

мнение ребенка, который, замуривая глаза, считает, что стал невидим для другого (своего рода, “принцип страуса”).

На первый взгляд, более естественным могло бы показаться заключение, что дарообмен при договорах реконструировал целостность в виде “родового” причастия “тотемической” трапезе. Однако, иллюзия “общего зрения”, по существу, уже заключает в себе принцип причастия, и, таким образом, причастие пищевое, словно, выступает его более наглядной моделью. Во всяком случае, наше внимание привлекает вывод Ю.И. Семенова о том, что т. н. “разборные отношения” распределения первобытности предполагали единовременное поедание членами коллектива общей добычи друг у друга на виду, без права унести или оставить свою долю на потом [22, с. 109–110]. То есть, социальность трапезы, очевидно, не столько подкреплялась взаимной видимостью участников, сколько предопределялась ею. С символической точки зрения именно “видимость-зрение” “кормит, распределяет, одаривает”, подобно ведической богине зари, “дарительнице” Ушас [23, с. 55]. Антитеза “видимого-щедрого” и “невидимого-скупого” прекрасно читается в метаморфозе легендарного Тимона Афинского [6, с. 234–359 (Т. 2); 24, с. 236–237; 25, с. 94–96]. О “кормящей” способности глаз прямо говорит опубликованный Л.Н. Майковым “Заговор на царские очи”: “Вы же, *кормилицы, царские очи*, как служили царям-царевичам, королям-королевичам, так послужите рабу Божию (имя рек)...” [26, с. 562].

Заключение

Итак, в самых общих чертах, можем констатировать, что договорные дарообмены между группами архаического, традиционного общества или их представителями моделировались по принципу первичной родовой связи “своих”, причастующих “общему зрению”. Очевидно, эта, субъектно-объектная слитность в “едином зрении” и была той изначальной целостностью, которую во взаимном даре предполагали М. Мосс и К. Леви-Стросс.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Мосс, М.** Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – М.: ИФ “Восточная л-ра” РАН, 1996. – С. 83–222.
2. **Леви-Стросс, К.** Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс М. Социальные функции священного. Избр. произведения / пер. с франц. под ред. И. В. Утехина. – СПб.: Евразия, 2000. – С. 409–434.
3. **Бенвенист, Э.** Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр., ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс: Универс, 1995. – 456 с.
4. **Гуревич, А. Я.** Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе / А. Я. Гуревич. – М.: Высшая школа, 1970. – 224 с.
5. **Lukiani Samosatensis.** Opera. – Lipsiae, 1887. – 2 vol.
6. **Лукиан.** Собрание сочинений: в 2 т. – М.-Л.: Academia, 1935. – Т. 1, 2.
7. **Абаев, В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. – Л.: Изд-во АН СССР, 1989. – Т. 4 (и-з). – 326 с.
8. **Максимов, А. Н.** Скотоводство малокультурных народов / А.Н. Максимов // Институт истории. Ученые записки. – М., 1927. – Т. 2. – С. 3–24.
9. **Фромм, Э.** Иметь или быть? // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: ООО “Изд-во АСТ”, 2000. – С. 185–437.
10. **Эванс-Причард, Э. Э.** Нуэры. – М.: Наука, Глав. ред. восточн. л-ры, 1985. – 235 с.
11. Брихадараньяка Упанишада. Памятники литературы народов Востока. Переводы. V. – М.: Наука, 1964. – 238 с.
12. **Геннеп, А., ван.** Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. – М.: ИФ “Восточная л-ра” РАН, 2002. – 198 с.

13. **Пропп, В. Я.** Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – 2-е изд. – Л. : ЛГУ, 1986. – 365 с.
14. **Потебня, А. А.** Этимологические заметки // Русский филологический вестник. – Варшава, 1880. – Т. 4. – № 3–4. – С. 161–183.
15. **Кон, И. С.** Открытие “Я” / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
16. **Фрейденберг, О. М.** Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М. : ИФ “Восточная л-ра” РАН, 1998. – 800 с.
17. **Шахнович, М. И.** Первобытная мифология и философия (предыстория философии) / М. И. Шахнович. – Л. : Наука. Лен. отделение, 1971. – 240 с.
18. **Шпенглер, О.** Закат Европы / О. Шпенглер. – Минск : ООО “Попурри”, 1999. – Т. 2. – 719 с.
19. **Подорога, В.** Феноменология тела. Введение в философскую антропологию / В. Подорога. – М. : Ad Marginem, 1995. – 340 с.
20. **Шенкао, М. А.** Смерть как социокультурный феномен / М. А. Шенкао. – К. : Ника-Центр, Эльга; М. : Старклайт, 2003. – 320 с.
21. **Мейстер Экхарт.** Проповеди и рассуждения / Экхарт Мейстер. – М. : Мусарет, 1912. – 188 с.
22. **Семенов, Ю. И.** Происхождение брака и семьи / Ю. И. Семенов. – М. : Мысль, 1974. – 309 с.
23. **Кейпер, Ф. Б. Я.** Древний арийский словесный поединок // Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. – М. : Глав. ред. восточн. л-ры, 1986. – С. 47–100.
24. **Фрейденберг, О. М.** Слепец над обрывом / О. М. Фрейденберг // Язык и литература. – Л. : Изд-во АН СССР, 1932. – Т. 3. – С. 229–244.
25. **Писаренко, Ю. Г.** Монах и сокровище (к социальной оценке “невидимого”) / Ю. Г. Писаренко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. – Гродна : ГДУ імя Янкі Купалы, 2014. – № 2 (174). – С. 93–98.
26. **Майков, Л. Н.** Великорусские заклинания / Л. Н. Майков // Записки Имп. Рус. Геогр. об-ва по отд. этнографии. – СПб. : Тип. Майкова, 1869. – Т. 2. – С. 419–580.

Поступила в редакцию 01.09.2014 г.

Контакты: e-mail: zigin@ukg.net (Писаренко Юрий Георгиевич)

Summary

Exchanges of gifts in traditional societies were modelled on the principle of primary generic connection between “the people” who shared “common vision.” Obviously, the subject-object unity of the “general vision” was just one of the original integrities, the presence of which M. Mauss and K. Levi-Strauss assumed in the mutual gift.

УДК 811.161.3'36

СТРУКТУРА ДЫЯЛАГІЧНЫХ АДЗІНСТВАЎ У ЛІТАРАТУРНА-МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ (на матэрыяле твораў У. Караткевіча)

В. М. Шаршнёва,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
загадчык кафедры беларускай і рускай моў
МДУ імя А. А. Куляшова, г. Магілёў, РБ

У артыкуле ідзе гаворка аб стылістычнай ролі дыялагічных адзінак і іх структурных элементаў у літаратурна-мастацкіх творах У. Караткевіча. У кампазіцыі многіх яго твораў дыялог займае значнае месца, бо з'яўляецца арганічным спосабам выражэння думкі аўтара, яго погляду на свет. Моўнае афармленне дыялога У. Караткевіча абумоўлена фарміраваннем яго індывідуальнага аўтарскага стылю. Кампанаванне структурных элементаў дыялагічнага адзінства вызначаецца асаблівасцямі мастацкага тэкстаўтварэння і індывідуальным для кожнага аўтара. Індывідуальнасць У. Караткевіча праяўляецца як пры арганізацыі асобных дыялагічных адзінстваў, так і ў спосабах сінтэзавання дыялагічных адзінстваў, што непасрэдна звязана з імпліцытнай семантыкай мастацкага тэксту.

Уводзіны

Дыялог з'яўляецца асноўнай формай рэалізацыі маўлення, што выклікае да яго пастаянную цікавасць навукоўцаў. Асаблівай увагі заслугоўвае структура дыялагічнага маўлення, яе асноўныя элементы. У агульным плане вывучэнне структурнай арганізацыі дыялогу накіравана на апісанне асобных адзінак камунікацыі, а таксама ўстанаўленне іх іерархіі. Лінгвісты вылучаюць разнастайныя структурныя тыпы дыялогу ў залежнасці ад лагічных суадносін рэплік, іх колькаснага складу, ступені паўнаты і завершанасці маўлення, магчымасцей размеркавання ў дыялогу роляў яго ўдзельнікаў і інш. Значна меншая ўвага ў навуковай літаратуры надаецца стылістычнай ролі дыялагічных адзінак і іх структурных элементаў у літаратурна-мастацкім тэксце.

У першую чаргу дыялог успрымаецца як “ланцуг рэплік” [1, с. 114], аб'яднанне якіх забяспечвае сэнсавую і граматычную звязнасць названай формы маўлення. Асобныя рэплікі дыялогу арганізуюцца ў залежнасці ад зместу папярэдніх або ад аўтарскіх каментарыяў і ўспрымаюцца толькі ў іх адзінстве. Так, паводле Т.Г. Вінакур, на моўны склад кожнага выказвання “ўзаемна ўплывае непасрэднае ўспрыняцце маўленчай дзейнасці суб'яднаў” [2, с. 119]. У сувязі з адзначаным, аналіз дыялогу з пункту погляду яго структуры дазваляе назваць рэпліку мінімальнай структурнай адзінкай. Аб'яднанне рэплік забяспечвае звязнасць дыялогу. У сваю чаргу поўная і закончаная інфармацыя вынікае з сукупнасці ўсіх элементаў дыялога, уключаючы невербальныя сродкі выказвання (жэсты, міміку, інтанацыю, паўзы). Асобныя рэплікі дыялогу могуць паўнацэнна ўспрымацца толькі ў сувязі з іншымі рэплікамі і з улікам сітуацыі, у якой адбываецца гаворка. Гэта адбываецца з прычыны таго, што на моўны склад кожнага наступнага выказвання ўплывае змест і афармленне папярэдняга, што сцвярджае сітуацыйнасць і адвольнасць кожнага дыялогу. У сваю чаргу ўспрыняцце дыяло-

гу як камунікацыйнай адзінкі, якая аб'ядноўвае ўзаеманакіраваныя рэплікі, накіроўвае на магчымасць вылучэння дыялагічнага адзінства [3, с. 280–281]. Асноўнымі параметрамі мастацкага адлюстравання дыялогу Г.Г. Хісамава называе спосабы прэзентацыі персанажаў; прэсупазіцыю і прадметна-падзейны фон зносін; уласна дыялог як камунікатыўную падзею і маўленчыя дзеянні персанажаў; невербальныя сродкі маўленчых зносін [4]. Уласна дыялог можа суправаджацца аўтарскімі каментарыямі, якія больш дакладна ўзнаўляюць сітуацыю маўлення.

Структура дыялога, ужытага ў літаратурна-мастацкім тэксце, у значнай ступені залежыць ад сітуацыі, тэмы, характару персанажаў, мэты зносін і інш., аднак у пешую чаргу на яе аказвае ўплыў мастацкае светаўспрыняцце пісьменніка, яго ўласная ацэнка апісваемых падзей. Інакш кажучы, структура мастацкага дыялога выступае паказчыкам індывідуальнага стылю пісьменніка. В.А. Лапцева звязвае спецыфіку адлюстравання камунікацыйнай сітуацыі ў мастацкім тэксце перш за ўсё з характарам адрасата (успрымальніка, чытача) і фактарам адрасанта (суб'ект маўлення, аўтар). У адрозненне ад натуральнага дыялога, які прадугледжвае наяўнасць таго, хто гаворыць, і таго, хто слухае, мастацкі дыялог аднакіраваны. Ён арыентаваны на чытача “па прычыне адсутнасці адрасата ў момант гутаркі” [5, с. 50], менавіта праз апрацаваны аўтарам дыялог чытач атрымлівае інфармацыю аб усіх неабходных кампанентах сітуацыі. Камунікатыўны падыход да тэксту дазваляе суаднесці сітуацыю, апісаную ў мастацкім творы, з рэальнымі падзеямі. Узнаўляючы пэўную маўленчую сітуацыю, пісьменнік можа па-рознаму падбіраць і кампанаваць яе элементы.

Асноўная частка

Аднакіраванасць мастацкага дыялогу ў значнай ступені абумоўлівае яго структуру. Прычым варта заўважыць, што вылучэнне структурных элементаў дыялогу залежыць ад таго, якая дыялагічная адзінка выбрана для аналізу: уласна дыялог ці простае або складанае дыялагічнае адзінства. Уласна дыялог уключае рэплікі персанажаў з аўтарскімі каментарыямі да іх. У мастацкіх творах У. Караткевіча аўтарскія каментарыі, па сутнасці, з'яўляюцца дадатковымі заўвагамі і дапамагаюць больш выразна акрэсліць сітуацыю, пры якой адбываюцца зносіны, настрой суб'еднікаў, іх стаўленне адзін да аднаго і да прадмета гаворкі, перадаць інтанацыю, тэмп і настрой маўлення. Напрыклад:

– *Дзень добры, бацька, – сказаў Андрэй, уваходзячы ў спальню.*

І ён таксама здаў. Сівыя валасы парадзелі. Сядзеў на ложку і неяк разгублена глядзеў на яго. Здавалася, вось-вось заплача: нервы пасля інфаркту зусім саслабелі.

– *Я прыехаў, – сказаў Андрэй.*

– *Сыноч... – толькі гэта і вымавіў бацька (“Нельга забыць”).*

Нешматслоўныя рэплікі прыведзенага дыялагічнага адзінства суправаджаюцца падрабязным аўтарскім каментарыем: для таго каб найбольш дакладна перадаць эпізод доўгачаканай сустрэчы, пацвердзіць наяўнасць візуальнага кантакту паміж персанажамі і максімальна запаволіць тэмп выказаных слоў, У. Караткевіч значнае месца адзводзіць дадатковым заўвагам. Паўзу паміж рэплікамі Андрэя запаўняе апісанне стану і настрою бацькі, што дапамагае чытачу найбольш поўна ўспрыняць апісаную сітуацыю. Дзеясловы маўлення (*сказаў, вымавіў*), выкарыстаныя ў аўтарскай мове, не маюць выразнай стылістычнай афарбоўкі і ўводзяцца аўтарам не столькі для таго, каб указаць на змену суб'едніка, колькі для таго, каб акцэнтаваць увагу на сказаным. Увогуле нешматслоўнасць

дапамагае стварэнню павышанай унутранай эмацыянальнасці, напружанасці персанажаў, выкліканай сустрэчай.

Наяўнасць слоў аўтара і самастойных аўтарскіх сказаў, якія апісваюць дыялагічную сітуацыю, неабавязковая. Часта пры перадачы гаворкі У. Караткевіч зусім адмаўляецца ад уласных заўваг або прыводзіць іх абмежавана, пацвярджэннем чаму можа стаць наступны фрагмент:

– Ма, – *спытаў ён* [Андрэй. – В. III], – *ці ведаеш ты такое прозвішча: Горава?*

– *А чаму ты так думаеш, што я ведаю?*

Маці чувала панчохі ў крэсле і не ўздымала вачэй на сына.

– *Нешта ж вельмі знаёмае. Здаецца, мяльком чуў ад цябе нешта такое.*

– *Чаго гэта табе ў галаву ўлезла?*

– *У нас адна Горава лекцыі чытае... Ірына Горава.*

Маці ўзняла на сына зацікаўленыя цёмныя вочы:

– *Магчыма...*

Адклала панчохі. Андрэй добра бачыў, што яна чымсьці заклапочана.

– *Добра, – сказала яна, – бадай, і праўда, што досыць абыходзіца намёкам... Я раней проста пабойвалася распавядаць табе пра гэта падрабязна. Ты і без гэтага марыш пра паветраныя замкі, а гэта ў тваім узросце не пасуе... Хадзі сюды (“Нельга забыць”).*

У. Караткевіч не каменціруе кожную рэпліку працытаванага ўрыўка. Паступова пісьменнік прыводзіць толькі неабходныя заўвагі адносна паводзін маці, што дапамагае не толькі апісаць умовы, у якіх адбывалася гутарка, але і падкрэсліць атмосферу загадкавасці, таямнічасці вакол прадмета гаворкі. Абмежаванасць слоў аўтара ўплывае на павышэнне тэмпу маўлення, дапамагае аўтару адлюстраваць камунікацыйную сітуацыю, найбольш блізкую да рэальнай, павышае магчымасць супрацоўніцтва з рэцыпіентам (дапушчальныя пры гаворцы жэсты, інтанацыю, міміку чытач уяўляе самастойна на аснове ўласнага вопыту). Дзеясловы маўлення (*спытаў, сказала*) пісьменнік выкарыстоўвае ў пачатку і ў канцы размовы, што, адпаведна, сігналізуе аб пачатку і завяршэнні дыялагічнага адзінства.

Тыповы дыялагічны фрагмент у празаічным тэксце арганізуюць тры часткі: 1) уводная (азнамяляльная), дзе прадстаўляюцца ўдзельнікі камунікацыйнай сітуацыі і ўмовы, пры якіх адбываецца дыялог; 2) уласна дыялог; 3) заключная, якая змяшчае ўказанне на завяршэнне камунікацыі. Такая структура збліжае дыялагічнае адзінства са складаным сінтаксічным цэлым, у структуры якога традыцыйна вылучаецца зачын, развіццё думкі, канцоўка [6]. Па сутнасці, дыялагічнае адзінства можна лічыць складаным сінтаксічным цэлым са спецыфічнай арганізацыяй. Як і ў выпадку са складаным сінтаксічным цэлым, кампанаванне структурных элементаў дыялагічнага адзінства індывідуальнае для кожнага аўтара. Прааналізуем наступны прыклад трохкампаментнага дыялагічнага адзінства:

Двух хлопцаў-разведчыкаў, якія пайшлі шукаць выйсця, схапілі і расстралялі ля сцяны фельдкамендатуры.

Стала ясна, што даросламу не пралезці праз шчыльнае кальцо.

І тады бацька прыйшоў да маці ў яе “медпункт” – дзве прасціны, нацягнутыя пад сасной, – загадаў прывесці Андрэя, доўга маўчаў, гледзячы на яго прасветленымі вачыма, а потым сказаў жонцы:

– *Ну вось, ты яго гераізму і самаахвярнасці вучыла... цяпер, хоць зарана, прыйшоў і яго час...*

Голас бацькі гучаў іранічна і злосна, але маці ўсё зразумела.

Страшэнна збялелая, яна глыгнула нешта і, гледзячы ўбок, сказала:

– Не прыкідвайся іранічным. Я ад сваіх слоў не адмаўляюся. Ён моцны і разумны... І ён мой сын.

Яна акінула позіркам ладную постаць Андрэя, глянула ў не па-дзіцячы сур'ёзныя вочы. Веі яе задрыжалі. Яна дадала:

– І ён будзе вельмі асцярожны (“Нельга забыць”).

Першыя тры абзацы прыведзенага адзінства з'яўляюцца яго ўступнай часткай, экспазіцыяй, у якой прадстаўлены ўдзельнікі сітуацыі (бацька, маці, Андрэй); падзеі, што сталі прычынай дыялогу паміж бацькам і маці Андрэя (адправіць шукаць выйсце з акружэння можна было толькі дзіця); месца дзеяння (“медпункт”). Уласна дыялог змяшчае рэплікі і аўтарскія рэмаркі, у склад якіх уваходзяць дзеясловы маўлення, якія сцвярджаюць устанаўленне маўленчага кантакту (*загадаў, сказаў, сказала, дадала*); словы, якія ўказваюць наяўнасць візуальнага кантакту (*гледзячы, акінула позіркам, глянула*); словы і спалучэнні слоў, якія паказваюць адносіны персанажаў да сітуацыі наогул і да сказанага суразмоўцам у прыватнасці (*гледзячы прасветленымі вачыма, іранічна і злосна, страшэнна збялела, не па-дзіцячы сур'ёзныя вочы*); невербальныя дзеянні (*глытнула нешта, веі задрыжалі*). Фінальная частка прадстаўлена апошняй рэплікай маці. Натуральна, што змест рэальна выказанага ў дадзенай сітуацыі значна больш шырокі, чым гэта адлюстравана ў дыялогу, пра што сведчаць дадатковыя аўтарскія заўвагі (*бацька загадаў прывесці Андрэя*). Як відаць, у адрозненне ад рэальнага дыялога У. Караткевіч дае магчымасць чытачу не толькі ўспрыняць маўленчыя паводзіны персанажаў, але і асэнсаваць важнасць кожнай канкрэтнай падзеі ў дачыненні да ўсяго твора.

Структурна ідэальнае дыялагічнае адзінства з ярка выражанымі, паслядоўна пададзенымі ўступнай часткай, уласна дыялогам і завяршэннем у творах У. Караткевіча сустракаецца не так ужо і часта і звычайна абумоўлена спецыфікай ідыястылю пісьменніка. Функцыянаванне ж структурна непаўнацэнных адзінстваў апраўдана імкненнем пісьменніка дасягнуць найбольшага ўздзеяння на чытача менавіта праз намёк, праз імпліцытнасць. Непасрэдна з дыялагічнай рэплікі пачынаецца, напрыклад, апавяданне У. Караткевіча “Паляшук”:

– Ты ведаеш, што ты падлягаеш расстрэлу? – спытаў стаяўшага перад ім чалавека капітан Румянцаў.

Той змаўчаў. Стаяў прама, неяк дзіўна выцягнуўшыся, і толькі вочы яго з затоеным сумам сачылі за пушчай, куды яму ўжо не было шляхоў.

Выкарыстанне ў экспазіцыі твора працытаванае дыялагічнае адзінства бясспрэчна валодае сінсемантычнасцю і праспекцыйнай накіраванасцю: хто гэты чалавек і чаму ён павінен быць расстраляны, чытач даведаецца з наступнага кантэксту. Аўтар знарок ігнаруе ўступную частку, што дапамагае яму выхапіць, “выразаць” з рэчаіснасці найбольш важныя падзеі і максімальна актывізаваць супрацоўніцтва з рэцыпіентам. Уласна дыялог прадстаўлены толькі адной пыталнай рэплікай, якая мае глыбокі падтэкст: па сутнасці, гэта не столькі спроба перадаць рэальную сітуацыю, колькі пытанне аўтара да ўспрымальніка тэксту: а ці ведае чытач, за што маглі караць смерцю людзей? Адсутнасць наступнай чаканай рэплікі кампенсуецца заўвагай пісьменніка адносна паводзін арыштаванага (*змаўчаў, стаяў прама, вочы з затоеным сумам сачылі за пушчай*). Як відаць, і ў завяршэнні адзінства паводзіны персанажа таксама характарызуюцца пры дапамозе слоў, расшыфроўка зместу якіх адбываецца толькі пры працытанні ўсяго твора.

Спецыфікай мастацкага адлюстравання рэчаіснасці абумоўлена выкарыстанне ў творах У. Караткевіча дыялагічных адзінстваў, якія не маюць завяршэння:

...Раніцай я пазваніў Хілінскаму і расказаў пра ўсё.

– Нікуды не выходзь, – устрывожыўся ён. – Ні аб чым не думай. Ні аб экспертызе, ні аб чым. І ўвогуле, збірай ты манаткі і едзь у свае Альшаны. За маю галаву, у выпадку чаго, не пакойся, знойдуць (“Чорны замак Альшанскі”).

Адсутнасць завяршальнай часткі можа быць выклікана пераключэннем з аднаго эпизода на другі (як у прыведзеным прыкладзе); рэтраспекцыйнай накіраванасцю (аўтар акцэнтует увагу на асобных, раней выказаных рэпліках); рэальным адмаўленнем суб'едніка ад выказвання сваіх думак. Такая арганізацыя дыялогу можа быць звязана з імпліцытнай семантыкай мастацкага тэксту, знарокавай недаказанасцю, разлічанай на актыўнае супрацоўніцтва чытача.

Схільнасць да дыялагічнага маўлення абумовіла ўжыванне дыялагічных адзінстваў без уступнай і завяршальнай частак:

– *І надоўга, таварыш Косміч?*

– *Ды не, дні на два, а там зноў...*

– *Усё шукаеце? – пытае ён.*

– *Шукаю.*

– *Бывае, што і знаходзіце?*

– *Бывае, што й знаходжу... Часцей за ўсё знаходжу... Тут лобам... трэба мур прабіваць. – Я цягну візіт да Адама як магу. – Дурная справа няхітрая.*

– *Угм. Тады ў гэтым горадзе тры чвэрці такіх, “няхітрых” (“Чорны замак Альшанскі”).*

Наяўнасць дыялагічных адзінстваў такога тыпу абумоўлена ў першую чаргу праспекцыйна-рэтраспекцыйнай накіраванасцю. Фрагменты такога тыпу найбольш выразна перадаюць дыялог, які мог мець месца ў рэальнасці, з максімальным захаваннем тэмпу гаворкі. Аўтарскае маўленне абмежавана, таму што пісьменнік арыентуе на самастойную ацэнку “пачутага”, чытач уяўляе магчымую інтанацыю, а таксама жэсты і міміку суразмоўцаў. Прычым чытацкія ўяўленні цесна звязаны з той інфармацыяй пра персанажаў, пра месца і час падзей, якой ён ужо валодае з папярэдняга кантэксту, а таксама з інфармацыяй, расшыфроўка якой адбудзецца ў наступным кантэксце (што шукае, знаходзіць і знойдзе персанаж твора).

Заклучэнне

Дыялагічнае маўленне займае ў творах У. Караткевіча значнае месца, што паказвае схільнасць аўтара да актыўнага супрацоўніцтва з чытачом. Пісьменнік, не навіязваючы сваю думку, нібы прапануе паслухаць гаворку персанажаў і на падставе пачутага зрабіць самастойныя высновы.

Структурна-стылістычны аналіз дыялагічных адзінстваў У. Караткевіча дазваляе сцвярджаць, што арганізацыя макратэксту залежыць не толькі ад інтралінгвістычных, але і ад экстралінгвістычных фактараў, і ў першую чаргу ад сітуацыйнай абумоўленасці выкладу, ад жанравай спецыфікі твора, ад арыентацыі на рэцыпіента. Індывідуальнасць пісьменніка праяўляецца і ў спосабах сінтэзавання дыялагічных адзінстваў, прынцыпы аб'яднання якіх бяспрэчна аказваюць уплыў на ўспрыманне тэксту. У мастацкіх творах У. Караткевіча дыялагічныя канструкцыі выступаюць ключавым элементам моўнай тканіны, эстэтычна апрацаванымі моўнымі формамі ў адпаведнасці з выражэннем аўтарскай задумкі ў галіне раскрыцця светапогляду, унутранага стану чалавека, прыгажосці прыроды, супярэчлівасці жыццёвых сітуацый і інш. Адсутнасць уступнай і завяршальнай частак дыялога непасрэдна звязана з імпліцытнай семантыкай мастацкага тэксту і накіравана на абуджэнне фантазіі рэцыпіента.

Своеасабліваць мастацкага тэксту У. Караткевіча заключаецца ў арыентацыі на маўленчыя паводзіны персанажа, прычым маўленчае ўзаемадзеянне дазваляе ўспрымаць літаратурнага героя як асобу ва ўсёй сукупнасці прапанаваных у тэксце характарыстык. Аўтар апісвае розныя ўзроўні арганізацыі моўнай асобы персанажа як суб'екта ўнутрытэкставай камунікацыі на аснове лексічнага саставу і структуры створаных гэтым персанажам выказванняў. Для У. Караткевіча ўласціва аб'яднанне аўтарскага і персанажнага планаў, што праяўляецца ў прадстаўленні дыялога ў аўтарскай мове, ў выкарыстанні дзеясловаў маўлення, у апісанні рэакцыі героя на выказаную рэпліку (змяненне інтанацыі і тэмпу маўлення, выкарыстанне невербальных сродкаў зносін і інш.).

Дыялог у мастацкіх творах У. Караткевіча адыгрывае важную кампазіцыйную ролю. Устаноўка на аб'ектыўнае адлюстраванне рэчаіснасці прыводзіць пісьменніка да таго, што ён выражае сябе праз дыялогі персанажаў, што ў значнай меры спрыяе аб'ектывацыі паведамлення: зводзіцца да мінімуму суб'ектыўнасць апавядальніка, дамінуе пункт погляду і слова героя. Дыялог у такім выпадку мае высокую ступень інфармацыйнасці: ён змяняе падзеі, разгортвае сюжэт, раскрывае ўзаемаадносіны персанажаў, вызначаючы лінію іх паводзін. Праверка характараў герояў ажыццяўляецца таксама праз дыялог, таму ў якасці асноўнай рысы стылістычнай індывідуальнасці У. Караткевіча варта адзначыць характаралагічную функцыю яго праявічых твораў. Поліфункцыянальнасць караткевічаўскіх дыялогаў вызначае іх тэкстаўтваральную функцыю: з іх дапамогай аўтар стварае інфармацыйна завершаны тэкст.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Щерба, Л. В.** Современный русский литературный язык [Текст] / Л. В. Щерба // Избр. работы по русскому языку. – М. : Просвещение, 1957. – С. 113–129.
2. **Винокур, Т. Г.** Диалог [Текст] / Т. Г. Винокур // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1998. – С. 119–120.
3. **Шведова, Н. Ю.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2003. – 377 с. (стереотипное издание)
4. **Хисамова, Г. Г.** Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина) : автореф. дис. ... докт. филолог. наук : 10.02.01 / Г. Г. Хисамова. – Уфа, 2009. – 45 с.
5. **Лаптева, О. А.** Русский разговорный синтаксис / О. А. Лаптева. – М. : Изд-во "Наука", 1976. – 398 с.
6. **Реферовская, Е. А.** Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Л. А. Реферовская. – Ленинград : Наука, 1989. – 167 с.

Паступіў у рэдакцыю 12.09.2014 г.

Кантакты: (+375 29) 742 02 43 (Шерстнева Ольга Николаевна)

Summary

The article highlights the stylistic role of dialogic units and their structural elements in the literary works of U. Karatkevich. In the composition of his works dialogue plays a significant role, since it is an organic way to express the author's thoughts and outlook. The linguistic design of U. Karatkevich's dialogue is determined by the formation of his individual author's style. Amalgamation of the structural elements of the dialogic unity is characterized by the peculiarities of artistic text formation and is individual for each author. The individuality of U. Karatkevich is displayed both in the organization of individual dialogic unities and in the ways of their synthesizing, which is directly related to the implicit semantics of a literary text.

УДК 811.161.1+07(054)

АВТОРИЗАЦИЯ КАК ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА

И. В. Гурин,

магистр филологических наук,

преподаватель МГПУ имени И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

Статья посвящена рассмотрению вопроса об участии авторизирующих конструкций в построении газетного текста и их взаимодействии в текстовом пространстве. Освещается вопрос о распространении авторизирующего значения отдельной конструкции на весь текст или его части в зависимости от позиции авторизирующей конструкции в газетном тексте.

Введение

Задача современной лингвистики, заключающаяся в исследовании языка в динамическом аспекте, продиктована потребностью углубления и конкретизации лингвистических представлений о принципах и закономерностях использования языка человеком. Одной из ключевых сфер современного речепользования, как отмечает Т.Г. Добросклонская, является сфера массовой коммуникации, качественно и количественно воздействующая на протекание языковых процессов [1].

Основой для описания состояния языка в сфере массовой коммуникации выступают медиатексты, разновидностью которых является газетный текст. Газетным текстом, вслед за В.Е. Чернявской, мы называем все тексты, помещенные на газетной полосе, независимо от их жанровой природы [2].

В ходе нашего исследования было установлено, что в современном газетном тексте широко представлены **авторизирующие конструкции**, основной функцией которых является указание на источник информации, лежащей в основе сообщения. Однако для них характерна еще одна особая функция – текстообразующая.

В данной статье мы ставим целью осветить вопрос об участии авторизирующих конструкций в процессе построения газетного текста на материале русскоязычных газетных текстов, извлеченных из таких изданий, как “Комсомольская правда в Белоруссии” (КП), “Аргументы и факты в Белоруссии” (АиФ), “Знамя юности” (ЗЮ), “Советская Белоруссия” (СБ), “Обозреватель”, “7 дней”.

Основная часть

Одним из свойств текста вообще, и газетного в частности, является его связность. Она формируется и реализуется при помощи различных средств, выполняющих текстообразующую функцию. Связность газетного текста обусловлена семантическими, логическими, грамматическими и прагматическими аспектами [3].

В ряду семантических текстообразующих связей для явления авторизации характерен **тематический повтор**, где слова в составе текста обнаруживают общность лексических значений, образуя внутритекстовую парадигму, которая связывает разные участки текста: *Ну а как с этой точки зрения обстоят дела в нашей стране? Разговор, в том числе и на данную тему, состоялся в минувший понедельник, когда Президент произвел кадровые назначения в руководстве*

Национального банка Беларуси. В частности, **глава государства обратил внимание** на необходимость усиления роли Нацбанка, прежде всего в отношении работы с коммерческими банками, присутствующими на территории Беларуси, особенно с участием иностранного капитала. И далее **Президент продолжил**: “Поэтому главный мой посыл для вас и для общества состоит в том, что вы должны контролировать деятельность банков второго уровня – коммерческие банки. Но, не мешая им работать и только в том плане, чтобы у нас не возникли чрезвычайные обстоятельства, как это произошло на Западе. Поэтому роль Национального банка, я на этом настаиваю, будет в нашей стране только усиливаться”. Сказано предельно ясно.

Затронул Президент и проблему кредитования экономики, а также роль в данном процессе Нацбанка. При этом **он подчеркнул**, что все кредитные ресурсы необходимо рассматривать как возвратные средства. Продолжая тему, **глава государства отметил**: “Надо сейчас посмотреть, когда уже стабилизация наступила, на экономику. Все больше и больше руководителей ставят вопросы по кредитам. Мы, конечно, покупаем у населения, у других очень дорогие деньги, депозиты под такой процент – это очень накладно для экономики. **Президент также особо подчеркнул**: “Надо поддержать экономику, особенно когда вокруг такая неспокойная ситуация, и в экономическом отношении мы имеем проблемы с основными нашими потребителями, куда мы осуществляем экспорт – Евросоюз и Россия. В данной связи **глава государства положительно оценил** действия Национального банка по удержанию в непростой ситуации в приемлемых параметрах курса национальной валюты. “Это для нас очень важно. Это важнейший вопрос, – **отметил белорусский лидер**. – И если у нас в стране будет финансовая стабильность, мы решим все вопросы, мы все задачи решим” (“Роль первого плана”, “7 дней” № 16 от 18 апреля 2013 года).

Данный отрывок приобретает смысловую целостность благодаря словам тематической группы **“лицо”** – Президент, белорусский лидер, глава государства, которые являются субъектами авторизации, и **“речь”** – обратил внимание, продолжил, затронул проблему, подчеркнул, отметил, оценил, выполняющих в предложениях роль авторизирующих предикатов.

Логико-смысловые средства связи включают понятие **“пресуппозиции”**. Данное понятие, введенное П. Стросоном, нашло широкое применение в лингвистике. Так, Ч. Филлмор под пресуппозициональным аспектом ситуации вербальной коммуникации подразумевает “те условия, которые должны быть удовлетворены, прежде чем употребляется предложение” [3, с. 120]. Пресуппозиции, определяющие смысл высказывания, в газетном тексте содержатся, как правило, в предшествующем контексте речи и выполняют в предложении роль авторизирующего субъекта. В качестве примера приведем фрагмент из статьи “Не только деньги”, опубликованной в АиФ № 17 от 24 апреля 2013 года: *Обстановка на улицах Венесуэлы, как отметила Ольга, была относительно спокойной, протесты и митинги оппозиции носили мирный характер и были направлены на привлечение внимания мировой общественности с целью непризнания результатов выборов.*

Ольга – имя человека конкретного, хотя не ясно, кто этот человек. Это становится понятным из предшествующего контекста: *За подробностями “АиФ” обратился к белоруске Ольге, которая работает в Венесуэле. Вот что она рассказала...*

К основным единицам высказывания, являющимся средствами контактной и дистантной связи предложений в тексте, использование которых в газетном тексте требует обязательного обращения к контексту, относятся:

- 1) цепочки, включающие имена собственные и повторные номинации;
- 2) дейктический повтор.

Первая группа связующих единиц проиллюстрирована выше при описании явления тематического повтора в газетном тексте. **Дейктический повтор** – универсальное средство связи, используемое в любом тексте. В газетном тексте это типичный случай редуцирующей номинации, в основе которого лежит указание на уже названное лицо при помощи местоимения: *Говоря о сегодняшних действиях КГБ и МВД, А. Лукашенко обратил внимание, что многие пытаются обвинить эти службы в том, что «они дезинформировали Президента, обманули его, и вообще они вредители и враги Президента».*

Он прокомментировал эти версии: “Я попрошу всех успокоиться и понять одну вещь: первым, кто защищает суверенитет и независимость страны и ту систему, которая функционирует, является президент” (*“Иного не дано”, СБ № 12 от 21 января 2011 года*).

Авторизующие конструкции обнаруживают себя и как грамматические единицы, принимающие участие в текстообразовании. В газетном тексте они представлены единством грамматических значений вида и времени, выражаемых глагольными формами в позиции авторизующих предикатов и синтаксическим параллелизмом.

Рассматривая грамматические категории вида и времени авторизующих предикатов, необходимо остановиться на понятии **“хронотоп”**, которым М.М. Бахтин определяет художественное пространство-время [4]. Хронотопы могут характеризовать как целые тексты, так и их отдельные отрезки. В нашем представлении данное понятие применительно и к газетному тексту.

Как правило, авторизующие предикаты, оформляя газетный текст, употребляются в форме совершенного вида прошедшего времени: *Об этом **сообщила** журналистам начальник управления потребительского рынка недовольственных товаров министерства торговли Нина Пашко. ... “Одежда и обувь потянули на 560 тыс. – 2 млн 100 тыс.”, – **рассказала** Нина Пашко. ... Как **заверила** начальник управления, из предложенного ассортимента школьной продукции сегодня каждый может выбрать необходимые товары по вкусу и кошелек. К тому же, **добавила** она, практически все торговые организации традиционно оказывают поддержку населению при подготовке детей к школе – это и всевозможные акции, и скидки, и предоставление кредита, и рассрочка платежа.... “Эта услуга в магазинах предоставляется повсеместно”, – **сказала** начальник управления, отметив, что данная возможность для покупателей доступна не только в сезон активной школьной торговли, но и в течение всего остального времени (“Дорогие наши дети”, АиФ № 34 от 22 августа 2012 года).*

А вот выборка авторизованных предложений из статьи “Зарплаты по стране...”, опубликованной в АиФ № 17 от 24 апреля 2013 года: *Так **объясняет** ситуацию директор консалтингового агентства “КИАТ” Игорь Кочетов. Однако, **отмечает** специалист, жить в Минске дорого. “В результате сложилась ситуация: специалист 1990-го года рождения – житель Минска, который занимается разработкой приложений для мобильных платформ, может обидеться, если ему предложат зарплату в 1000 долларов”, – **говорит** эксперт. “Кроме того, в дело вступает демографический фактор”, – **считает** Игорь Кочетов. Таких взглядов придерживается эксперт консалтинговой группы “Здесь и Сейчас” Ольга Надточаева. Разницу в доходах населения эксперт **объясняет** разным количеством и качеством вакансий и рабочих мест.*

Из приведенного примера видно, что все авторизирующие предикаты в данной публикации несовершенного вида настоящего времени. Понятно, что все, о чем повествует автор в своей статье, происходило до того, как она была создана, и логично употребление глаголов в прошедшем времени. Но многие авторы публикаций прибегают к подобному приему, тем самым стараясь приблизить читателя к описываемым событиям, сделать его их участником.

Наблюдается и смешение видовременных показателей авторизирующих предикатов в рамках одного текста, что связано с его логико-смысловой организацией. Примером может служить статья “Что произошло 7 сентября?”, опубликованная в КП № 195 от 13 октября 2011 года. В данной публикации автор разбирается в причинах катастрофы, в которой погибли все члены ярославского хоккейного клуба “Локомотив”. В первой части текста, где автор хочет сделать читателя участником следственного процесса, создать иллюзию, что это происходит здесь и сейчас, он использует глаголы несовершенного вида настоящего времени: *Следователи **отчитываются**: допрошены сотни свидетелей, технарей, потерпевших. ... Однако, как **сообщает** наш источник в СК, в товарищах согласья нет: следователи недовольны темпами работы МАКа. – Они слишком долго расшифровывают “черные ящики”, – **говорит** Владимир Герасимов, заслуженный летчик России, участвовавший в расследовании многих авиакатастроф.* Во второй части текста, где приведены показания свидетелей и уже известные факты по данному делу, авторизирующие предикаты употреблены в форме совершенного вида прошедшего времени: *Сизов **подтвердил** и предварительные выводы МАКа: самолет оторвался от земли, выкатившись на 400 метров за пределы взлетно-посадочной полосы. ... В прессе много **писали**, что командир экипажа Андрей Соломенцев и второй пилот Игорь Жевелов недолюбливали друг друга. ... – Моего Андрюшу и Игоря связывала большая мужская дружба! – **рассказала** Комсомолке Людмила Михайловна, мама Соломенцева.*

Описываемое нами явление М.Н. Перельгут определяет понятием “**фазовость**”, которое связано с временными показателями форм глагола и заключается в определенной последовательности частей текста при развертывании его содержания [5]. Исследователь соотносит его с категориями **проспекции** и **ретроспекции**, которые дают читателю возможность яснее представить связь и обусловленность событий. Приведенный выше пример демонстрирует построение текста на ретроспективной фазовости – разворачивание последовательности событий от более близких к настоящему моменту к более ранним.

Обращаясь к **синтаксическому параллелизму**, необходимо отметить, что данная категория предполагает не только структурное подобие предложений, но и повтор грамматической семантики конструкций. Несомненно, в рамках целой газетной статьи встречается параллельное построение предложений с маркерами авторизации: *Мы обратились к научным исследованиям. **И обнаружили**: мужчины, ради которых мы корчимся на тренажерах и жуем диетические опилки, довольно смутно представляют, какие женщины – худенькие или толстенькие – им нравятся... Наблюдения Маленкова подтверждает исследование американских психологов из Техасского университета. Они изучили 345 тысяч шедевров британской, американской, индийской и китайской литературы. **И выяснили**: последние два тысячелетия поэтов и писателей вдохновляет в основном пропорция – тонкая талия и широкие бедра, то есть знаменитые песочные часы. ... **Ученые под руководством доктора Вирен Свами из Университета Вестминстера в Лондоне доказали**: мужчины, переживающие стресс, на Андже-*

лину Джолі даже не посмотрят. ... На этих данных **ученые решили**: обладательницы узких бедер, судя по их лицам, показались мужчинам более здоровыми и способными родить потомство (“О ком говорят мужчины?”, КП № 82 от 2 мая 2013 года).

Однако в этой же статье встречаются и вводные авторизирующие конструкции: **Как признался** автору этих строк в недавнем интервью **автор популярного журнала для мужчин МАХІМ Александр Маленков**, вкусы сильной половины мало меняются; и безличное в составе сложного предложения с придаточной изъяснительной частью: **Считается**, что в периоды экономического расцвета мужчины вопреки поговорке склонны бросаться на кости. Но все приведенные примеры говорят лишь о том, что в газетном тексте повтор грамматической семантики предложений, а в нашем случае это грамматическая категория авторизации, является текстообразующим элементом газетного текста.

Обращаясь к вопросу о взаимодействиях авторизирующих конструкций в пространстве текста и распространения их авторизирующего значения на его различные участки, необходимо отметить, что композиционное построение газетного сообщения, как правило, подчинено следующей схеме: *заголовок – подзаголовок – лид – текст*. Заголовочный комплекс, состоящий из заголовка, подзаголовка и лида, характеризуется некоторой независимостью, но одновременно тесно связан со всем текстом. Он имеет откровенно воздействующее влияние на читателя. Его задача – увлечь читателя, удержать его внимание, заставить прочитать текст до конца. Этому способствует введение в данные композиционные части текста указания на источник информации, то есть субъект авторизации.

Заголовок – первое, что привлекает внимание при взгляде на газетную полосу. Это, пожалуй, самый “коммерческий” элемент информационного продукта, поэтому чаще всего информация о собеседнике, то есть указание на субъект авторизации содержится именно здесь: «**Александр Ефремов**: “Когда не было кино, меня спас театр»» (АиФ № 18 от 4 мая 2011 года).

Реже субъект-авторизатор упоминается в подзаголовке и лиде: “**Мужчина должен работать!**” **Михаил Пореченков** – о мужских забавах и подвигах» (АиФ № 13 от 30 марта 2011 года); **27-летний Данила Козловский** – сейчас один из самых популярных актеров России. Красивый, талантливый, успешный, после главных ролей в фильмах “*Легенда № 17*”, “*ДухLess*”, “*Garpastum*” его полюбили, кажется, все. Но о звезде по-прежнему мало что известно – артист не говорит о личной жизни. После выхода Данилы в свет с Юлией Снегирь поползли слухи, что пара собирается пожениться. Но оказалось, Козловский до сих пор женат на 33-летней актрисе петербургского Малого драматического театра Уршуде Магдалене Малке. Его супруга никогда не давала интервью, но с нами поделилась сокровенным (“Жена Данилы Козловского: Три года назад расстались, а развестись не можем”, КП № 82 от 2 мая 2013 года).

Вводя авторизирующую конструкцию в заголовочный комплекс, автор тем самым расширяет радиус ее действия на весь текст. Под **радиусом действия авторизации** С.В. Гричин понимает “объем распространения авторизирующего значения авторизационной конструкции” [6, с. 7].

Первый, минимальный радиус действия авторизационной конструкции – уровень высказывания, равный синтаксическому предложению. Следующий уровень – несколько высказываний или часть текста, до появления в тексте следующей авторизирующей конструкции, что определяется понятием “**авторизационный ключ**”. В качестве примера приведем отрывок из статьи “Прививка от вируса”,

опубликованной в ЛиФ № 17 от 24 апреля 2013 года: *В июне 2010 года белорусские разработчики компании антивирусного программного обеспечения “Вирус-БлокАда” нашли вредоносную программу, созданную для промышленного саботажа. Неизвестный ранее вирус Stuxnet атаковал оборудование, которым управлялись иранские ядерные центрифуги. В результате расследования вирус был найден на нескольких десятках тысяч компьютеров. Из-за него, как считают многие, был даже отложен запуск иранской атомной электростанции.*

По оценкам мировых экспертов, данный вирус был первой вредоносной программой, созданной для срыва работы реальных объектов инфраструктуры: электростанций, водоочистных сооружений, промышленных предприятий и др.

Как рассказал “ЛиФ” Геннадий Резников, заместитель директора ОДО “ВирусБлокАда”, у компании-партнера в Иране используется белорусское антивирусное программное обеспечение.

В рассматриваемом отрезке авторизирующая конструкция **как считают многие** оказывается первой в ряду других конструкций со схожей семантикой (**считают, по оценкам**). Коммуникативно-функциональное взаимодействие авторизирующих смыслов в данном отрывке заключается в отражении авторизирующими конструкциями содержательных элементов текста. В приведенном примере наблюдается «возвратно-поступательное» движение от общего субъекта-авторизатора к частному: *квантор – обобщенная группа лиц – персонифицированный источник.*

На материале целой газетной статьи вслед за С.В. Гричиным мы будем говорить не о радиусе действия одной авторизационной конструкции, а о взаимодействии и взаимообусловленности этих конструкций в тексте. Докажем это на примере статьи “Обсуждение строительства АЭС в Островце: честный разговор с литовцами”, опубликованной в ЗЮ № 14655 от 23 августа 2013 года:

Одной из самых обсуждаемых стала тема выбора площадки для строительства. Литовцы обеспокоены – ведь расстояние от будущей АЭС до Вильнюса всего 53 километра, а до границы и вовсе 25. Директор РУП “Белнипиэнергопром” Андрей Рыков напомнил, что вначале специалисты рассматривали 74 предполагаемые площадки. После проведения всевозможных экспертиз оказалось, что только Островецкая не имеет ни запрещающих, ни ограничивающих факторов для строительства АЭС. Вместе с тем Андрей Рыков подчеркнул, что комиссия из МАГАТЭ, которая приезжала в Беларусь, полностью согласилась с выбором наших специалистов.

Скептиков, которые все еще сомневаются в необходимости строительства в нашей стране атомной станции, попытался переубедить заместитель министра энергетики Михаил Михадюк. По его словам, без АЭС Беларуси дальше не жить и не развиваться.

– Мы должны уйти от газовой зависимости и диверсифицировать свой топливный баланс. В настоящее время 25 процентов топливного баланса Беларуси – это торф, щепа, возобновляемые источники энергии. У нас активно развивается гидроэнергетика, также строятся ветроэнергетические станции. Но без атомной энергетики Беларуси не жить, – отметил Михаил Михадюк.

Во время обсуждения белорусскими властями было отмечено, что вопрос о строительстве дополнительных реакторов в Островце либо о возведении второй атомной станции в Беларуси может быть рассмотрен только при наличии надежного инвестора для осуществления проекта и при условии достаточного рынка сбыта электроэнергии.

– Если найдется надежный инвестор, который готов построить в Беларуси еще одну атомную станцию, то мы готовы рассмотреть эти предложения, – **подчеркнул Михаил Михадюк**, отметив при этом, что на сегодня подобных предложений не поступало.

Более трех часов продолжались общественные обсуждения. Говорили о том, что уже сделано и что еще предстоит построить и организовать, о будущей выгоде и режиме работы АЭС. Кстати, отработанное топливо с белорусской атомной электростанции будут вывозить в Россию. **Главный инженер Дирекции строительства атомной электростанции Анатолий Бондарь заявил**, что соответствующие договоренности с российской стороной уже заключены.

– Что касается радиоактивных отходов, то они будут храниться на территории станции в специальном корпусе. Проектом просчитано хранение радиоактивных отходов в течение 10 лет и даже более, – **сказал Анатолий Бондарь и отметил**, что это утильсырье абсолютно безопасно для окружающей среды.

Прежде чем мы обратимся к анализу данного текста, необходимо отметить, что основная часть любого газетного текста подвержена членению на абзацы. Абзац традиционно рассматривается как композиционно-стилистическая единица текста. По мнению многих исследователей, абзац со стороны смыслового содержания подаваемой информации представляет собой ядро текста. Графическое выделение абзаца обращает внимание читателя на важность содержащейся в данном текстовом фрагменте информации. Объем абзаца может быть самым различным: от одного до нескольких предложений.

Как утверждает Т.В. Поздеева, предложения, составляющие тот или иной абзац, представляют собой единое смысловое целое, т. е. смысловой центр с определенной тематикой информации, создающий у реципиента ту концептуальную картину всей информации, которая должна возникнуть в его мышлении при соприкосновении со всем текстовым материалом статьи [7]. Иными словами, каждый абзац – это последовательность предложений, связанных между собой в единое смысловое целое рядом языковых явлений морфологического, лексического, синтаксического уровня и самого различного типа (контактных, дистантных). Как отмечает Л.М. Лосева, в любом информационном сообщении “невозможно найти ни одного предложения, которое не было бы связано с тем или иным предложением контактной или дистантной связью” [8, с. 58]. Это единство, обеспечивающее наличие внутренних связей между составляющими текст синтаксическими единицами высшего порядка, в своем исследовании Т.В. Поздеева определяет как структурно-семантическую организацию (ССО) текстового материала, которая делает текстовый вариант газетной информации сообщением, характеризующимся смысловой и структурной завершенностью. И именно ССО исследователь называет первым фактором плана авторизации газетного текста, суть которой заключается в своеобразном смысловом подчеркивании информативных данных текста, и выражающееся в разделении текстового поля на абзацы, что позволяет автору материала разделить материал на определенные смысловые части, каждая из которых является своеобразным носителем основной информации.

Обращаясь к анализу приведенного выше текста, мы находим, что каждый абзац, да и весь текст оформлен **авторизационной рамкой** (обрамление отрезка текста с обеих сторон авторизующими конструкциями со схожей семантикой). Используя данную авторизационную рамку, автор статьи реализует замысел своего произведения – продемонстрировать мнения нескольких официальных лиц по

данной проблеме, тем самым придавая ей завершенность. В данном тексте авторизирующие конструкции взаимодействуют ступенчато, т. е. каждый абзац начинается с конструкции с близкой семантикой – выражение мнения определенного лица, которые являются скрепляющими элементами в пространстве текста и служат развитию основной идеи всей газетной статьи.

Кроме того, все предложения приведенного текста связаны по смыслу общностью предмета изложения (тема выбора площадки для строительства АЭС). Данный текст включает в себя четыре абзаца, каждый из которых, расширяя и дополняя уже имеющуюся информацию, в смысловом отношении тематически объединен с предыдущим, хотя и раскрывает свою более узкую микротему.

Самым важным в смысловом отношении представляется первое предложение первого абзаца. Оно не только является зачином всей фактуальной информации статьи, но и является носителем основного информационного материала, номинируя тему сообщения и предмет изложения. Это не случайно, так как исследователями давно замечено, что текст новостных заметок имеет специфическую структуру. Для них характерно особое расположение частей высказывания, когда наиболее значимая с точки зрения говорящего информация выносится на первое место. Считается, что они построены в виде “перевернутой пирамиды” – описание событий идет от конца к началу в ретроспективе.

Все авторизирующие субъекты данного текста выражены именами собственными, что служит образованию внутренней парадигмы текста, связывающей абзацы текста. Кроме того, все абзацы связаны между собой посредством единства формы авторизирующих предикатов, которые в данном тексте употреблены в прошедшем времени, являясь глаголами совершенного вида и передают определенную последовательность действий (*напомнил, подчеркнул, попытался переубедить, отметил, заявил, сказал*).

Заключение

Таким образом, рассмотрев авторизирующие конструкции с точки зрения их позиции в тексте и тех функций, которые они выполняют, мы установили, что помимо основной функции – указания на субъект восприятия, констатации, оценки, комментирования, источник информации, для авторизационных конструкций характерна особая функция – текстостроительная. Реализуется эта функция в общности лексических значений субъектов и предикатов, формирующих авторизирующие конструкции текста, явлений пресупозиции и дейктического повтора. На грамматическом уровне авторизирующие конструкции выполняют в газетном тексте связующую роль посредством единства грамматических значений вида и времени авторизирующих предикатов и структурного подобия авторизирующих конструкций.

Радиус распространения авторизирующего значения отдельной конструкции может варьироваться от уровня высказывания до целого текста в зависимости от позиции авторизирующей конструкции в тексте. Взаимодействуя в пространстве текста, авторизирующие конструкции скрепляют его и способствуют развитию основной идеи всей газетной статьи.

Применительно к тексту мы говорим о радиусе распространения авторизирующего значения авторизационной конструкции. Он может варьироваться от уровня высказывания до целого текста в зависимости от позиции авторизирующей конструкции в тексте. Нами отмечено, что авторизирующие конструкции взаимодействуют в пространстве текста, скрепляя его и способствуя развитию основной идеи всей газетной статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Добросклонская, Т. Г.** Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: (современная английская медиаречь) : учебное пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 263 с.
2. **Чернявская, В. Е.** Интертекстуальное взаимодействие базисного и производного текстов в научно-критическом тексте: (На материале соврем, немецкоязыч. науч. рецензий) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / В. Е. Чернявская ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1995. – 27 с.
3. **Fillmore, C.** Types of lexical information. In „Studies in syntax and semantics”. – Dordrecht, 1969.
4. **Бахтин, М. М.** Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худ. лит., 1975. – 502 с.
5. **Перельгут, Н. М.** О фазовой структуре текста новостной заметки / Н. М. Перельгут // Вестник НГГУ. – 2008. – № 4. – С. 29–37.
6. **Гричин, С. В.** Текстостроительная функция авторизации / С. В. Гричин // Вестник Томского гос. ун-та. Серия, Филология. Лингвистика. – 2010. – № 4(12). – С. 5–14.
7. **Поздеева, Т. В.** План авторизации политического газетного текста в аспекте механизма смысловой организации текстового материала / Т. В. Поздеева // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 2, Филология и искусствоведение. – 2011. – № 3. – С. 169–173.
8. **Лосева, Л. М.** Как строится текст / Л. М. Лосева. – М. : Просвещение, 1980. – 59 с.

Поступила в редакцию 12.07.2014 г.

Контакты: (+375 29) 238-79-13 (Гурин Ирина Владимировна)

Summary

The article raises the issue of authorization constructions applied in the formation of a newspaper text and their interaction in the text space. The author addresses the question of the distribution of authorization meaning in the whole or a part of the text in accordance with its position.

УДК 811.161.1

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНЦЕПТЫ: ДЕФИНИЦИИ, БАЗОВЫЕ ПРИЗНАКИ, МЕТОДИКИ ОПИСАНИЯ

А. А. Буевич,

аспирант кафедры общего и русского языкознания,
ВГУ имени П. М. Машерова, г. Витебск, РБ

Статья посвящена вопросам, связанным с уточнением дефиниций религиозного концепта, определением его базовых признаков и методики описания. Актуальность статьи обусловлена интересом современного языкознания к проблеме отражения в языке особенностей национальной культуры, а следовательно и религии того или иного этноса, поскольку религия – это область повышенного внимания к слову и именно в религии коренятся все начала человеческой культуры. Автор делает попытку определить методику описания религиозных концептов, которая предусматривает совмещение элементов традиционного концептуального анализа и теоконцептологического анализа, предложенного В. И. Поставаловой.

Введение

В современном языкознании особенности развития национальных культур связываются с особенностями языка и религии того или иного этноса. Конкретизируя роль религии в жизни общества, исследователи подчеркивают, что все начала человеческой культуры коренятся именно в религии и в языке, что религия – это область повышенного внимания к слову и поэтому в истории религий вопросы языка часто приобретали жизненную важность [1, с. 4–5]. Язык и религия – основные характеристики этноса, определяющие культурно-психологическое своеобразие народа – его менталитет; это две формы отображения мира в сознании людей, две стихии в душе человека, два самых глубоких взаимосвязанных начала в человеческой культуре; именно в них вырабатываются “заветные смыслы” – высшие жизненные ценности, сосредоточенные в вере – оказываются неотделимыми от своей исходной вербальной формы.

В языке находят отражение религиозные представления, догматы и нормы, формирующие религиозную картину мира, которая «содержит представления о сверхъестественном, веру в реальность Бога как Творца мира и человека, сотворившего мир ex nihilo из “ничего”» (2 Мак 7. 28). В религиозной картине мира сущность культуры определяется Духом, воспринятым от Бога и наличествующим в человеке, а духовность здесь не есть нечто абстрактное, но внутренняя потребность человека, высшая ценность человеческого бытия.

В последнее время религиозная культура находится в центре многочисленных лингвистических исследований. Активно разрабатываются термины для обозначения составляющих языка религии: *микро-* и *микрokonцепт религиозного дискурса* (У.С. Баймуратова), термин *конфессионального характера* (Р.И. Горюшина), *религионим* (Ю.Н. Михайлова), *православный религионим* (А.М. Четырина) и др. В научных трудах используются достаточно устоявшиеся наименования *мифонимы/мифологизмы, теонимы и библеизмы*.

Появился ряд исследований, посвященных изучению отражения *религиозных представлений в языке* (Би Цзиньэ, И.В. Бугаева, Е.М. Верещагин,

Л.Л. Григорьева, Е.В. Каминская, Т.Ю. Передриенко, Н.И. Толстой и др.), *религиозному языку* (И.В. Бугаева, С.В. Булавина, С.Ю. Дубровина, Ю.Н. Михайлова, М.В. Слаутина, О.А. Прохвятилова и др.), анализу *религиозной лексики* (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Горюшина, Е.В. Захарова, Т.А. Иванова, И.А. Королева и др.), *библейзмам* (Е.И. Болигер, Е.В. Логунова, С. Оноприенко, Г.В. Романова, Е.С. Семенова и др.), *религиозному дискурсу* (У.С. Баймуратова, Е.В. Бобырева, И.М. Пиевская, Е.В. Сергеева и др.), *жанрам религиозного языка* (молитва, проповедь, исповедь, послание акафист, житие, обмирание) (М. Войтак, Н.Ю. Ивойлова, Т.В. Ицкович, К.А. Кузьмина, В.А. Маслова, О.А. Масурова и др.).

Несмотря на многообразие лингвистических работ, посвященных изучению взаимодействия языка и религии, в данной области много “белых пятен”, что объясняется обширностью поля исследования. Отдельного внимания заслуживает изучение религиозных концептов, представляющих собой наиболее глубокую, сокровенную и трудно уловимую часть мира духовного кода культуры.

Основная часть

Употребляя термин “концепт”, мы говорим о том, что он существует в той или иной языковой картине мира. Следовательно, религиозный концепт представляет собой базовую единицу религиозной картины мира того или иного народа, важнейшим элементом которой является убеждение в способности человека к духовному единению с Богом посредством веры. При этом вера подразумевает не просто убеждение в существовании Бога, но особый характер всей жизни верующего, соответствующий догматам и заповедям данной религии. Говоря о русском религиозном самосознании необходимо отметить, что его формирование во многом происходило под влиянием православия как “духотворческой и культуротворческой силы” [2, с. 11–13], исходным постулатом которого является утверждение Бога как Творца мира и человека. Вершиной этого творения является человек, призванный, по христианско-православному вероучению, стать богом после Бога по благодати.

В христианской картине мира нормы поведения человека закладываются и регулируются десятью заповедями Закона Божия: “Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бозии инии, разве Мене”, “Не сотвори себе кумира...”, “Не приемли имене Господа Бога твоего всуе”, “Помни день субботный...”, “Чти отца твоего и мать твою...”, “Не убий”, “Не прелюбы сотвори”, “Не укради” и др. [3, с. 51].

Кроме данных запретительных заповедей существуют девять поучительных заповедей блаженства, диктующих человеку то, что он может совершать, чтобы достигнуть Царства Небесного, то есть блаженной жизни: “Блажени нищий духом: яко тх есть Царство Небесное”; б) “Блажени плачущий, яко таи утешатся”; в) “Блажени кротцыи: яко той наследят землю”; г) “Блажени алчущий и жаждущий правды, яко тии насытятся”; д) “Блажени милостивии, яко тии помиловани будут”; е) “Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят”; ж) “Блажени миротворцы: яко тии сынове Божий нарекутся”; з) “Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царство Небесное”; и) “Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на Небесех!” [3, с. 49–50].

Как отмечает И.В. Бугаева, все основные догматы христианского вероучения находят свое отражение не только в сознании верующих, но и в их речевой практике: “Человек рассматривается как носитель определенной национальной и религиозной ментальности, участвующий в совместной речевой деятельности

с другими членами многонационального и поликонфессионального общества» [4, с. 15]. Так, например, догмат о Боге как Творце и Промыслителе мира выражается в речевой практике в ряде русских пословиц и поговорок: *Сильна божья рука. Божья рука – владыка. Даст бог день, даст бог и пищу. Бог полюбит, так не погубит. Человек ходит, бог водит. Власть господня. Воля божья. Святая воля его. Бог по силе крест налагает. Бог виноватого найдет. Господня воля – наша доля. Бог всякую неправду същует. Под богом ходишь, и власть его (или: божья и власть). Бог по ны, никто же на ны. Бог по нас, никто же на нас. Никто не может, так бог поможет. Человек предполагает, а бог располагает (перевод) и др.* [5, с. 24–28].

Учение о Пресвятой Троице (Бог един по Существованию и троичен в Лицах) является важнейшим из всех христианских догматов и составляет содержание всех символов веры, какие употреблялись и употребляются в Православной Церкви. В русском языковом сознании вера в силу троичности запечатлена в следующих народных пословицах: *Бог любит троицу. Святой счет, что троица. Без троицы дом не строится* [5, с. 460].

Догмат о грехопадении и об Искуплении человечества от греха находит отражение в следующих пословицах: *Нет такого человека, чтоб век без греха прожил. Грехи тяжки. Тяжело грехи носить. Смерть по грехам страшна. Не бойся смерти, бойся грехов! Большой грех прощается скорее малого, потому что человек покается. Кто покается, тот греха удаляется. В чем грех, в том и покаяние (или: спасение) и др.*

В нашей работе мы также подчеркиваем то, что все религиозные представления, догматы, мировоззренческие идеалы и духовные сущности транслируются посредством языковых знаков, которые в свою очередь воплощаются в **религиозных концептах**.

В настоящее время в русском языкознании достаточно полно исследованы такие религиозные концепты как: “Бог”, “душа”, “вера”, “грех”, “судьба”, “ангел”, “любовь” и др. Результаты исследований представлены в диссертационных работах: “Ключевое слово «Бог» в семантике русских пословиц и поговорок” (А.К. Погребняк, 2010), “Содержание концептов Бог и Судьба в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем” (О.Ю. Печенкина, 2001), “Концепт «ангел» и его реализация в тексте” (И.П. Черкасова, 2005), “Лексико-семантические и православно-культурные параметры концепта «грех» в русском языке” (М.Н. Бушакова, 2010), “Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе” (Е.Б. Казнина, 2004), “Этнолингвокультурный концепт «душа» в английской, русской и эрзянской языковых картинах мира” (Л.В. Варданян, 2007) и др.

Хотя исследователи и рассматривают религиозный концепт как принадлежность религиозного сознания, как единицу религиозной картины мира, в своих работах они не дают четкого определения этому понятию. Именно поэтому мы считаем важным обозначить, что представляет собой религиозный концепт, выявить его особенности и определить методику его описания. В научной литературе встречается множество дефиниций концепта, однако мы обратили внимание только на те, которые согласуются с нашим пониманием религиозного концепта.

О важнейшей особенности концепта говорит С.Г. Воркачев, определяющий его как операциональную единицу мысли, отправляющую индивида к высшим духовным сущностям [6, с. 51–52]. Сказанное С.Г. Воркачевым, по нашему мнению, вполне соотносится с онтологическим взглядом на природу концепта,

представленным в работах Ю.С. Степанова, В.И. Постоваловой, В.А. Степаненко и др. Так, например, по Степанову, концепты, несущие в себе “нечто глубинное”, имеют онтологическую природу.

В.И. Постовалова представляет религиозный концепт как многомерный, многоуровневый мистико-семиотический и аксиологический феномен [7].

В.А. Степаненко определяет концепт как “«медиум» раскрытия бытия” и “инвариант Идеи” [8, с. 202]. Исследовательница утверждает, что для онтологического понимания концепта “важны не только теоретическое и обыденное знание, но и знание мистическое” [8, с. 192]. И дает такую характеристику концепта: “Концепт как выражение Духовного Смысла имеет не только космическую, имманентную природу, но сверхприродную, божественную. Путь от Слова к слову через различные пласты бытия – это своеобразная “модель” откровения Истины. Концепт – своеобразная форма общения между Богом и человеком: оно идет концентрическими кругами, от одного уровня смысла к более высоким уровням, от сущности к сущности” [8, с. 192].

Такой онтологический взгляд на концепт вполне совпадает с нашим представлением о содержании **религиозного концепта** и позволяет нам сформулировать его основополагающий признак – *сакральность*.

Традиционно категория “сакральное” связывается с понятием “священное”, “религиозное”, “культовое” (лат. *sacer, sacri*) – священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу [9, с. 573]. При таком подходе все сакральное, в том числе и слово, считается “важнейшей составляющей почти любой религии или мистического учения” [10, с. 33–74]. Исследователями сакрального особо отмечается, что сакральное слово используется в сакральной коммуникации, сакральном дискурсе (В.И. Карасик, Н.Г. Михновец). Этот смысл вкладывается в понятие “сакральное” при исследовании проблемы “язык и религия” (Н.Б. Мечковская). Сакральный компонент характеризуется целым спектром содержательных характеристик: “священный”, “обрядовый”, “ритуальный”, “таинственный”, “сверхъестественный”. Сакральное находится под защитой табу, что свидетельствует об особом его бытии и о такой присущей ему черте, как таинственность.

Категория “сакральное” непосредственно связана с понятием “ценность”: сакральное лежит в основе иерархии ценностей личности, определяет весь спектр связей человека с реальностью, то есть является высшей ценностью и ориентиром для осмысления большого спектра проблем.

И.А. Стернин и Ю.Е. Прохоров считают, что к основным ценностям русского этноса могут быть отнесены, к примеру, такие, как соборность, или общинность бытия, историческая терпеливость и оптимизм, доброта и всепрощение, скромность, бескорыстие, второстепенность материального, гостеприимство, любовь к большому пространству и дикой природе и др.

Как отмечается большинством ученых, занимающихся исследованием особенностей русской ментальности, культуры и религии, одной из ключевых и системообразующих русских идей, придающей ей черты уникальной интеллектуальной и духовной традиции, является идея спасения, поэтому, по мысли П.А. Флоренского, всякий вопрос необходимо рассматривать под углом зрения данной этой категории, то есть “всякое положение надо взвесить в порядке сотериологическом”¹.

¹ Сотериология в христианско-православном вероучении – учение о спасении.

В русском религиозном сознании идея спасения отождествляется с образом Христа-Спасителя. Сокращенная форма от Спасителя – Спас, вошла в названия русских православных праздников, икон и храмов. Испокон веков в России в августе христиане отмечают три праздника, которые в народе называют Спасами – медовый (Первый Спас), яблочный (Второй Спас) и ореховый или хлебный (Третий Спас). Все эти праздники связаны с теми или иными эпизодами из жизни Христа-Спасителя: *Происхождение Честных древ Животворящего Креста Господня и Празднество Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице, в народе называемый “Медовый Спас”*; *Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, двенадесятый праздник, в народе именуемый “Яблочный Спас”*; *Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа, называемый “Ореховый Спас”* [11].

В народном творчестве названия этих праздников вошли в состав некоторых пословиц, поговорок и примет: *Пришел спас – держи рукавички про запас*; *Пришел спас – всему час: плоды зреют*; *Второй спас всему час – шубу припас*; *Третий спас хлеба припас*; *Коль хорош Третий спас, будет зимой квас*; *Ласточки отлетают в три раза, в три спаса*.

В русской иконографии иконы Спасителя занимают главное место. Они могут быть различны по своему иконографическому типу, в каждой из них раскрывается определенный аспект исповедания, особый догматический и богословский смысл образа Спасителя: Спас Нерукотворный, Спас Вседержитель (Пантократор), Спас на Престоле (Спас Златая риза), Спас Эммануил, Спас Благое Молчание, Спас в Силах.

Кроме того, в образе Спасителя русский народ всегда видел страдающего и кроткого Бога: “русский народ в своей религиозности живет со Христом страдающим... Это – русский Христос, такой близкий к скудному русскому пейзажу, неприглядным, серым деревням... Это Христос – друг грешников, убогих, немощных, нищих духом” [12]. Отсюда становится понятным практически неизвестное в других странах почитание русскими юродивых и страстотерпцев, в которых воплощается русская категория страдания по образу Христа, ведущего к спасению.

На основании сказанного выше, мы склонны считать, что присутствие сакрального и ценностного компонентов в структуре религиозного концепта придает ему уникальность по сравнению с другими концептами.

Таким образом, можно вывести определение религиозного концепта, который, по нашему мнению, являясь фундаментальной единицей религиозной картины мира, представляет собой многомерное, мистико-семиотическое, лингвоментальное образование, направленное на постижение религиозных смыслов, коннотаций, символов, образов, возникающих в результате интерпретации религиозных текстов. Религиозный концепт обладает сакральным содержанием и отражает ценностные характеристики знаний о соответствующем фрагменте мира. Будучи «сгустком смысла», он становится своего рода моделью общения Бога и человека.

Кроме того, исследователи отмечают, что религиозные концепты отражают особенности религиозного восприятия индивидом окружающего мира, и каждый верующий человек, сознание которого формируется в контексте религиозного учения, имеет определенный набор концептов, характерных для его религии, наполнение которых при этом будет существенно различаться в силу глубины веры и понимания сакральных истин [13, с. 24].

Религиозные концепты возможно классифицировать. Е.В. Бобырева предлагает классифицировать все концепты религиозного дискурса по степени их принадлежности религиозной сфере на первичные религиозные концепты – первоначально принадлежавшие области религии, а затем перешедшие в нерелигиозную сферу (“Бог”, “ад”, “рай”, “грех”, “дух”, “душа”, “храм”), и вторичные – охватывающие как сферу религиозную, так и светскую, мирскую, с явным превалированием в светской сфере (“страх”, “закон”, “наказание”, “любовь” и др.) [14], иными словами, по объему сакрального компонента, заключенного в концепте. Очевидно, что в концептах “Бог”, “ад”, “рай”, “дух”, “спасение” заключено священное знание большего объема, чем в концептах “страх”, “закон”, “любовь”. У.С. Баймуратова предлагает выделить макро- и микроконцепты религиозного дискурса, где под макроконцептом автор понимает концепт предельно широкого значения, способный включать другие концепты в свое ассоциативное поле, например, концепты “Бог” и “человек”, и где микроконцепт религиозного дискурса представляет собой концепт более узкого значения, который способен полностью или частично становиться составляющей концепта большего объема значения (“вера”, “душа”, “церковь” и т.д.). Здесь, на наш взгляд, также очевидна опора на объем священного знания, заключенного в концепте, – макроконцепты содержат в себе больший сакральный потенциал, микроконцепты – меньший.

В.И. Поставалова классифицирует религиозные концепты православного мирозерцания на два типа: концепты-мифологемы, отображающие важнейшие реалии “духовного космоса” православия (“Царство Небесное”, “Парусия” (“Второе пришествие”) и др.); концепты, выражающие важнейшие представления православного вероучения о Боге, человеке и мире, список которых практически не исчерпаем.

По мнению В.И. Поставаловой в число важнейших базисных концептов в православной концептологии входят:

- а) мистико-догматические концепты (откровение, грехопадение, спасение, обожение, святость);
- б) мистико-аскетические концепты (страсти и добродетели, грех, смирение, терпение, кротость);
- в) жизненные ценности (вера, любовь, истина, добро, красота, милосердие) и т.д.

Отдельную задачу в современной лингвистике составляет вопрос о методах описания концептов. В настоящий момент не существует единой разработанной методики изучения содержания концептов, разные исследователи предлагают различные приемы и методы их описания. Под методом мы, вслед за В.А. Масловой, понимаем “процедуры интерпретации, включающие в себя выводное знание” [15, с. 63]. Следовательно, методика исследования концепта – это совокупность методов, приемов и этапов в изучении концепта, применяемых и осуществляемых в определенной последовательности.

Как известно, основным методом исследования концептов, на сегодняшний день, считается **концептуальный анализ**, главной задачей которого является “моделирование концептов с помощью языковых и культурно-языковых данных” [16, с. 12]. В целом, традиционный концептуальный анализ обычно начинается с лексикографического (или “грамматического”) уровня описания форм воплощения концепта, а точнее, с установления дистрибуции слова. Далее он охватывает область дискурсивных описаний, включая анализ структур знания, стоящих за соответствующей языковой формой, и достигает своей вершины, то

есть завершается описанием культурных смыслов и коннотаций слова в контексте разных культур, эпох и умонастроений. Более того, как уточняет В.А. Маслова, на самом высшем уровне “семантического бытия” раскрывается символика слова и логика образа, стоящего за словом в сознании носителей языка определенной культуры [17, с. 167].

Однако, как свидетельствуют современные опыты истолкования разных типов концептов – философских, художественных, научных – такой чисто лингво-семиотический и лингвокультурологический взгляд не является достаточным для соответствующей реконструкции их смысловой глубины. Особенно это касается концептов в конфессиональных мировоззренческих системах, к числу которых относятся и религиозные. Всякий “общий” взгляд на религиозные концепты через призму культурно-языкового сознания какого-либо народа дает в целом усредненную картину их смыслового содержания, при этом “нивелируются” смысловые нюансы, а подчас даже игнорируются или принципиально искажаются существенные характеристики таких религиозных концептов в конкретных видах конфессиональных миропредставлений” [18].

Таким образом, изучение религиозных концептов требует синтеза религии, философии, науки и культуры с учетом пресуппозиционных знаний, постижения имплицитных смыслов религиозно-философских и богословских текстов, индивидуальной рефлексивной деятельности и ценностных установок авторов текстов. Для более глубокого понимания этих концептов необходимо осуществить выход на духовно-мировоззренческий уровень, проникнув, таким образом, в смысл “духовного космоса” того вероучения, которое явилось источником для создания концептуальной системы определенного типа конфессионального мировоззрения.

По мнению В.И. Постоваловой, исследование религиозного концепта следует осуществлять с помощью специального теоконцептологического анализа, позволяющего описать его содержание на духовно-мировоззренческом, культурно-историческом и лингво-семиотическом уровнях. В базисных религиозных концептах она выделяет семь уровней, или слоев, концептуального смысла, которые помогают представить концепт как многоуровневое, многомерное смысловое образование:

– *первый уровень* смыслового содержания религиозного концепта образует инвариантный, надязыковой, наднациональный и надкультурный, конфессиональный смысл, общий для соборного сознания всех ветвей и направлений в составе какого-либо определенного религиозного исповедания, например, христианства в целом;

– *второй и основной уровень* смысла религиозного концепта составляют мировоззренческие смыслы, вырабатываемые в конкретных конфессиональных ветвях определенного религиозного исповедания;

– *третий уровень* смысла религиозного концепта составляют духовные смыслы, вырабатываемые в различных этнических вариантах конфессиональных ветвей;

– *четвертый уровень* смысла образуют различные смысловые оттенки, приносимые в религиозный концепт при его осмыслении и переживании в различных обществах различных эпох (общецерковная жизнь, монашеское подвижничество и т.д.);

– *пятый уровень* смысла образуют смысловые оттенки, возникающие в восприятии религиозных концептов сквозь призму определенных символов, принятых в какой-либо конкретной духовной культуре – общенациональной или конфессиональной;

– *шестой уровень* смыслов в религиозном концепте образуют смысловые оттенки, привносимые при попытках прояснить духовный смысл концепта, опираясь на языковое чувство и народно-этимологическое восприятие слова, выражающего данный концепт в соответствующем языке;

– *седьмой уровень* смыслов в религиозном концепте образуют индивидуально-смысловые, личностные оттенки в интерпретации концептов в идиолектах отдельных представителей определенного религиозного исповедания [19].

Данная методика описания религиозных концептов впервые была представлена в статье В.И. Постоваловой “Религиозные концепты в теолингвистическом представлении” на примере концепта “смирение” в международном тематическом сборнике научных трудов “Теолингвистика: меѓународни тематски зборник радова” под редакцией А.К. Гадоцкого и К. Кончаревич в 2012 г. [19]. Теоконцептологический анализ также был использован при описании категорий-концептов “времени” и “вечности”, “смеха” и “слез” в православном мирозерцании в Образовательном курсе для аспирантов Института языкознания РАН [18].

С нашей точки зрения, правомерной является позиция В.А. Масловой, которая предлагает совместить традиционный анализ концептов духовного кода культуры, основанный на лингвосомиотическом и лингвокультурологическом подходах, с теоконцептологическим анализом, который базируется на принципе восхождения к смысловому содержанию концепта “сверху-вниз” с учетом всех трех уровней его интерпретации – духовно-мировоззренческого, культурно-исторического и лингво-семиотического. Именно такой подход к описанию религиозных концептов, по мнению В.А. Масловой, “завершает, корректирует и дополняет их, вписывая эти результаты в единую смысловую картину видения соответствующих концептов” [20, с. 250].

Заключение

С точки зрения современных исследователей, религиозными концептами всех христианских конфессиональных культур являются концепты “Бог”, “вера”, “грех”, “спасение”, “покаяние”, “рай”, “ад” и многие другие, однако у каждой конфессии в них есть своя конфессиональная специфика, как есть она, например, в понимании греха у католиков и православных. Определенно, что в семантике и в употреблении языковых стереотипов соединены сакральные/религиозные (семиотические) и профанные/мирские элементы смысла. Мы полагаем, что теоконцептологический анализ и традиционный лингво-, культурно-семиотический подход к исследованию концептов как раз и помогут выявить эти скрытые духовные смыслы, существенные и уникальные для того или иного религиозного мирозерцания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Мечковская, Н. Б.** Язык и религия : пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : ФАИР, 1998. – 352 с.
2. **Гончаров, С. З.** Духотворческая и культуротворческая сила Православия / С. З. Гончаров // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее ; под ред. прот. Л.М. Харайма и О.Т. Лойко. – Томск : Изд-во НТЛ, 1998. – С. 11–13.
3. **Будур, Н. В.** Православный словарь : монография / Н. В. Будур. – М. : ОЛМА-пресс, 2003. – 382 с.
4. **Бугаева, И. В.** Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Бугаева. – М. : [Гос. ин-т русск. яз. им. А. С. Пушкина], 2010. – 48 с.

5. Пословицы русского народа : сборник В. И. Даля. – М. : Рус. яз. Медиа, 2004. – 814, [2] с.
6. **Воркачев, С.** Счастье как лингвокультурный концепт / С. Воркачев. – М., 2004. – С. 192
7. **Постовалова, В. И.** Религиозные концепты в православном миросозерцании : Образовательный курс для аспирантов Института языкознания РАН / В. И. Постовалова. – М. : Институт языкознания РАН, 2013. – 123 с.
8. **Степаненко, В. А.** Слово /Logos/ Имя – имена – концепт – слова (сравнительно-типологический анализ концепта “Душа. Seele. Soul” на материале русского, немецкого и английского языков) : монография / В. А. Степаненко. – Иркутск, 2006. – 312 с.
9. Словарь иностранных слов / под ред. В. В. Бурцевой. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – 817 с.
10. **Гриненко, Г. В.** Сакральные тексты и сакральная коммуникация: логико-семиот. анализ вербал. магии / Г. В. Гриненко. – М. : Новый век, 2000. – 445, [2] с.
11. Успенский пост [Электронный ресурс] / Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Успенский пост](https://ru.wikipedia.org/wiki/Успенский_пост). – Дата доступа: 04.09.2014.
12. **Флоренский, П. А.** Православие [Электронный ресурс] / П. А. Флоренский. Православие. – Режим доступа: http://pilotchart.narod.ru/text/Florenskiy/Florenskiy_4.htm – Дата доступа: 09.09.2014.
13. **Бобкова, Д. Н.** Текст как отражение языковой личности (на примере репрезентации компонентов религиозного сознания в тексте) // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации ; под ред. Т. В. Чернышовой. – Барнаул : Изд-во Алтайс. ун-та, 2009. – С. 20–25.
14. **Бобырева, Е. В.** Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : дис. ... докт. филол. наук : 10.02. 19 / Е. В. Бобырева. – Волгоград, 2007. – 374 с.
15. **Маслова, В. А.** Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В.А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
16. **Яковенко, Е. Б.** Ното biblicus. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования) / Е. Б. Яковенко. – М. : ИП Кошелев А.Б. (Издательство “Эйдос”), 2007. – 288 с.
17. **Маслова, В. А.** Концепты разных типов и пути их реконструкции / В.А. Маслова // Принципы и методы описания языковой картины мира : сб. науч. тр. – Вып. 6 / сост., отв. ред. Т. В. Симашко. – М. ; Архангельск, 2013. – С. 160–169.
18. **Постовалова, В. И.** Религиозные концепты в православном миросозерцании (Образовательный курс) / В. И. Постовалова // Magister Dixit : электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2013. – № 4(12) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://md.islu.ru> – Дата доступа: 16.01.2014.
19. **Постовалова, В. И.** Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Теолингвистика [Текст] : меѓународни тематски зборник радова / Унив. у Београду, Православни богословски фак., Ин-т за теолошка истраживања ; гл. уред. Александар К. Гадовски, Ксенија Кончаревић. – Београд : Православни богословски фак. Унив. у Београду, Ин-т за теолошка истраживања, 2012. – 496 с. – С. 143–152.
20. **Маслова, В. А.** Принципы и приемы исследования концептов / В. А. Маслова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия “Филология. Социальные коммуникации”. – Том 26 (65). – № 1. – С. 249–253.

Поступила в редакцию 29.09.2014 г.

Контакты: e-mail: annushka1981@tut.by (Бувевич Анна Александровна)

Summary

The article deals with the definitions of religious concept, its basic characteristics and the methods of description. The relevance of the article is determined by the interest of modern linguistics in the reflection of national culture and therefore religion of this or that ethnic group in the language. Religion is an area of the increased attention to the word and the origin of human culture is rooted precisely in religion. The author makes an attempt to define a method to describe religious concepts that combines the elements of the traditional conceptual analysis with the theoconceptual analysis proposed by V.I. Postovalova.

УДК 882.09

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ГРАЖДАНСТВЕННОГО РОМАНТИЗМА: В ПОИСКАХ “СВОЕЙ” НАРОДНОСТИ

Г. С. Чернова

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики
МГУ имени А. А. Кулешова, г. Могилев, РБ

В статье отмечается объективная обусловленность борьбы критиков-декабристов и их единомышленников за национальную самобытность русской литературы. Анализируются эτικο-эстетические принципы их суждений о народности. Доказывается связь теоретических основ их трактовки категории народности с философско-эстетической мыслью своего времени. Рассматриваются достижения и «предел» критики гражданского романтизма. Подчеркивается актуальность выводов ее представителей о необходимости защиты национальных основ своей культуры.

Введение

Народность как один из основополагающих критериев оценки художественных произведений утверждается в русской критике в эпоху романтизма в начале XIX в. Победа России в Отечественной войне 1812–1813 гг. обусловила подъем не только личного, но и национального самосознания. В литературных кружках, на заседаниях первых тайных обществ заговорили о “русском колоссе” и необходимости создания самобытной литературы, способной отразить национальные особенности россиян. В свою очередь перед критикой вставала задача определить содержание самого понятия “народность”.

Значительный вклад в ее решение внесла критика гражданского романтизма. Социально-этический смысл суждений ее представителей о “духе времени”, национальной самобытности, назначении поэта и поэзии в разные годы исследовали Г.А. Гуковский, В.Г. Базанов, Н.И. Мордовченко, Н.А. Степанов и др. Сегодня же особую актуальность приобрела проблема взаимовлияний различных культур и культурных традиций. Поэтому возникает необходимость определить, прежде всего, теоретическую основу трактовки категории народности русскими критиками-романтиками, что дает возможность выявить связь их трактовки с европейской философско-эстетической мыслью своего времени.

Основная часть

В критике гражданского романтизма главенствующую роль играли те, кого позже назовут декабристами. Именно они определяли этические и эстетические принципы этого направления с 1816 (со времени создания первых тайных обществ) по 1825 г., когда был подавлен мятеж на Сенатской площади. Однако пафос общественного служения, вольнолюбия и борьбы за свободу личности отстаивали и люди, близкие к ним по своим убеждениям и литературным пристрастиям. Поэтому с полным правом можно утверждать, что кроме А.А. Бестужева, В.К. Кюхельбекера, К.Ф. Рыльева критику гражданского романтизма представляли П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич, О.М. Сомов, участник группы “Зеленая лампа” А.Д. Улыбышев и др.

В оценке литературных явлений декабристы и их единомышленники руководствовались двумя взаимосвязанными критериями: народностью и общественно значимым предметом изображения. “Желательно, чтобы критика <...> отвергла все частности <...> а имела бы взор более общий, правила более стихийные. Лица и случайности проходят, но народы и стихии остаются вечно”, – писал Бестужев в обзоре “Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов” [1, с. 403].

Но для того, чтобы использовать критерий народности, необходимо было уяснить содержание самого этого понятия. Принято считать, что наиболее полное определение народности принадлежит О.М. Сомову. В статье “О романтической поэзии” он писал: “Словесность народа есть говорящая картина его нравов, обычаев и образа жизни. <...> Новость поэзии, качества, отличающие ее от стихотворства других племен, состоит не в названии родов ее, но в духе языка, способе выражения, в свежести мыслей, в нравах, наклонностях и обычаях народа, в свойствах предметов, окружающих и действующих на воображение” [2, с. 136]. Те же мысли звучали в публикациях и других представителей критики гражданского романтизма. Нельзя, однако, не отметить, что все их суждения о самобытности искусства базировались на идее народности художественного творчества, сформулированной немецким философом Г.И. Гердером. “Он первый вполне ясно и систематически стал смотреть на всю литературу как на проявление живых национальных сил, как на отражение национальной цивилизации во всем ее целом”, – писал В.И. Гёте [3, с. 313]. Однако сам Гердер называл своим учителем Ж.-Ж. Руссо. Именно французский философ обозначил в своих трактатах проблемы, которые во всех странах Европы приобрели особую актуальность к началу XIX в.: человек и его права и народ как субъект истории [4]. Вслед за Руссо Гердер доказывал, что образцы “безыскусственности и благородной простоты” следует искать не в элитарной, а в народной, демократической культуре.

Труды Гердера, особенно “Идеи к философии истории человечества” (1784–1791), принесли их автору европейскую известность. В России Гердера читали его современники А.Н. Радищев, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский. “Великим ученым и глубокомысленным метафизиком” считал Гердера Карамзин. Как заметил Н.А. Бердяев, “русская творческая мысль начала раскрываться в атмосфере германского идеализма и романтизма” [5, с. 93].

Об отношении декабристов к Гердеру можно судить по короткому замечанию, которое сделал в своих “Путешествиях по Германии” Кюхельбекер: “Вчера вечером приехал в Веймер; в Веймер, где жили великие Гёте, Шиллер, Гердер, Виланд” [6, с. 418]. Несомненно, что в умах и сердцах патриотически настроенных молодых литераторов находили отклик мысли “мудреца-песнопевца”, “великого Гердера” (Кюхельбекер) о том, что каждый народ имеет свою историю, свою культуру, свою судьбу. Однако эти общие положения декабристы наполняли своим содержанием. “Русские искали в западной мысли, прежде всего, сил для изменения и преобразования собственной неприглядной действительности” [6, с. 91]. Эти слова Бердяева во многом объясняют то особое чувство, с которым Улыбышев, Рылеев, Кюхельбекер воспринимали строки Гердера, посвященные славянам. С большой симпатией автор “Идей...” писал об их миролюбии, милосердии, гостеприимстве, любви к свободе, но в то же время, – о послушании, покорности и “лености раба”. Эти противоречия в характере славян он объяснял драматической судьбой народа, пережившего многочисленные нападения врагов

с Запада и нашествие кочевников с Востока. Однако Гердер был убежден, что колесо истории не стоит не месте, и в будущем славяне “пробудятся от своего долгого, тяжелого сна, сбросят с себя цепи рабства <...> и отпразднуют свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли”. Поэтому он призывал ученых описывать “исчезающие остатки обычаев, песен и сказаний славян, чтобы была создана целостная история этого племени, чего настоятельно требует общая картина человечества” [7, с. 176].

Представители критики гражданского романтизма признавали актуальность призыва Руссо и Гердера изучать историю и культуру своего народа. “Великие события (победа русского оружия над Наполеоном. – Г.Ч.) оживили почти угасшую искру нашего народного гения. Стали вскрывать плодоносную и почти нетронутую жилу нашей древней народной словесности. И вскоре из нее вспыхнул поэтический огонь”, – писал Улыбышев в статье “Сон” (1819) [2, с. 127]. Летописи, песни, народные сказания, в которых раскрываются национальные особенности россиян, литераторы-декабристы считали “вернейшими источниками нашей словесности”. Показательна публичная лекция Кюхельбекера, которую он прочел в Парижском Атенее во время своего заграничного путешествия 1820–1821 гг. Он говорил о новгородской вольности, о древнем русском республиканизме, о нашем национальном характере. Влияние Гердера прослеживается и в постановке Кюхельбекером проблемы языка. Немецкий философ доказывал, что “языки у разных народов отличаются не только строением речи, но и физиогномическим образом”. Кюхельбекер добавлял, что в языке раскрывается национальный характер, что в свою очередь определяет развитие литературы народа.

Декабристы и их единомышленники считали, что в подражательной литературе не может быть художественности. В этом убеждении были едины Сомов и Кюхельбекер, Вяземский и Рылеев. “Необходимо иметь народную поэзию, неподражательную, независимую от преданий чужих”, – призывал Сомов [2, с. 141]. “Признаемся со смирением, – сетовал Вяземский в статье “О «Кавказском пленнике»”, – есть язык русский, но нет еще словесности, достойной народа могучего и могущественного” [2, с. 144]. Бестужев, по сути, упрекал всю новейшую русскую литературу в подражательности: “Было время, когда мы вздыхали по-стерновски (камень в сторону Карамзина. – Г.Ч.), потом любезничали по-французски (упрек русским классицистам. – Г.Ч.), теперь залетели в тридевятую даль по-немецки (понятно, что имелся в виду Жуковский и его последователи. – Г.Ч.). Когда мы будем писать по-русски?” [1, с. 405]. И, наконец, Кюхельбекер в статье “О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие” восклицал: “<...> не довольно <...> присваивать себе сокровища иноплеменников: да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и нравственном мире первою державою во вселенной” [6, с. 442].

Все учебные пособия по истории русской критики отмечают: декабристы были убеждены, что русскому национальному характеру свойственны твердость духа, презрение к опасности и самой смерти, нетерпимость к любым формам угнетения. Но эту мысль впервые сформулировал Сомов. Цитата же из его статьи о “Романтической поэзии” приводится, как правило, с сокращениями и без ссылок на источник. Поэтому следует прочесть отрывок из этой работы без привычных купюр: “Но как же мы смешаем в общих свойствах всех народов эту твердость духа, презирающую опасности и самую смерть? Это безропотное повиновение властям законным и нетерпение ига чужого? Это радушное гостеприимство русских, прославленного даже иноплеменниками? <...> Есть кроме сего

многие и недостатки – мы их видим, и если не примечаем потому, что видим очень часто, то нам стоит только обратить внимание на сходные поступки разных лиц в разных сословиях, сравнить их с поступками других народов в тех же случаях, и тогда мы отдельно и ясно увидим оттенки нравственные, казавшиеся нам слитно и как бы в тумане” [2, с. 136].

Совершенно очевидно, что в данном случае Сомов повторил оценку славян, данную Гердером. Но именно декабристы установили традицию считать протестность главной чертой русского национального характера. Идеи борения и противостояния определили героический идеал, с точки зрения которого публицисты, связанные с революционным крылом освободительного движения, в течение последующих десятилетий XIX в. оценивали значимость художественных произведений.

Идеей народности критика гражданского романтизма обуславливала решение вопроса о назначении поэзии. В свое время Карамзин и Жуковский писали о роли искусства в нравственно-эстетическом просвещении и духовном совершенствовании личности. Для эстетики декабристов была актуальна формула “поэзия есть добродетель” (Кюхельбекер). Но добродетель, в их понимании, означала, прежде всего, героико-гражданские устремления человека и его способность воплотить их в жизнь. Поэтому в литературе они ценили в первую очередь вольнолюбиво-патриотическое содержание, которое служило бы общественному благу. Интересно отметить, что те же задачи ставили перед собой и польские литераторы. В “Предисловии к «Историческим песням»” (1816) Ю.У. Немцевич писал: “Напомнить юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти – вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине. <...> ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в силах изгладить. Они крепнут с годами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для света”. Под этими словами, без сомнения, подписался бы Рылеев: не случайно он цитировал их в “Предисловии к отдельному изданию «Дум»” [2, с. 156]. Следует подчеркнуть, что героизация национального характера была свойственна литературе тех народов, которые испытывали подъем национального самосознания.

Задачи, поставленные декабристами перед искусством, обуславливали призывы к поэтам “помышлять”, прежде всего, об общественном благе. “<...> Поэт вещает правду и суд, торжествует о величии родного края, мечет перуны в супостатов, блажит праведника, клянет изверга”, – убеждал Кюхельбекер [6, с. 437]. “Я не поэт, а гражданин”, – провозглашал Рылеев. К этим словам можно относиться по-разному. Но не может не вызывать уважение неразделимость эстетических деклараций и судьбы поэта, который, взойдя 16 июля 1826 г. на эшафот, заявил: “Я счастлив, что дважды умираю за Отечество”...

Народность и соответствующий ей героический предмет изображения критика гражданского романтизма признавала “объективными и вечными” критериями оценки литературных явлений. На деле эти критерии не избавляли ее от односторонних, а порой ошибочных суждений о произведениях, не укладывавшихся в рамки установленных требований. Декабристы и литераторы, разделявшие их эстетические убеждения, безоговорочно принимали романтические поэмы Пушкина. Вяземский, например, восхищаясь “Кавказским пленником”, приписал вольнолюбию героя общественно-значимый смысл. В “Цыганах” Бестужев усмотрел народность характеров персонажей и самобытность содержания. Критик считал, что “это произведение далеко оставило за собой все, что он

(Пушкин. – Г.Ч.) писал прежде. В нем-то гений его, откинув всякое подражание, восстал в первородной своей красоте и простоте величественной. В нем сверкают молнийные очерки вольной жизни и глубоких страстей и усталого ума в борьбе с дикою природою” [1. Т. 2, с. 407]. Но первую главу “Евгения Онегина” критика гражданского романтизма приняла весьма сдержанно. Предмет изображения – прозаическая жизнь обыкновенных людей – не соответствовал принципам, которые должны определять “истинную поэзию” и отделять ее от “неистинной”. В “Евгении Онегине” не было героя, совершающего общественно-значимый поступок, поэтому они не могли признать роман Пушкина самобытным и расценили его отнюдь не как творческое достижение поэта. Подобные суждения свидетельствовали о том, что в критике наметилась тенденция “отставания” от литературы.

Заключение

К концу 1820-х гг. начинается кризис романтического миропонимания и роль критики гражданского романтизма объективно исчерпывается. Тем не менее, нельзя не учитывать вклад, который декабристы и их единомышленники внесли в историю русской критической мысли. Опираясь на учение Гердера, они идеологически обосновали критерий народности. Благодаря им, этот критерий стал основополагающим в русской критике, а позже – в литературной науке.

Декабристов можно упрекнуть в том, что их трактовка народности таила опасность превращения борьбы за национальную самобытность в национализм. В то же время сегодня, когда остро встал вопрос о защите этических и эстетических основ русской культуры, их литературно-критические суждения воспринимаются как серьезный и поучительный урок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бестужев, А. А.** Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов / А. А. Бестужев // Сочинения : в 2 т. – М. : Художественная литература, 1981. – Т. 2. – С. 401–412.
2. Русская литература XIX в. Выпуск 1 : Литературное движение первой четверти XIX в. – Харьков : Изд-во Харьковского государственного университета, 1959. – 285 с.
3. **Гёте, И. В.** Поэзия и правда. Из моей жизни / И. В. Гёте. – М. : Захаров, 2003. – 736 с.
4. **Бердяев, Н. А.** Русская идея / Н. А. Бердяев / Вопросы философии. – № 1. – 1990. – С. 77–144.
5. **Руссо, Ж.-Ж.** Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо – М. : Канон-Пресс : Кучково поле, 1998. – 416 с.
6. **Кюхельбекер, В. К.** Сочинения / В. К. Кюхельбекер – Л. : Художественная литература, 1989. – 576 с.
7. **Гердер, Г. И.** Идеи к философии истории человечества (Памятники исторической мысли) / Г. И. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 705 с.

Поступила в редакцию 15.10.2014 г.

Контакты: e-mail: stanislavchernof2011@yandex.by (Чернова Галина Сергеевна)

Summary

The article analyses the historical, social and philosophical context in which critics of revolutionary romanticism began to look for the reasons for the national identity of the Russian literature. A link between the Russian judgments about nationality and European philosophical and aesthetic ideas is detected. The article presents the achievements and the “limit” of criticism of revolutionary romanticism. The idea of the protection of the national culture is accentuated.

УДК 82-1

ТРАГИЧНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА В ЛИРИКЕ О. В. ПЕРЕВЕРЗЕВОЙ

О. И. Зуева-Заливко

аспирант кафедры германо-романской филологии
МГУ имени А. А. Кулешова, г. Могилев, РБ

Настоящая статья посвящена исследованию лирики О.В. Переверзевой, в контексте русскоязычной поэзии Беларуси. Рассматриваются традиции, раскрываются основные мотивы и образы творчества О.В. Переверзевой; проводятся параллели между поэзией О.В. Переверзевой и М. Цветаевой.

Введение

Изучение литературы Беларуси на современном этапе требует от исследователей принять во внимание тот факт, что существуют произведения не только на белорусском языке, но и на русском (в последнее время появился большой пласт белорусской литературы на русском языке).

Одним из представителей русскоязычной литературы и является О.В. Переверзева. В краткой аннотации, которая предшествует ее книгам, сообщается, что О.В. Переверзева автор статей и эссе по психологии социума в республиканской печати; короткой прозы и поэтических подборок в литературных изданиях “Московский литератор” и “Российский колокол” (Москва), “Неман”, “Новая Немига литературная” (Беларусь); соавтор антологии “Современная русская поэзия Беларуси” (2003); автор поэтических сборников “Имя на память” (2006), “Амальгама судеб” (2010) [1]. Член Союза писателей Беларуси.

Творчество О.В. Переверзевой, в контексте русскоязычной литературы Беларуси, имеет отношение и к русской, и к белорусской поэзии, оно одновременно развернуто в сторону разных культурных парадигм.

В одной из своих работ профессор А.Н. Андреев, занимающийся вопросами теории литературы, отмечает: “Сегодняшняя русская литература Беларуси немислима без традиций русской литературы (вне этого русской литературы Беларуси просто не существует), и в тоже время в русской литературе Беларуси начинают присутствовать традиции и контекст, которых не было, нет и не может быть в литературе русской. Это живой и противоречивый процесс, который требует постоянного осмысления и отслеживания” [2, с. 335–337].

Основная часть

Мы обратились к творчеству О.В. Переверзевой потому, что художественный уровень ее произведений достаточно высок, а ее творчество практически не изучено.

Вопросы специфики творчества О.В. Переверзевой в контексте литературного процесса Беларуси конца XX – начала XXI в. лишь частично затрагиваются в статьях Г. Киселева [3, с. 167].

В указанных работах, посвященных поэзии О.В. Переверзевой, на первый план выходит доказательство уникальности ее поэтического феномена. О.В. Пе-

реверзевой присущ крайний предел переживаний, определенный трагический образ любви, которые являются частью ее мироощущения.

В этой связи нам представляется актуальным сопоставление творчества О. Переверзевой и М. Цветаевой. На необходимость сопоставления данных поэтов указывают и некоторые исследователи творчества О.В. Переверзевой. К примеру, Г. Киселев отмечает, что мировоззренчески и стилистически О. Переверзева тяготеет к мироощущению М. Цветаевой, к волевому бескомпромиссному характеру ее поэзии. О целесообразности данного сопоставления говорит и ряд биографических фактов [4].

Творчество М. Цветаевой тесно связано с ее жизненной трагедией, сложными историческими и социальными условиями, в которых она жила. Непростая судьба О.В. Переверзевой без сомнения оставила отпечаток на ее творчестве.

Для выявления взаимосвязей, существующих между произведениями указанных авторов, следует, прежде всего, проанализировать влияние традиции серебряного века и М. Цветаевой. Необходимо выделить поэтические явления, важные для формирования художественного мира авторов, обозначить основные темы и мотивы их творчества, дать характеристику лирическим героям, обозначить стилевые особенности и др.

Обращаясь к основным темам и мотивам творчества М. Цветаевой, следует отметить, что именно трагедийный образ любви является одним из ключевых в русской литературе серебряного века, и, в частности, в лирике М. Цветаевой, которая принесла в русскую поэзию небывалую глубину и выразительность лиризма, новое проявление женской души. Говоря о Марине Цветаевой, В.Ф. Ходасевич отмечал, что она “дорожит каждым впечатлением, каждым душевным движением, что главной ее заботой становится – закрепить наибольшее число их в наиболее строгой последовательности, не расценивая, не отделяя важного от второстепенного. Ее поэзия стремится стать дневником” [5].

Трагическое звучание приобретает у Цветаевой тема несостоявшейся любви. Трагедийный образ любви раскрывается в разлуке душ, невозможности быть вместе. Два человека, предназначенных друг другу, вынуждены расстаться. Их может разлучить многое – обстоятельства, люди, время, невозможность понимания, недостаток чуткости, несовпадение устремлений. Так или иначе, слишком часто цветаевской героине приходится постигать “науку расставанья”:

Все круче, все круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные, – разлуки [6, с. 149].

Следует отметить, что трагедийный образ лирической героини М. Цветаевой тесно связан с мотивом спора с судьбой. Прослеживается стремление преодолеть все преграды, стоящие на пути, превозмочь влияние и давление обстоятельств. Она готова сразиться со всем миром, отвоевать любимого “у всех земель, у всех времен”, у всех женщин и даже у самого Бога:

...И в последнем споре возьму тебя – замолчи! –
У того, с которым Иаков стоял в ночи [6, с. 87].

В ее стихах мы слышим не бессильную жалобу или сетование, но гневный, яростный крик: “Рас-стояние: вёрсты, мили... Нас рас-ставили”.

Строки стихотворения звучат не как перечень утрат, а как обвинение. Слово противостоит страшной стихии разрушения человеческих связей.

Данные мотивы раскрываются с помощью определенного набора образов. Перед нами предстает самозабвенная, нервная, многословная, противоречивая и сбивчивая в своих высказываниях женщина. Любовные переживания захватывают ее целиком, сжигают душу:

“Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед!” [6, с. 36].

Цветаевская героиня убеждена, что чувства обладают огромной силой, им могут быть подвластны расстояния и время:

“Целую вас — через сотни
Разъединяющих лет” [6, с. 47].

Она вся отдается своему чувству, живет и дышит только им:

“Не властвовать!
Без слов и на слово” [6, с. 185].

Однако, любовь для лирической героини М. Цветаевой не развлечение и даже не романтический “огонь”, вечный крест и боль, трагедия, преследующая ее повсюду:

“Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой” [6, с. 86].

Сходные мотивы и образы в лирике М. Цветаевой перекликаются с основными мотивами творчества О.В. Переверзевой. Трагедийный образ любви является центром ее поэзии. Она обращается к читателям не просто словами, а определенными мелодиями, интонациями, паузами, ритмами, образами, которые заставляют вспомнить поэтику М. Цветаевой. Четко прослеживается стремление к передаче определенного уонастроения и мироощущения. Ее стихи всегда на грани, рвутся и горят, как и поэзия М. Цветаевой. О.В. Переверзева обращается к нам с бунтарским, отчасти цветаевским “драйвом” [7, с. 4–7]:

Оторви да брось,
Чтоб навек и врозь!
Раскрой по швам —
Ни себе, ни вам!

Слезы негодования, боли утраты, потери, ностальгии и вечной борьбы обрушиваются на читателя, заставляя сочувствовать и сопереживать. Мотив спора с судьбой находит отражение во многих стихотворениях О.В. Переверзевой:

Переспорила б судьбу,
Всех сорок и злые вести,
Не накаркали б беду.
Были б живы. Быть бы вместе [1, с. 19].

Лирическая героиня О.В. Переверзевой готова поспорить с судьбой и даже Богом:

И босиком с небес,
тайком, украдкою,
Судьбе наперерез
той встречей краткою [1, с. 46].

Неоднократно мотив спора с судьбой находит свою реализацию в желании преодолеть все преграды, расстояние и время. Характерный для М. Цветаевой постоянный конфликт, противостояние с миром находит продолжение в лирике О.В. Переверзевой. Она вовлечена в вечную борьбу с жизнью и судьбой; гармония с миром, душевное единение изначально невозможны. Бесконечное сражение не покидает нас, а лишь усиливает мотив трагической участи героини, ее обреченности вести вечную битву, вечное одиночество:

Держи удар с прямой спиной!
Не плач, не жалуйся, не гнись!
Твой бой с судьбой – твой путь земной [8, с. 282].

Любовь и печальные откровения пронизывают многие стихотворения О.В. Переверзевой. Однако из уст ее лирической героини мы не услышим обвинений. Здесь нет мстительности, сарказма, гневных интонаций оскорбленного самолюбия, звучат лишь разочарование и тоска. Отвергнутая женщина беспомощна и слаба в своем горе. Она вновь и вновь повторяет вопрос, на который нет ответа. Как и лирическая героиня М. Цветаевой она полностью отдается своим чувствам и переживаниям:

Когда она смеялась,
знал ли ты,
Что горем утонченные черты
Лишь уточняют дату боли на лице [8, с. 280].

У нас есть основания говорить о том, что О.В. Переверзева впитала традиции М. Цветаевой и более широко – традиции серебряного века. Особая интонация, форма выражения внутреннего мира – находит отражение в поэтическом мире О. Переверзевой. Ее стихотворения не только очень мелодичны, что характерно для традиций серебряного века; эта мелодика романсовая, их с легкостью можно положить на музыку, и они звучат, раскрывая особенную трагичность и безысходность любви лирической героини (кстати сказать, многие ее произведения исполняются под гитару).

Ее поэзия отражает глубокий и противоречивый внутренний мир. Образы и символы приобретают несколько иное наполнение, несут особую смысловую нагрузку. Стихотворения О.В. Переверзевой наполнены трагическим мироощущением, любовь и безысходность выливаются в вечную борьбу против неизбежности. Лирическая героиня протестует и сражается, но не в силах что-либо изменить, она не видит пути к гармонии, так как ее и не существует:

Вы убиваете гуманно.
И больших бед не пережить.
Не отпускаете...
как странно
Любимой и убитой быть [1, с. 6].

Заключение

Таким образом, нам представляется доказательным существование связи между поэткой М. Цветаевой и О. Переверзевой, которая реализуется главным образом в особой лексике, интонации, образах, за которыми стоит спор с судьбой и Богом, желание преодолеть расстояние и время, обреченность на вечную борьбу и противостояние.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Переверзева, О. В.** Амальгама судеб: стихотворения / О. В. Переверзева. – Минск : Ковчег, 2010. – 168 с.
2. **Андреев, А. Н.** Русская (русскоязычная) литература Беларуси: проблемы становления / А. Н. Андреев // Powróćcie do Rosji wierszami i proza. Literatura rosyjskiej emigracji (Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья) ; под ред. Г. Нефагиной. – Akademia Pomorska w Słupsku, Słupsk (изд. Поморской академии в Слупске, Слупск). – 2012. – С. 335–341.

3. **Киселев, Г. И.** И божество, и вдохновенье! / Г. И. Киселев // Неман. – 2013. – № 6. – С. 159–185.
4. МЕГАЛИТ евразийский журнальный портал [Электронный ресурс] / Авторы МЕГАЛИТА региона Беларусь. – Режим доступа: http://www.promegalit.ru/belarus/personals/912_pereverzeva_olga.html. – Дата доступа: 15.02.2014.
5. Рецензии на произведения Марины Цветаевой [Электронный ресурс] / В. Ходасевич, После России : Стихи 1922–1925 – Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/135010?p=59>. – Дата доступа: 03.05.2014.
6. **Цветаева, М.** Сочинения : в 2 т. / сост. А. Саакянц. – Минск : Нар. асвета, 1988. – Т. 1. – 542 с.
7. **Андреев, А. Н.** Отражение судьбы или невесомая жизнь без доли / А. Н. Андреев // Рец. на кн.: Переверзева, О.В. Амальгама судеб: стихотворения / О. В. Переверзева. – Минск : Ковчег, 2010. – 168 с.
8. **Переверзева, О. В.** У этой хрупкой тишины / О. В. Переверзева // Неман. – 2011. – № 5–6. – С. 279–282.

Поступила в редакцию 21.11.2014 г.

Контакты: (+375 44) 774-03-49 (Зуева-Заливко Ольга Ивановна)

Summary

The article displays the study of O.V. Pereverzeva's poetry in the context of the Russian language literature in Belarus. It provides the analysis of Olga Pereverzeva's poems, their main motifs, images and traditions and contrasts the poetry of O.V. Pereverzeva and M. Tsvetaeva.